НОВАЯ ПОЛЬША

№9(56) 2004

ЧЕСЛАВ МИЛОШ УШЕЛ
ЕГО ПОЭЗИЯ ПЕРЕЖИВЕТ НАС

60-я ГОДОВЩИНА ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ

ВИЗЫ В ПОЛЬШУ

Из воспоминаний **Олега Закирова**

Проза **Томаша Лубенского**

Стихи **Юлии Хартвиг, Давида Самойлова и Мариана Чухновского**

О книгах **Юзефа Хена** и **Адама Поморского**

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

«Новая Польша» в сети - это не только зеркало текущего номера.

В виртуальной версии журнала Вы найдете постоянно пополняющийся архив «бумажных» изданий, а также текущие обзоры польских журналов и другие материалы, подготовленные специально для интернет-сайта.

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 9(56)
2004
СЕНТЯБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Юлия Хартвиг 4
МЕДИТАЦИЯ

Наталья Горбаневская 6
ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Анатолий Ройтман 10
ПРОЩАНИЕ С ПОЭТОМ

Адам Михник 12
ДЕКАН, МЫ БЕРЕЖЕМ НАКАЗ ТВОЙ

ЧЕСЛАВ МИЛОШ УШЕЛ — 15
ЕГО ПОЭЗИЯ ПЕРЕЖИВЕТ НАС
В 60-ю ГОДОВЩИНУ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ

Чеслав Милош 19
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Давид Самойлов 22
«БЛИЖНИЕ СТРАНЫ» Два отрывка из поэмы

Янина Куманецкая 25
В 60-ю ГОДОВЩИНУ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ

Виктор Кулерский 27
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Тереса Черневич-Умер 33
ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ ВИЗ

Ежи В. Борейша 37
НАУТРО ПОСЛЕ ВАЛЬПУРГИЕВОЙ НОЧИ

Олег Закиров 40
СВИДЕТЕЛИ ЭПОХИ

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ НА ВОСТОК 42
Беседа с Тадеушем Столяжевским

Томаш Лубенский 45
ВСЁ В СЕМЬЕ

Лешек Шаруга 49
ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Мариан Чухновский 51
СТИХИ

Петр Мицнер 55
ПОЭТ ИНСТИНКТОВ

Гжегож Пшебинда 56
АД РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Божена Загурская 61
СТАНИСЛАВ И ЕКАТЕРИНА

ПЕРЕСТАТЬ ДУМАТЬ О МУЗЫКЕ Я УЖЕ НЕ МОГУ 64
Беседа с Яцеком Каспшиком

НАГРАДА ФОНДА «ПОГРАНИЧЬЕ» 67

Лешек Вонтрубский 68
КАК ЖИВЕТСЯ «БЕЛОРУССКИМ ПОЛЯКАМ»?

Лешек Шаруга 70
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 73
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ДИКТАТОРЫ НЕ ЛЮБЯТ ФОТОРЕПОРТЕРОВ 77
Беседа с Томашем Кизным

Переводчики: А.Блинков, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, А.Ройтман, С.Филипчак.
Фото ©: K. (стр. 3, 6, 10, 13), Zb.Bielawka (стр. 18), Archiwum (стр. 25), Tadeusz Stolarzewski (стр 42, 43), Agencja Gazeta (стр. 49, 61), Tomasz Kizny (стр. 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская ***(секретариат)***
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих ***(зам. гл. редактора)***
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

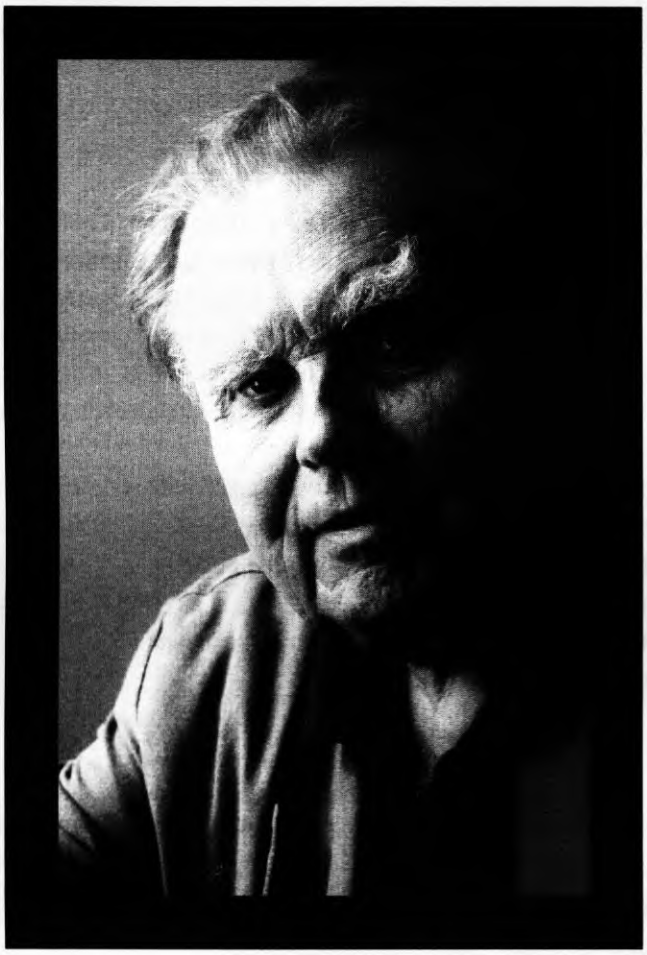
Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95;608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**
Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: **280-83-52**
e-mail: **mik@mecom.ru**

Издатель
BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

CZESŁAW MIŁOSZ ЧЕСЛАВ МИЛОШ
1911-2004



С глубокой скорбью воспринял я известие о кончине Чеслава Милоша, одного из самых выдающихся польских поэтов, писателя и эссеиста, лауреата Нобелевской премии по литературе, доктора honoris causa Люблинского католического и Ягеллонского университетов, почетного гражданина Литвы.

Он был человеком, который внес непреходящий вклад в польскую культуру и польскую жизнь. Бесспорный нравственный авторитет, необыкновенно преданный делу правды и свободы, терпимости между людьми и народами. Он выражал нашу тревогу, наши чаяния и надежды. Его голос открывал перед нами путь в объединенную Европу. Он был одним из величайших умов XX столетия.

Чеслав Милош был кавалером ордена Белого Орла.

Родным, близким и друзьям покойного выражаю искренние соболезнования.

Поэт почил. Его творение пребудет. Мы благодарим и будем помнить.

Президент Республики Польша Александр Квасневский

Юлия Хартвиг

Перевод
Натальи Горбаневской

МЕДИТАЦИЯ

Не были мы ни достойны ни слишком самоуверенны
чтобы браться за темы превосходившие нас
Он должно быть об этом знал раз побуждал к простоте
и даже предупреждал с насмешкой не прыгать выше головы
и не заглядывать божеству за шиворот
Но предупреждал впустую
ибо гордыней были сами занятия искусством

Сколько сумел он сказать о себе дурного
не наболтал ни один из его малолетних гонителей
О вере говорил он смело
ощущал себя манихеем, но остался при правой вере
хоть его не оставляли сомнения
Правда — как сам он заметил — ум его был коварным
Дано ему было больше других и он это знал

Бывало за это его ненавидели
бывало смотрели попросту косо — порицая
Недоучки поучали его
Кое-кто пытался с убежденьем или без
передвинуть его в конец списка
Как других так и его не миновала неправедность

Быть обожаемым или отвергнутым
этот путь он сам выбрал
Никогда посередине

Бывало он сравнивал себя с Иовом
но глядевшие со стороны
видели только что ему везет
словно подписал соглашение с чертом
ибо слава его объяла два континента
и он занял высокое место в поэтической башне

А он отлично знал
что самого главного не знает
и знать не может
Он хотел показать реальное и показал
Но над этой реальностью возносилось всегда
неотгадываемое пространство
как воздвигнутая над геенной долина счастья

Прежде чем настал назначенный срок
ему открылось чем будут старость и угасание
Город неохотно и медля
отдавал свои крепости и корабли

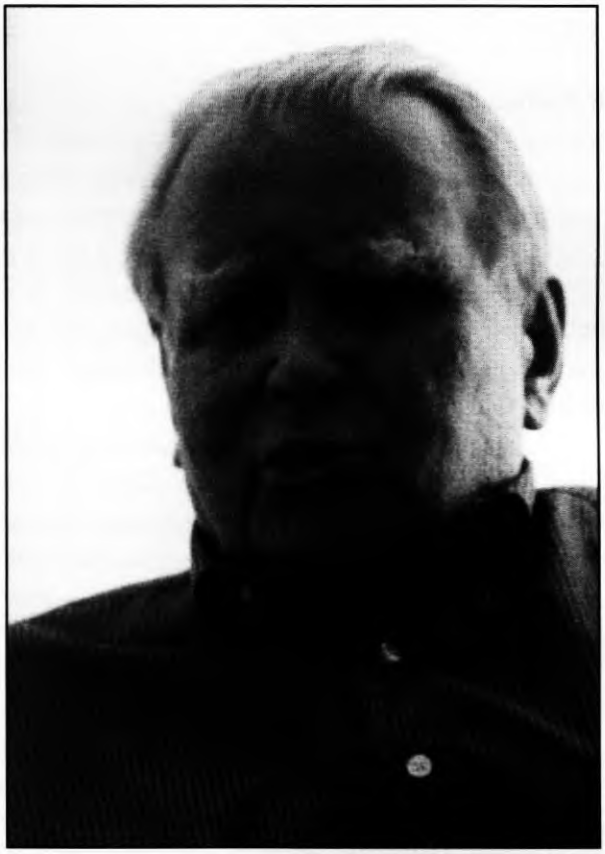
Болезнь Чеслава Милоша уже целые месяцы наполняла нас тревогой. Но его борьба со временем, союзником в которой служила ему великолепная память, заставляла нас приписывать Милошу некую нескончаемую длительность. Лишь последние вести о слабеющей жизненной силе поэта позволили нам осознать, что постепенно надо с ним прощаться.

Стихотворение «Медитация» было написано до 14 августа и представляет собой своего рода запись интенсивных мыслей о нем, все еще с надеждой на личную встречу. — Ю.Х.

Наталья
Горбаневская

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Памяти Чеслава Милоша



Лет семь назад Александр Фьют, один из самых пристальных исследователей творчества Чеслава Милоша, писал — на примере одной книги, но это можно распространить и на другие — о роли личной, индивидуальной биографии Милоша как материала его поэзии: «Ее [биографию поэта] можно воспринимать как поразительный и ощутимый урок случайности человеческой судьбы, урок, который дала в XX веке история одному из жителей Центральной Европы. Одновременно это с трудом постижимая сумма опыта, наблюдений, мыслей, воспоминаний, составляющая любую отдельную жизнь, которая в данном случае охватывает почти целую эпоху».

Сейчас, когда эта жизнь закончилась, я убрала бы «почти»: она действительно охватила целую эпоху, начавшись накануне «настоящего двадцатого века» и закончившись уже в XXI-м, в первые годы новой эпохи (начало которой мы можем отсчитывать от 11 сентября 2001-го). А кроме того я сказала бы, что Милош — весь: и жизнь, и творчество — не столько «охватил», сколько вместил всю эту эпоху, вобрал ее в себя, стал своей эпохой, со всеми ее историческими, социальными, культурными зигзагами. Не скажу: со всеми заблуждениями — не со всеми, но на свои и чужие заблуждения XX века Милош смотрел равно проницательно и зорко, равно безжалостно.

Рецензируя в 1990 г. в «Континенте» книгу прозы (если угодно, сборник эссе) Милоша «Год охотника», я отмечала, что автор говорит в ней вещи, которые могут «вызвать возмущение польских националистов, даже в том благородном случае, когда они называются просто патриотами», — например, напоминает, что Западные земли (или, как они назывались в ПНР, Обретенные земли) были получены в подарок от Сталина, подарок, предназначенный, разумеется, не кому иному (не свободно избранному парламенту, например), а коммунистическому режиму. «Национализмы моей части Европы весьма патологичны, — писал Милош в этой книге. — Я не могу доверять мысли, порожденной унижением и попытками побежденных найти утешение».

Но, жестко оценивая настоящее своей страны, Милош не идеализировал и ее прошлое. В конце 90-х он выпустил книгу «Экспедиция в Двадцатилетие» (имеется в виду межвоенное двадцатилетие, счастливые годы польской независимости после полутора веков жизни под гнетом трех держав-захватчиц). Польский критик Хелена Заворская, рецензируя книгу, пишет: «...свежеобретенная свобода оказалась грузом, который трудно было нести людям, имевшим боевой опыт, но не умевшим управлять современным государством. (...) Грезившаяся целым поколениям "заря свободы" преображалась в зарева все новых войн и погромов. Мы предпочитаем об этом не помнить, но Милош в своей книге неуступчив, он напоминает самые щекотливые, жестокие, глупые дела. Он не говорит с нами осторожно и умильно. И никакого утешения не доставит нам тот факт, что сегодняшние затруднения со свободой напоминают былые поражения».

Да, Милош и с годами не стал «осторожнее и умильнее», говоря со своими соотечественниками, и если говорить о милошевском уроке, то такой разговор может принести пользу не только «жителям Центральной Европы».

Есть ли у нас русский Милош?

Милош сегодня в России известен — и неизвестен. Первой книгой Милоша по-русски был «Поэтический трактат» в моем переводе и с моими примечаниями, изданный в «Ардисе» (Анн-Арбор) в 1982 году. В 1993 г. в издательстве «Вахазар» вышел сборник «Так мало и другие стихотворения», включивший стихи начиная с 30-х годов. Милошу вместе с Томасом Венцловой было посвящено «досье» в «Старом литературном обозрении» (2001, №1), там же приведена его библиография, включающая переводы на русский. На первый взгляд, она выглядит внушительно, хотя сегодня к ней надо прибавить хотя бы переводы Британишского из вышедшей в 2002 г. его и Натальи Астафьевой антологии польской поэзии, его же перевод знаменитой книги «Порабощенный разум», изданный годом позже (точнее, впрочем, как мы уже не раз отмечали, было бы перевести «Порабощенный ум»), и еще ряд публикаций 2000-х. И все-таки в сравнении с объемом написанного Милошем — «так мало»! Увы, осмелюсь сказать, что Милош по-русски существует только в самом первом приближении.

Милош много писал в последние годы — и на девятом, и на десятом десятке лет. 14 августа подвело черту под его творчеством. Русским издателям и переводчикам пора обратиться к нему пошире и поглубже — и к книгам его стихов, от первых до последних, и к книгам его эссе (которые опять-таки собираются в книгу не случайно, а по-русски пока существуют лишь в распыленном виде), и к его замечательной повести о детстве среди дикой литовской природы «Долина Иссы», и к тому, что написано о Милоше его соотечественниками. Может быть, тогда мы воистину оценим совсем особый дар Чеслава Милоша, его совсем особую погоню за реальностью.

«...в конечном счете я бы сказал, что цель, которую я преследую, — это реальность. Погоня за реальностью», — ответил Милош на вопрос Бродского, чего он стремится «достичь в поэзии, в литературном творчестве». Немодный ответ. Сегодня — особенно немодный. Но очень нужный — то есть очень нужно то, что за ним стоит, та реальность, за которой гонится, которую нагоняет Чеслав Милош в своих стихах, прозе, эссе и многочисленных промежуточных формах, выходящих за пределы собственно прозы и собственно стихов.

Особый поэт

Рецензенты и критики очередных книг Чеслава Милоша как будто никак не могут привыкнуть к форме его стихов. Кого ни возьмешь — у каждого в тех или иных словах встретишь удивление: какая необычайная, ни на что не похожая книга! Да и верно: друг на друга они тоже непохожи, так что привыкнуть не удается. И кто ни примется за исследование поэтики Милоша, обязательно отметит, что поэт выходит за пределы стиха и прозы — или, в других терминах, стирает границу между ними. На примере переводов из книги «Хроники» вы лишь отчасти, но все-таки увидите эту его особенность, точнее говоря особость.

Все его творчество — особая, отдельная, не «общая» тетрадь. Но душа человеческая (в данном случае читательская) — тоже дело особое, и только на подлинно особое она откликается. Можно вспомнить портреты поэтов в «Поэтическом трактате»: сам Милош видит их — и несколькими строчками о каждом передает нам свое восприятие — как поэтов особых, отдельных, как крайне разноголосые инструменты оркестра польской поэзии. Так и Милоша мы видим, слышим, читаем как особый инструмент — огромного, впрочем, диапазона, органного что ли...

Мой Милош

Без воспоминаний о встречах, знакомстве, дружеских отношениях сегодня тоже, конечно, не обойтись. Впрочем, знакомство знакомством, а сначала мы встретились заочно. В 1973 г. я получила в Москве дошедший из Калифорнии том «Стихи» (Лондон, 1967). С 1953 г. все новые сборники стихов Милоша (как и его проза, и эссе, и переводы) выходили в «Институте литерацком», книжном издательстве парижской «Культуры». Но, конечно, Милош предпочел не отправлять через границу, даже с оказией, одно из этих подрывных изданий. На книге надпись: «Коллеге [по-польски слово женского рода — «колежанке»] Горбаневской с дружбой. 20.II.73. Чеслав Милош».

Вживе мы с Милошем встретились в сентябре 1976 г., на организованной парижскими поляками и венграми конференции «1956 — 1976», в которой участвовали и французы, и выходцы из других, кроме Польши и Венгрии, стран Центральной и Восточной Европы, включая и автора этих строк (с докладом «Самиздат — школа свободы»). И встречались после этого многократно, чаще всего на вечерах Милоша, которые устраивал парижский религиозный «Центр диалога» во главе с незабвенным отцом Юзефом Садиком, тем самым, который побудил Милоша переводить Библию (об этом Милош пишет, в частности, в своей статье «Над переводом Книги Иова» — см. «Континент» №29, 1981).

Особенно интенсивным стало наше общение, когда я переводила «Поэтический трактат». Всё новые и новые получерновые редакции перевода я отправляла в Беркли и получала подробные замечания, после чего правила текст и снова отправляла. Перевод еще не был закончен, когда мы встретились, но не в Париже и не в Беркли, а в Гарварде. Осенью 1981 г. Милош проводил там семестр, во время которого прочел ставшие потом знаменитыми «Шесть лекций о поэзии» (кстати, в той же книге «Хроники» есть аналог им, но написанный стихами — особыми милошевскими стихами). А меня, оказавшуюся в США, пригласили прочитать лекцию — о чем бы вы думали? — ну конечно, о том же

самиздате. И Милош пришел на мою лекцию! Нобелевский лауреат был моим слушателем, а я — прямо как его профессором. Вот раздувалась от гордости — и смущения. А после лекции я собралась показывать Милошу перевод, заново исправленный по советам Бродского. Тогда-то Милош и сказал мне: «После Иосифа могу больше не смотреть».

Я долго не решалась переводить Милоша: тот же «Поэтический трактат», на который я страшно завелась еще в Москве, казался мне непереводимым. После Нобелевской премии Владимир Максимов потребовал от меня стихов Милоша — я перевела «Особую тетрадь: Звезду Полынь» (да еще несколько стихотворений для «Вестника РХД») и уверовала в собственные силы. Тогда и взялась за «Трактат». Перевод все еще не был окончен, а Милош, как мне передавали со всех сторон, уже хвалил его американским студентам.

Последний раз мы виделись в октябре 1997 г. в Кракове, на международном фестивале поэтов «Восток — Запад». Сохранилась групповая фотография, где я стою рядом с Милошем, далеко не доставая ему до плеча. Где-то с другого края стоит Томас Венцлова. Очень хорошо было видеть вместе Чеслава Милоша и старого моего друга Томаса (Томаша, как по-польски звал его Милош): поляк и литовец, но оба «литвины», и чем-то, не только ростом, ужасно схожие. Зато никогда я не видела Милоша с Бродским (не совпало: в Париж из Америки они приезжали в разное время, а когда я виделась с Иосифом в Нью-Йорке, Милош был или в Беркли, или, как в тот раз, в Гарварде, или даже, такое однажды случилось, в Париже), Милоша с Гедройцем (главный редактор «Культуры» любил принимать гостей по отдельности).

Думаю, что об отношениях Чеслава Милоша с Ежи Гедройцем еще напишут люди, знающие дело лучше меня, тем более что уже изданы тома переписки, проливающей свет на их не всегда простые, но очень важные для обоих отношения. Хочу только напомнить, что когда Милош стал эмигрантом, то первым — и долгое время едва ли не единственным, — кто протянул ему руку помощи, был Ежи Гедройц. Лондонские круги польской эмиграции смотрели на вчерашнего дипломата ПНР, мягко говоря, с недоверием, а чаще — с прямой враждебностью. Милош стал печататься в «Культуре», выпускать книги в ее издательстве. В 1980 г. у Гедройца было два великих праздника: одним было создание «Солидарности», подготовленное поколением, которое называло себя взращенным на парижской «Культуре», а затем последовала Нобелевская премия Милошу. В декабре Милош приехал из Стокгольма прямо в Париж. «Институт литерацкий» переиздал все его прежние книги, и на вечере Милоша (цитирую сама себя) «я видела, как читатели расхватывали эти свежевыпущенные томики в привычной серенькой обложке, только с красной полоской на уголке: “Нобелевская премия, 1980”».

* * *

Чтобы вернуться от «моего» Милоша к Милошу как таковому, закончу цитатой из Витольда Гомбровича. Как легко догадаться, Гомбрович, скончавшийся в 1969 г., сказал эти слова, когда присуждение Чеславу Милошу Нобелевской премии никому еще и во сне не снилось.

«Это писатель с ясно очерченной задачей, призванный ускорить наш темп, чтобы мы поспевали за эпохой, — притом с великолепным талантом, замечательно приспособленный к выполнению этих своих предназначений. Он обладает чем-то на вес золота, что я назвал бы “волей к реальности”, и в то же время — ощущением болезненных точек нашего кризиса. Он принадлежит к немногим, чьи слова имеют значение...»

Анатолий Ройтман

ПРОЩАНИЕ С ПОЭТОМ

Не могу осознать случившееся.

Умер Чеслав Милош.

Мир осиротел. Это не пустая фраза.

Милош всегда был польским поэтом, но он был и остается поэтом не только для Польши. Милош — поэт для всего мира.

Впервые я прочитал стихи Чеслава Милоша в 1985 г. в московской Библиотеке иностранной литературы. Тогда я не мог даже помыслить, что спустя годы буду одарен необыкновенно теплыми дружескими отношениями и (страшно сказать) совместной работой с великим поэтом.

Непостижимая благосклонность судьбы: 20 июля 2000 г. мне довелось впервые переступить порог квартиры поэта на тихой улочке Богуславского в Кракове. Место это вскоре стало для меня центром мира и мироздания. В общении Милош оказался обаятельным, ироничным, всем интересующимся человеком и ни тогда, ни позднее не давал почувствовать дистанцию, все же разделявшую нас, великого поэта и физика, преподающего теоретическую механику в далеком Новосибирске, хотя и влюбленного издавна в польский язык и литературу.

Несколько месяцев спустя, получив свежеизданный в Кракове том стихотворений Милоша «Это», поразивший меня необыкновенной глубиной мысли, сосредоточенной на самых важных вопросах бытия, я стал переводить стихи для себя, сочтя это лучшим способом для внимательного чтения поэзии на иностранном языке и желая поделиться этим богатством с другими. Во время следующего визита в 2001 г. я прочитал свои переводы пану Чеславу. Они ему понравились, и с его легкой руки появилась первая публикация этих переводов в «Новой Польше». Но я и предположить не мог, что через год с небольшим удостоюсь высокой чести оказаться под одной с ним обложкой в многоязычном издании поэмы «Орфей и Эвридика», а еще год спустя в Москве выйдет в двуязычном издании одобренный поэтом полный перевод его сборника «Это».

Наше сотрудничество обычно выглядело так: сперва я отправлял свои переводы по электронной почте, Милош читал их, делал замечания, которые я старался учесть, затем во время очередного визита в Краков читал эти переводы поэту. Эти минуты, часы, проведенные в беседах с ним, были истинным счастьем, а высшей наградой бывал громкий радостный смех, которым Милош встречал особо понравившиеся ему переводы. В нем до конца оставалось что-то детское. Вспоминаю, с каким живым интересом Милош воспринял мой рассказ о том, как я переводил «Теологический трактат»* во время командировки на дальний Север, в Якутск, где температура «за бортом» не поднималась выше - 45 градусов.

---

* Эту поэму Милоша в переводе Н.Горбаневской под названием «Богословский трактат» читатель может найти в «Новой Польше», 2002, №2. — *Ред.*

Как внимательно умел слушать пан Чеслав! Вспоминаю стихотворение «В городе», концовка которого звучит так:

Gdyby tak było naprawdę. Ale wywiało mnie
Za morza i oceany. Żegnaj, utracony losie.
Żegnaj, miasto mego bólu. Żegnajcie, żegnajcie.

В моем переводе было:

Если б так было и впрямь. Но унесло меня
За моря-океаны. Прощай, утраченная судьба.
Прощай, город боли моей. Прощайте, прощайте.

В этом месте пан Чеслав спросил: «А зачем вы здесь использовали инверсию "боли моей"? У меня ведь и без того звучит достаточно патетически». И потребовал изменить на менее гладко звучащее по-русски «город моей боли». Таких моментов было множество, когда поэт требовал сохранять смысл, иногда даже ценой нарушения стилистической гладкости перевода, неточной рифмы или вообще ее отсутствия. Это было для него принципиально важно.

Мы говорили по-польски, иногда по-русски, на языке, который Милош прекрасно знал и любил. Именно звучание его стихов на русском так нравилось поэту, что он отметил это и в дарственной надписи на томе «То — Это»: «Анатолию Ройтману — чьи переводы я слушаю, сожалея, что не пишу по-русски». Он любил слушать, как звучат его стихи на русском, и всегда радовался этому.

Судьба предоставила мне еще одну невероятную возможность порадовать поэта таким чтением. Несколько дней тому назад в телефонном разговоре с невесткой Милоша Иоанной я упомянул, что на этот раз привез в Краков переводы некоторых стихотворений из поэмы «Мир».

Наутро звонок от Иоанны: «Чеслав хочет, чтобы ты пришел к нему».

Через час я — на улице Богуславского. Пан Чеслав чувствовал себя лучше, чем во время моего прихода к нему несколькими неделями раньше. Я спросил, хочет ли он послушать стихи из поэмы «Мир». Получив согласие, прочитал несколько стихотворений. Поэт слушал, улыбаясь. Я подумал, что на громкий смех ему уже не хватает сил. Было это за три дня до его кончины, 11 августа 2004 года.

Мне трудно смириться с мыслью, что это было прощание. И что эти мои пробы перевода замечательной поэмы, которую сам поэт считал своим высшим достижением, были последними поэтическими строчками, которые он слышал на этой земле. Но, может быть, хорошо и глубоко символично, что это были именно эти стихи.

Мировая культура понесла невосполнимую утрату — ушел из жизни крупнейший поэт современности. Я же, сознавая это и прощаясь сегодня с «мастером побежденного отчаяния», скорблю об утрате очень близкого мне человека.

Адам Михник

ДЕКАН, МЫ БЕРЕЖЕМ НАКАЗ ТВОЙ

Из речи на похоронах Чеслава Милоша

Последний раз встречаются с Чеславом Милошем его друзья. Вся его жизнь была борением с проклятьями XX века. Мы внимательнейшим образом слушали твои признания из памятного стихотворения «Джонатану Свифту», где ты писал:

Ход жизни преломился с болью
На звенья разного металла,
И сердце напиталось солью,
Но пустоты не испытало.

С людьми делясь посильной лептой
И бешенством живых хотений,
Я взгляд сберег от черной ленты
Непостижимых ослеплений. (1)

Многие из нас — и в этом надо честно признаться над твоей могилой — не сберегли взгляда от ленты непостижимых ослеплений. И многие из нас — благодаря тебе — эту ленту с глаз сорвали. Ты верно передавал нам, Чеслав, секреты своего века. Ты говорил нам, что нельзя оскорблять человека простого (2), объяснял запутанную историю порабощенного ума, рассказывал о настоящих судьбах нашей семейной Европы. Благодаря тебе мы вникли в таинственную историю Великого Княжества Литовского, этой чудесной и неповторимой польско-литовско-белорусско-еврейской мешанины, которая обогащала польскую культуру и всю культуру этой части Европы. Познанием произведений Симоны Вейль, переписки Томаса Мертона и, наконец, необыкновенной польской Псалтирью ты привил нам истину о глубине и мудрости католической религии. Благодаря тебе поколение гуляк и маловеров из земли Ульро вновь обратилось к Книге Книг — Священному Писанию. (3)

И в то же время ты так проницательно наблюдал мудрых и сильных мира сего. Ты предостерегал их, что дело и слово будут запечатлены (4). Ты писал:

Принц, отраженный зеркалами,
Чуть свистнет — и поэты в сборе.
Прогнули задницы рядами
И виги перед ним, и тори.

Правители всегда неправы,
Решив, что слава их — навеки.
Один щелчок — и прочь из славы
Лететь им в пекло картотеки.

В самом деле — ты безошибочно почувствовал, что такое пекло картотеки. То пекло, которое поглотило миллионы человеческих жизней, по сей день заражает своим отравляющим ядом толпы больных подозрительностью любителей гэбэшных рапортов — этой специфической порнографии нашей эпохи.

Ты обращался к Свифту со словами:

И полночь с плачущей совою
Над домиком в глуши ирландской
Прочней, чем лавр над головою
Владыки с мраморной гримасой.

И ты выбрал свой дом «с плачущей совою», свою медвежью берлогу в Калифорнии, откуда писал нам письма, полные боли и ужаса — но в то же время насыщенные мудростью сердца, преисполненные веры, надежды и любви.

Чеслав! Ты даровал Польше то, что ценнее всего: истину о нас самих и смирение перед ценностями, самыми настоящими — из Десятисловия и Нагорной проповеди. Даровал ты Польше и непокорную отвагу перед будущими обстоятельствами, которые готовит нам история, спущенная с цепи. История Освенцима и Катыни, история Катастрофы и ГУЛАГа, история антисемитизма и уничтожения классового врага при коммунистическом тоталитарном строе.

Эта история не жалела для тебя ударов и унижений. Не было, наверное, другого польского писателя, над которым польские мракобесы всех политических окрасок измывались так жестоко и подло. Однако ты всегда знал, что существует другая Польша — та, которая тобой восхищается и любит тебя, которая ждет каждого твоего стихотворения, каждой твоей книги. Тебя называли отступником, предателем, дезертиром. Тебе, искуснику польского языка, отказывали в праве называться польским писателем. И это оскорбление стало оскорблением всей польской национальной культуры.

Ты писал в стихотворении «Припоминание»:

Скажи мне, как измерить
Дел наших смысл и норов:
Богатствами ль на пристанях,
Ценою договоров?

Иль что ни день гасимым
Светильником надеи,
Что нации на лучшие
И худшие не делит? (5)

Закончу твоими словами, которыми ты говорил с Джонатаном Свифтом:

Звучит в сегодня обращенный
Твой голос: дела тьма на свете.
Кто мнит историю свершенной,
Достоин безоружной смерти.

Отваги, сын! Тяни за нитки
По мелководью флот потешный.
На муравьиные ошибки
Да грянет с неба град кромешный.

Покуда есть земля под небом,
Ищи причалы новых странствий.
Вне этого прощенья нет нам.

Декан, я берегу наказ твой.

Чеслав, наш добрый, умный, любимый декан, мы бережем наказ твой...

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

(1) Цитаты из этого стихотворения приводятся в переводе А.Шараповой (Чеслав Милош. «Так мало и другие стихотворения». М., «Вахазар», 1993).
(2) См. в указанной книге стих. «Ты, оскорбив человека простого...» в пер. Т.Врубель.
(3) В этом абзаце, кроме переводов Милоша (С.Вайль, Т.Мертон, Книга Псалмов), в раскавыченном виде упомянуты его книги «Порабощенный ум», «Семейная Европа» (на русский это заглавие переводилось также как «Родимая Европа», «Европа в семье»), «Земля Ульро».
(4) См. прим. 2.
(5) Пер. Н.Горбаневской.

ЧЕСЛАВ МИЛОШ УШЕЛ — ЕГО ПОЭЗИЯ ПЕРЕЖИВЕТ НАС

† «Умер Чеслав Милош, самый выдающийся польский поэт современности, лауреат Нобелевской премии 1980 года, автор слов, выбитых на [гданьском] памятнике судостроителям, погибшим в декабре 1970-го: "Ты, оскорбив человека простого..." Чеславу Милошу было 93 года». *(«Жечпосполита», 16 авг.)*

† «Мировая и литовская литература потеряла единственного лауреата Нобелевской премии, родившегося и выросшего в Литве», — так начинается статья о смерти Чеслава Милоша, напечатанная в крупнейшей литовской газете «Лиетувос ритас». *(Роберт Мицкевич, «Жечпосполита», 17 авг.)*

† Александр Фьют, один из крупнейших специалистов по творчеству Милоша: «Польская культура и литература потеряли гениального, величайшего поэта, который, по моему убеждению, масштабом таланта, художественным совершенством и глубиной мысли превосходит даже наших великих национальных поэтов». *(«Тыгодник повшехный», 22 авг.)*

† Лешек Колаковский: «Милош был самым выдающимся польским поэтом XX века (...) Он не играл словами — он был поэтом, чья мысль непрестанно возвращалась к основополагающим для нашей жизни вопросам: о Боге и вере, о разуме и любви, о народе, — к вопросам почти неразрешимым». *(«Газета выборча», 16 авг.)*

† Адам Загаевский, поэт, писатель, критик: «Милош был необыкновенным мыслителем, человеком исключительной ясности ума. Эта феноменальная проницательность сочеталась у него с чистым даром языка. Милош превосходно умел это использовать. Впрочем, он и сам чувствовал свою силу. Он знал, что не подвержен влияниям и течениям, которые он умел охватить мыслью и понять». *(«Жечпосполита», 16 авг.)*

† «Старый Милош — это (...) подземный лабиринт памяти, выдолбленный в огромной скале его жизни. Перед нами и для нас возникали картины мира, который исторически был нам уже недоступен (...) Теперь, когда я узнала, что его больше нет, он кажется мне человеком, приносившим нам вести издалека — из прошлого, с которым мы потеряли связь и которое было утрачено еще во времена его молодости». *(Эва Беньковская, «Тыгодник повшехный», 22 авг.)*

† Мария Янион: «Его стихи и эссе — это своего рода энциклопедия минувшего века. Если бы ко всему его богатому творчеству составить предметный указатель, оказалось бы, что он не обошел молчанием ни одной важной темы в философии, религии, литературе (...) Я всегда мечтала написать о нем трактат под старомодным названием "Чеслав Милош и веяния эпохи". Это отразило бы его неповторимую в Польше роль поэта — кормчего гонимой ветрами ладьи. Быть может, с его смертью эра таких поэтов закончится». *(«Тыгодник повшехный», 22 авг.)*

† Ежи Ильг, издатель, публицист, литературный критик: «Невероятное трудолюбие. Долгая жизнь, полная кропотливого труда. Ни одной потерянной минуты. Десять тысяч страниц, исписанных мелким почерком, книги, не вмещающиеся на самую длинную полку. Континент Милош. Многолетнее одиночество вдали от читателей и литературной жизни. Решимость писать стихи по-польски. Уверенность, что на далеком калифорнийском побережье это все равно что складывать их в дупло дерева». *(«Тыгодник повшехный», 22 авг.)*

† «Как пишет газета "Монд", уже один "Порабощенный ум" дает нам право называть польского писателя "одним из величайших нравственных авторитетов своей эпохи"». *(Гжегож Добецкий, «Жечпосполита», 17 авг.)*

† «Похоже, что смерть Милоша, который был всесторонним писателем — поэтом, прозаиком, эссеистом, переводчиком, а также мыслителем и наставником молодежи, автором великих [философских] синтезов и бесчисленных писем, — закрывает эпоху художников-титанов, художников, чье имя стало нарицательным, играющих в хаосе мира роль мудрецов, пророков, точек отсчета. В минувшем веке такие люди были — хотя в основном в первой половине. Сейчас трудно было бы назвать кого-нибудь подобного». *(Антоний Либера, «Газета польска», 18 авг.)*

† Анджей Вайда: «Он принадлежит к числу тех великих и прекрасных творцов XX и XXI веков, которые преображали действительность. Прощаясь с нами и уходя, он покидает времена, сильно отличающиеся от тех, которые застал он сам, ибо, будучи их сопричастником, он преобразил их — и своей поэзией, и своей деятельностью». *(«Газета выборча», 16 авг.)*

† Томас Венцлова: «В XX столетии Милош стал для польской поэзии и культуры тем, чем в XIX-м был Адам Мицкевич. Удивительно повторение судеб двух великих поляков. Оба называли своей отчизной Литву и считали себя литвинами — в прежнем смысле этого слова, связанном с принадлежностью к былому Великому Княжеству (...) Оба — Мицкевич и Милош — были изгнанниками, оба снискали мировую славу еще при жизни, оба внесли огромный вклад в освобождение двух народов былой Речи Посполитой от оков деспотических режимов (...) Историческое примирение Литвы и Польши после тяжелых испытаний XX века было бы невообразимо без Милоша. Я бы сказал, что именно Милош, величайший поэт "города без имени" — Вильнюса, решил виленский вопрос: политики пошли по тропе, протоптанной им и весьма немногочисленными поначалу людьми, мыслящими так же, как он (...) Теперь, как никогда прежде, мы видим, что он стоит в одном ряду с лучшими людьми XX века. Их трое или четверо — кроме Милоша это Элиот, Кавафис, Мандельштам». *(«Тыгодник повшехный», 22 авг.)*

† Рышард Крыницкий, поэт, переводчик, издатель: «Он был одним из величайших поэтов этого страшного, но порой прекрасного столетия — наряду с Рильке, Цветаевой, Целаном, Элиотом, Оденом, Амихаем и Хербертом (...) Умер поэт, который умел выразить самый тяжелый опыт этого века и не боялся коснуться самой ужасной, самой болезненной и запутанной темы — Катастрофы». *(«Жечпосполита», 16 авг.)*

† «Поэт отличался тонкой религиозно-нравственной восприимчивостью, которая позволяла ему искать ответы на важнейшие вопросы человека XX столетия. Продолжает ли Бог оставаться Господом истории в век Освенцима и Колымы?» *(Лукаш Тишнер, «Тыгодник повшехный», 22 авг.)*

† Адам Загаевский: «Он соединял в себе противоположности, писал о боли и красоте, пытался постичь зло». *(«Тыгодник повшехный», 22 авг.)*

† Стефан Хвин: «Он не был любимым поэтом поляков. В Польше его мысль была малоизвестна и остается таковой до сих пор — может быть, как раз потому, что она была сурова, трудна и — ничего не поделаешь — высокомерна. Его политические взгляды отличались от взглядов большинства из нас. Он не выносил т.н. национальной мысли, не любил национал-демократической разновидности католицизма. Он чувствовал, что "национальный дух" ему чужд, и открыто писал об этом (...) Он был уверен, что наблюдает конец цивилизации, в которой рос и воспитывался (...) Катастрофа была для него потрясением (...) Для нас Катастрофа, истребление миллиона человек в Руанде и Камбодже, этнические чистки на Балканах или уничтожение тысяч иракских солдат в пустынях под Багдадом — это "дело обычное", то, из чего состоит мир (...) Для него противоречие красоты и жестокости было источником непрестанной тревоги (...) Мы при вести об этнической резне в Африке уже не пишем таких стихов, как "Кампо ди Фьори" (...) Он носил в себе незаживающую рану, прекрасный след которой остался в его стихах (...) Когда я разговаривал с ним о его поэме "Мир. Наивные стихи", он сказал: "Какие там вера, надежда и любовь! Это все ирония. Я ведь это писал, когда горело гетто, а теперь дети в школе учат это наизусть"». *(«Жечпосполита», 21-22 авг.)*

† «В конце жизни он заметил, что важнее искусства — доброта. Но, с другой стороны, будучи человеком, полным противоречий, он признавал ценность искусства. Историю искусства он воспринимал как кирпичики, из которых художники возводят здание цивилизации. У него было манихейское ощущение постоянного присутствия зла в мире (...) О заглавном стихотворении сборника "Это" он сказал: "Разные вещи я писал и говорил, но за всем этим всегда стоял трепет"». *(Катажина Яновская, «Политика», 21 авг.)*

† Бригитта Тротциг, член Шведской Академии: «И все-таки из мира насилия и темноты вышли свидетели жизни, свидетели того, что такое история и жизнь на самом деле. Таким свидетелем был Милош. Перед лицом наихудших пароксизмов истории Европы он сознательно и упрямо шел узкой тропой поэтических экспериментов, тем самым указывая путь всем, кого различные формы притеснения вынуждают ходить по выжженной земле отрицания. В жестокие времена отрицания жизни Милош был одним из тех, кто представлял собой его творческую противоположность, — он был одним из великих жизнеутверждающих поэтов современной литературы. А их не так уж много...» *(«Жечпосполита», 28-29 авг.)*

† Шеймас Хини, лауреат Нобелевской премии по литературе: «В принципе Милош опроверг слова Т.С.Элиота о том, что человечество не может вынести слишком много реальности. Молодой поэт, начинавший свою карьеру среди ровесников в гудящих от споров варшавских кафе 30-х годов, стал свидетелем того, как эти самые молодые поэты гибнут от пуль в Варшавском восстании (...) Старик, мудрец из Гризли-Пик в Беркли, ветеран холодной войны, герой "Солидарности", друг Папы, он был одновременно ребенком и поэтом, который непрестанно слышит "все нарастающий призыв Отдельного, наперекор земным законам уничтоженья памяти" ("Капри") (...) Секрет его творчества заключался частично, а сила — в значительной мере — в огромных познаниях Милоша. Его ум напоминал ренессансный театр памяти». *(«Тыгодник повшехный», 29 авг.)*

† Эдвард Хирш, американский поэт, президент Мемориального фонда Гуггенгейма: «Милош дал нам глубокую поэзию памяти. Он проницательно и трезво смотрел на XX век, но в его произведениях всегда присутствовал элемент катастрофизма (...) Милош носил в себе груз памяти (...) Как в поэзии, так и в прозе он оставил нам своего рода предостережения Кассандры: обращать внимание на то, что случилось в прошлом в Европе, на последствия того, что "природа становится театром" (...) Милош понимал жестокость природы, но в то же время помнил, что Земля заслуживает крупицы нашей любви. Он размышлял над тем, как зарождались и гибли цивилизации, но при этом прославлял простые чудеса земли, неба и моря. Он напоминал нам, как трудно оставаться самим собой, но верил в нашу человечность». ***(«Жечпосполита», 16 авг.)***

† Имре Кертес, лауреат Нобелевской премии по литературе: «Чеслав Милош был и еще долго останется совестью польского народа. Об этом можно судить хотя бы по его стихотворению "Кампо ди Фьори" или по переписке с литовским поэтом Томасом Венцловой. Для литовцев и поляков отношение к еврейскому вопросу — это экзамен по этике и нравственности. Милош отважился взглянуть в лицо этим проблемам». *(«Впрост», 22 авг.)*

† Адам Михник: «Всю свою жизнь Милош был предметом ненависти ханжей всевозможных политических расцветок: от доморощенных фашистов до снобствующих англофилов и франкофилов; от коммунистических красных до клерикальных фиолетовых. Как правило, он был одинок, но при этом всегда говорил своим собственным голосом — свободным и суверенным (...) Он был легендой нескольких поколений, в том числе и моего. Его стихи были как запретный плод — нам они чрезвычайно нравились, поскольку мы добывали их с трудом (...) Это было наше обязательное чтение. Среда демократической оппозиции буквально проглатывала его книги, зачитывалась ими (...) Ибо он не только спорил с советским коммунизмом и двуличием западных левацких бунтовщиков, но и давал столь же суровую оценку польской традиции бездумного пустозвонства или тоталитарного национализма. То, что он писал о межвоенном двадцатилетии, об отношении к национальным меньшинствам, об убожестве польских правых и лицемерии левых, об антисемитизме, о тупой агрессивности клерикализма, а также о лживости правящих кругов санации, — все это побуждало заново переосмыслить ценности польской культуры, польской духовности. Чеслав Милош, автор "Порабощенного ума", стал учителем польских вольнодумцев». ***(«Газета выборча», 16 авг.)***

† «Меня не удивило то, каким образом "Наш дзенник" попрощался с Чеславом Милошем — одной из крупнейших фигур в истории нашей литературы (...) [Представленный газетой] образ лауреата Нобелевской премии — простой, как лом, которым бьют по лицу, — свел жизнь и творчество Чеслава Милоша к нескольким элементам: коммунист, коммунистический дипломат, сторонник включения Польши в состав СССР, личный враг Библии и святого Максимилиана Кольбе. Восемь коротких предложений, которыми "Наш дзенник" подытожил жизнь Милоша, — это урок христианской любви к ближнему в духе национал-католиков». *(Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 18 авг.)*

† «Краков, затаив дыхание, ждет решения приора [монастыря] паулинов относительно погребения Чеслава Милоша в "крипте заслуженных" на краковской Скалке (...) "На Скалке покоятся люди, имеющие заслуги перед польской культурой и Церковью, — говорит монастырский привратник. — А у Милоша, насколько я знаю, с Господом Богом было не так много общего. То, что Папе нравится его творчество, еще ни о чем не говорит"». ***(«Газета выборча», 18 авг.)***

† «Почему идея погребения Чеслава Милоша на Скалке получила столь широкую поддержку? Скалка — место необыкновенное и очень важное для польской истории и Церкви. Уже в XI в. (...) на известковой скале была построена первая романская церковь (...) В 1079 г. на Скалке принял мученическую смерть — из-за конфликта с [королем] Болеславом II Смелым — краковский епископ Станислав из Щепанова (...) В 1253 г. он был канонизирован (...) Традиционно перед коронацией сюда приезжали польские короли (...) Церковь паулинов на Скалке известна также своей "криптой заслуженных". Наряду с вавельским [кафедральным собором] она считается в Кракове самым престижным местом погребения великих поляков». *(«Жечпосполита», 19 авг.)*

† «Против погребения Чеслава Милоша на Скалке протестуют круги, связанные с "Радио Мария" и Обществом национальной памяти им. Первого маршала Польши Юзефа Пилсудского (...) Митрополит Люблинский [архиепископ Юзеф Житинский] сравнил обвинения, [выдвинутые] против Милоша близким к "Радио Мария" "Нашим дзенником" ("Антипольское лицо Чеслава Милоша"), с нападками коммунистов, когда Милош получил Нобелевскую премию: "Это точная копия позиции, которую заняла по отношению к Милошу ПОРП. Партия утверждала, что Милош — антипольский поэт, а Нобелевскую премию ему присудили за то, что он борется с социализмом"». ***(«Газета выборча», 20 авг.)***

† Из открытого письма, подписанного пятнадцатью профессорами польской филологии краковского Ягеллонского университета: «В изумление приводит список лиц, подписавших протест против погребения поэта на Скалке. В большинстве это люди либо совершенно неизвестные общественному мнению, либо скомпрометировавшие себя недостойным поведением во времена

Чеслав Милош с женой Кароль на уличном празднике

коммунизма, а особенно военного положения. Не случайно тон этого протеста удивительно напоминает брань, которой осыпали поэта дежурные пропагандисты ПНР». *(«Газета выборча», 25 авг.)*

† Архиепископ Юзеф Житинский: «Чеслав Милош уже вошел в польский пантеон, поэтому, если бы кому-нибудь пришло в голову лишить его места на Скалке, это было бы пренебрежением к той роли, которую он по-прежнему будет играть в польской культуре». *(«Газета выборча», 19 авг.)*

† Барбара Скарга: «Того факта, что политические взгляды поэта отличались от взглядов какой-то группы, оказалось достаточно, чтобы отказать ему в патриотизме и звании поляка. Во времена ПНР Милоша оплевывали по распоряжению тогдашних высших властей, которые боялись его растущего свободного влияния. Сегодня, поскольку он всегда был человеком открытым, критиковавшим польскую косность и разного рода узкие национализмы, на него нападают правые — те ограниченные правые, которые боятся инаковости и, как видно, не понимают даже нашей истории». *(«Газета выборча», 23 авг.)*

† «Умерший неделю тому назад Чеслав Милош будет похоронен в "крипте заслуженных" на краковской Скалке. Согласие на это дал о. Анджей Напюрковский, приор монастыря паулинов, в чьем ведении находится национальный пантеон». *(«Жечпосполита», 21-22 авг.)*

† Из телеграммы Папы Иоанна Павла II кардиналу Францишеку Махарскому, митрополиту Краковскому: «"Сердце мое говорит от Тебя: ,ищите лица Моего'; и я буду искать лица Твоего, Господи" (Пс 27, 8). Эти слова псалма приходят мне в голову, когда я вспоминаю блаженной памяти Чеслава Милоша. Мне кажется, они созвучны тому, что он написал мне в своем последнем письме». *(«Жечпосполита», 27 авг.)*

† Из проповеди архиепископа Юзефа Житинского на заупокойной мессе по Чеславу Милошу в Мариацкой базилике: «У великих художников опыт одиночества становится неизбежной ценой жизни. [Милош] платил эту цену, когда независимостью своих мнений вызывал недовольство самых разных кругов. После ожесточенных споров с кругом французских интеллектуалов только Альбер Камю сумел понять его прохладное отношение к лозунгам левых. Во время протестов 1968 г. студенты из Беркли готовы были назвать его фашистом, ибо идеологам поколения 68-го он объяснял, что человек не может жить без ценностей, а они отвечали, что о ценностях говорят только фашисты. В свою очередь после возвращения на родину, когда он не стал приноравливаться к простым стандартам мышления, разочарованные критики обвинили его в том, что у него снова проявился левый перекос...» *(«Жечпосполита», 28-29 авг.)*

† Во главе похоронной процессии из Мариацкой базилики на Скалку шел сам митрополит Краковский кардинал Францишек Махарский. В траурной церемонии участвовало около 7 тыс. человек. Среди них были Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, премьер-министр Марек Белька, специальный представитель президента Литвы Чеслав Окинчиц, представитель президента Польши министр Барбара Лабуда, министры культуры Литвы и Польши Рома Жакайтене и Вальдемар Домбровский, представители дипломатического корпуса, раввин Саша Песариц, лауреаты Нобелевской премии по литературе Вислава Шимборская и Шеймас Хини. Микола Маркевич из Белоруссии, который в свое время был арестован за критику Лукашенко, вспоминал: «Милош был первым, кто выступил в мою защиту». Стихи Чеслава Милоша читали: по-литовски — Томас Венцлова, по-русски — Анатолий Ройтман, по-английски — Роберт Хаас, на иврите — Давид Вейнфельд, по-французски — сын поэта Антоний, по-польски — Миколай Грабовский. *(«Газета выборча» и «Жечпосполита», 28-29 авг.)*

† Анатолий Ройтман, переводчик стихов Чеслава Милоша: «Милош ушел, оставив нам мир, созданный его творчеством». *(«Тыгодник повшехный», 22 авг.)*

Подборку подготовил ***Виктор Кулерский***

Чеслав Милош

**Перевод
Натальи Горбаневской**

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

БАЛЛАДА

Ежи Анджеевскому

На равнине дерево сухое.
Мать сидит в его тенёчке малом.
Облупляет вареное яичко,
Запивает чаем из бутылки.
Видит город, никогда не бывший.
В полдень башни и стены так и блещут,
Смотрит мать на голубиную стаю,
С кладбища до дому возвращаясь.

Позабыли, сынок, позабыли.
Из друзей тебя никто не вспоминает.
Ребятишек народила невеста,
О тебе уж не подумает ночами.
Памятники стали по Варшаве,
Твое имя не выбито на камне.
Только мать, пока жива еще, припомнит,
Как смешон ты был и прямо как ребенок.

Под землею Гайцы*, под землею,
Уж навеки двадцатидвухлетний.
И без глаз он, и без рук, без сердца,
Ни зимы не знает и ни лета.
Что ни год река взрывает льдины,
Во бору подснежник расцветает.
Кувшины черемухой наполнив,
«Сколько лет мне, — спросят, — жить, кукушка?»

Dymitr Kismiełow

*Тадеуш Гайцы (1922-1944), выдающийся поэт, член литературной группы «Искусство и народ». Во время немецкой оккупации участвовал в деятельности подпольной Армии Крайовой. Погиб, сражаясь в Варшавском восстании. — *Ред.*

Под землею Гайцы — не узнает.
Что Варшава битву проиграла.
Баррикаду, на которой умер,
Разобрали потресканные руки.
Красной пылью окрашивался ветер,
Дождь прошел, и соловей защелкал,
Каменщик орал под облаками,
Кверху дом подтягивая новый.

— Говорят, сынок, стыдиться надо,
Не за правое, мол, дело бился.
Мне ли знать, пускай Господь рассудит,
Раз нельзя поговорить с тобою.
В пыль цветы твои поискрошились,
Это засуха, единственный, прости мне,
Мало времени, а воду издалёка
Надо брать, когда сюда приходишь.

Мать под деревом платок оправляет,
Светят в небе голубиные крылья.
Загляделась, задумалась матерь,
А простор такой высокий, высокий.
Уезжает к городу трамвайчик,
Парень с девушкой мчатся вдогонку.
Мать и думает: поспеют — не поспеют?
Добежали. И вошли на остановке.

1958

(Из книги «Король Попель и другие стихотворения», 1962)

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОФИЦЕРА ВЕРМАХТА РУДОЛЬФА ГРЁТЕ

(1944)

Белый город на равнине под высоким небом
День за днем стоит под тяжким пушечным обстрелом,
Линия домов от залпов крушится, чернеет.
Сыплет груз бомбардировщик. Сплошь да сплошь пожары.
Дым всё выше и всё гуще, до самого неба.
Стал столбом над горизонтом, черной вертикалью.
А людей не разглядеть мне в полевой бинокль.
Огнестрельного оружья треск очередями.
Но я знаю, что́ мы рушим. Малое свое.
Поколения обоев. Древности варений.
Запах капель от бронхита. Зеркала. Гребенки.
Чашки с блюдцами и вазы. Платья в нафталине.
Кровь, особенная жидкость, следа не оставит.
Вещи же в осколках живы. Через годы станут,
В металлических решетах слой земли просеяв,
Брать рукою осторожно крупицу фарфора.

(Из книги «Хроники», 1987)

Давид Самойлов

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ПОЭМЫ «БЛИЖНИЕ СТРАНЫ»

Не пришлось побывать мне туристом
В городах зарубежных держав.
Мы стояли в разбитой Варшаве,
Автоматы невольно прижав.
И в холодном январском рассвете,
Возникавшем из зимних глубин,
Все казалось сперва лиловатым,
Только снег был слегка голубым.
Словно соль, растравлявшая раны,
Он пропитывался зарей.
Обожженные зданья и храмы
Были странны под снежной корой.
Но страшнее всего были окна —
Сотни, тысячи, в каждой стене —
И рассветное зимнее небо,
Холодевшее в каждом окне.
Словно рты, закосневшие в крике, —
Окна — Оо!
окна — Аа!
окна — Уу!..
И дырявые тени, и блики
На снегу... на варшавском снегу...
И тогда я до ужаса ясно
Все увидел. Забыть не могу...

Мы стояли на том берегу.
Рядом. В Праге*. Отсюда два шага.
Там, за Вислою, — вон она, Прага.
Мы стояли на том берегу.
Здесь отчаянно билась Варшава,
Пред судьбою не павшая ниц,
Горемычная, злая гордячка,
Непокорнейшая из столиц.
Польский город и польское горе,
Польский гонор, и говор, и голод
Здесь легли раскаленной подковой.
А война — наковальня и молот.

* Прага — правобережный район Варшваы. — *Ред.*

Люди жили, служили, корпели,
Всё терпели, что им суждено.
Но однажды суровое время
Кулаком постучалось в окно.
И тогда, как бойцы по тревоге,
Поднялись и пошли на редут.
Ни отсрочек, ни белых билетов
В этот час никому не дадут.

Никуда не уйти человеку
От губительных дел и страстей,
От мостов, опрокинутых в реку.
От развеянных в прах крепостей.
Всюду танки корежат заборы,
Под лафетами гибнет трава.
И растут из мальчишек саперы,
А девчонки живут для вдовства.

Век берет человека за ворот,
Век велит защищать ему город,
Не отпустит его нипочем,
В дверь стучится, запоры ломает
И на выбор ему предлагает
Жертвой стать или быть палачом.
Он дает ему годное право
Воевать, как воюет Варшава,
Умирать, не согнувшись в дугу,
И не жить, превратившись в слугу,
И не ждать — а идти на расправу.

Это было на том берегу...

***

И вдруг
Неожиданно внятно и четко
Прокричали команду.
И вдруг
Даже воздух напрягся вокруг:
Батарея. Прямая наводка.
Ружья вбиты в плечо и в ладонь.
Щеки к жестким прикладам прижались.
«Дейчланд! Дейчланд!
(Огонь!)
... юбер аллес!»
« Дейчланд...
(Снова огонь!)
... юбер аллес!»
«Дейчланд! Дейчланд!
(Огонь и огонь!)
Каждый нерв напряжен до предела,
Тишина прорвалась, как нарыв.
«Еще Польска...
(Разрыв!)
...не сгинела!»
«Еще...
(Снова разрыв!)
...не сгинела!»
«Не сгинела!»
(Разрыв и разрыв!)

Штукатурка скрипит на зубах.
На бинты не хватает рубах.
Артиллерия смолкла. Атака.
Оживают обломки сарая.
Клен без кроны. И дом без угла.
Пули градом — обломки стекла.
И опять тишина гробовая.
Жить не хочется. Хочется пить.
Сердце замерло. Оцепенело.
«Еще Польска...
(Разрыв!)
...не сгинела!»
«Еще...
(Снова разрыв!)
...не сгинела!»
Артиллерия смолкла. Ползут.
Как зеленые змеи, ползут.
Ближе, ближе. Все ближе. Все ближе...
Я их вижу. Прекрасно их вижу!
Но молчу. Но помочь не могу...

Это было на том берегу.

Янина Куманецкая

В 60-ю ГОДОВЩИНУ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ

КУЛЬТУРНЫЕ СОБЫТИЯ

■ **Шестидесятилетие Варшавского восстания (1 августа — 2 октября 1944) стало большим праздником культуры в польской столице. В него вошли большие открытые концерты, транслировавшиеся по телевидению, новые кинофильмы и книги, а главное — открытие Музея Варшавского восстания.**

■ Музей размещен в бывшей трамвайной электростанции в районе Воля — одном из тех, где шли повстанческие бои. В ходе реставрационных работ были раскрыты стены из красивого старого кирпича, на огромной территории насадили кусты и деревья и поставили мемориальные объекты. Среди них — обломок разбитого в ходе боев памятника князю Юзефу Понятовскому*. У входа стоит знаменитый «Кубусь», копия танка повстанцев, а на окруженной молодыми кустами красных роз Стене Памяти высечены тысячи имен бойцов Армии Крайовой, погибших в ходе восстания. С другой стороны на Стене Памяти повешены уникальные аэрофотосъемки Варшавы, сделанные накануне, во время и сразу после восстания; фотографии взяты главным образом из материалов немецкой воздушной разведки, ныне хранящихся в одном из американских архивов. Первую экспозицию в новом музее составили дары участников восстания и их семей, сувениры, снимки и мультимедийная картина событий.

BIULETYN INFORMACYJNY

WYDANIE CODZIENNE

Dowódca Armii Krajowej dał rozkaz do walki z wrogiem

ŻOŁNIERZE STOLICY

Wydałem dziś upoważniony przez Was rozkaz do jawnej walki z odwiecznym wrogiem Polski, natrętnym niemieckim. Po pięciu ciężkich latach nieprzerwanej i tajnej walki prowadzonej w podziemiach konspiracji stajecie dziś otwarcie z bronią w ręku, by ojczyznę przywrócić Wolności i wymierzyć zbrodniarzom niemieckim przykładną karę za terror i zbrodnie dokonane na ziemiach Polski.

Warszawa, 1.VIII.1944 r. Dowódca Armii Krajowej

Приказ главнокомандующего Армией Крайовой о начале вооруженного восстания

■ **Юбилейные концерты проходили на большой сцене, построенной на нынешней площади Варшавских Повстанцев, у здания бывшего «Пруденциала» — самого высокого в довоенной Варшаве. Здание было захвачено повстанцами в самом начале боев, и на нем сразу был установлен польский флаг. Развевался он и во время юбилейных торжеств.**

■ Режиссер Анджей Сапия говорит о своем фильме «Варшавское восстание, 1944: шестьдесят лет спустя»: «...рассказать о Варшавском восстании в наше время, не повторяя схем, — это было самое трудное. (...) Мне хотелось найти что-то свежее. Начал я с определения адресата — сделал фильм для поколения моего сына, 18-20-летних». Архивные кадры сопровождает музыка рэп, а о событиях тех лет говорят три историка — из Польши, Великобритании и России — и участники восстания. Это самый интересный кинофильм из всех, снятых к юбилею. Фильмов,

* Юзеф Понятовский (1763-1813) — племянник последнего польского короля Станислава Августа, главнокомандующий польскими частями в составе наполеоновской армии, маршал Франции. Погиб, утонув при отступлении после проигранной французами битвы под Лейпцигом. — *Пер.*

прежде всего монтажных документальных, появилось очень много, среди них впервые — сделанные иностранными кинематографистами, американскими и немецкими.

■ **Классическую книгу о Варшавском восстании представляет собой труд Владислава Бартошевского «Дни сражающейся столицы», в котором достоинства рассказа прямого участника событий сочетаются с пытливостью историка, взвешивающего все соображения. «Бартошевский сталкивает свой репортаж с записями чужих воспоминаний, сопоставляет записи из немецких штабных журналов, польских газет и рапортов», — пишет рецензент.**

■ Еще одна классическая книга — «Хроника Варшавского восстания» Анджея Кшиштофа Кунерта, хронологическое описание событий, иллюстрированное картами, снимками, графиками.

К юбилею перевели вышедшую 20 лет назад по-английски книгу Джоанны К.М.Хэнсон «Подвергнутые нечеловеческим испытаниям. Гражданское население Варшавы в восстании 1944 года». «Хэнсон, — пишет рецензент, — с хладнокровием человека извне и ученого показывает сложные отношения между гражданским населением и сражающимися повстанцами. (...) Ценность книги — наряду с сухими данными, информацией об условиях жизни в отдельных районах и об организации гражданских служб — составляют конкретные примеры».

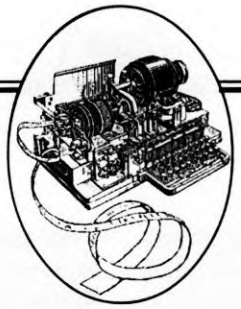
■ **И, наконец, важнейшее новое издание — польский перевод «Восстания-44» английского историка Нормана Дэвиса. Книга вышла в Великобритании несколько месяцев назад, издана она также в США и Германии. Польское издание представили прессе и публике в годовщину начала восстания, 1 августа, на верхнем этаже бывшей «Пасты», многоэтажного здания, захваченного повстанцами после тяжелых боев, — его фасад теперь украшает издалека видный якорь с латинской буквой «Р», символом сражающейся Польши той эпохи. «Мудрец без собственного мнения, — сказал Яцек Возняковский, представляя автора, — хуже падали. У Нормана Дэвиса собственное мнение есть, он обладает смелостью браться за темы нелегкие и политически некорректные». А сам автор сказал: «В своей книге я выдвинул следующие тезисы. Во-первых, решение начать боевые действия было рискованным, но не самоубийственным. Восстание, казалось, могло рассчитывать на успех. Во-вторых, восстание не потерпело поражения — наоборот, Армия Крайова сдала экзамен и сражалась в десять раз дольше, чем планировало ее командование. В-третьих, огромных потерь среди гражданского населения нельзя было предвидеть. Командование АК полагало, что гражданское население пострадало бы и в том случае, если бы немецкий гарнизон не был атакован, а фронтальная битва между Красной армией и немцами развернулась в городе. Четвертый тезис: причиной краха восстания была бездарность союзной коалиции. Каждый ее участник внес вклад в это координационное поражение, и не только англичане, американцы и Советский Союз, но и поляки».**

■ В центре Варшавы, на фасаде бывшего универмага, где сейчас находятся молодежный клуб и кафе, повешен транспарант с четверостишием:

Когда в людях любовь смертью стала
И на нас обрушился огненный столп,
Благословенны те, чьим сердцам и рукам
Эта тревога была слишком мала.
[Перевод дословный]

Автор стихов, Кшиштоф Камиль Бачинский, 1921 года рождения, один из самых замечательных поэтов своего поколения, погиб на четвертый день Варшавского восстания.

«Мы стреляли по врагу бриллиантами», сказал знаменитый литературовед, Пигонь



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• **«1 августа в 17.00 в столице завыли сирены. Машины и пешеходы остановились, чтобы почтить память героев Варшавского восстания (...) Замерли автобусы и трамваи. В это же время к памятнику Варшавскому восстанию возложил венок канцлер Германии Герхард Шредер. Событием, которого ветераны ждали больше и дольше всего, стало открытие Музея Варшавского восстания».** ***(«Жечпосполита», 2 авг.)***

• Варшавское восстание 1944 года продолжалось 63 дня. Армия Крайова потеряла 10,2 тыс. человек убитыми, 25 тысяч — ранеными и 5 тысяч — пропавшими без вести. Потери немцев составили соответственно: 10 тыс. убитых, 9 тыс. раненых, 7 тыс. пропавших без вести. Сильнее всего пострадало гражданское население: 150 тыс. человек были убиты, 165 тысяч — вывезены в Германию на принудительные работы, 350 тысяч — насильственно переселены. *(«Ньюсуик-Польша», 1 авг.)*

• **Из речи президента Александра Квасневского: «60 лет назад, оказавшись между двумя тоталитарными державами, поляки хотели с оружием в руках отстоять свое пространство свободы. Сегодня это желание сбылось, превзойдя все наши мечты. Свободная и независимая Польша находится среди друзей и партнеров (...) Спасибо вам, героические бойцы Варшавского восстания».** ***(«Жечпосполита», 3 авг.)***

• Из речи канцлера Герхарда Шредера: «С чувством стыда я склоняюсь под тяжестью преступлений, совершенных гитлеровскими войсками (...) Здесь, на месте польской гордости и немецкого позора, мы выражаем надежду на примирение и мир (...) Перед лицом зла, причиненного в прошлом немцами полякам, примирение между нашими народами кажется чудом». *(«Жечпосполита», 2 авг.)*

• **«Вчера президент России Владимир Путин направил президенту Варшавы Леху Качинскому письмо по случаю 60-й годовщины Варшавского восстания. Тем самым Путин хотел успокоить споры по поводу статьи российского посла Николая Афанасьевского, возмутившей ветеранов восстания».** ***(«Жечпосполита», 31 июля — 1 авг.)***

• «Просто в голове не укладывается, что на торжества, посвященные 60-й годовщине Варшавского восстания, не был приглашен президент России (...) Каждый год в годовщину Варшавского восстания мы с горечью думаем, что Москва все еще не созрела для извинений за пассивность [советской Армии на подступах] к гибнущей Варшаве. Однако, если мы ожидаем от наших русских друзей извинений, надо хотя бы предоставить им такую возможность». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 3 авг.)*

• **В заявлении, посвященном Варшавскому восстанию, российский МИД назвал «тенденциозным и субъективным» тезис историков и «некоторых польских политиков», согласно которому «вина — во всяком случае частичная — за разгром повстанцев и варварское разрушение столицы нередко возлагается на союзников по антигитлеровской коалиции, которые, дескать, не оказали своевременной и достаточной помощи варшавянам». «Подобную трактовку в России не разделяют». Неоднозначное отношение официальных российских представителей к Варшавскому восстанию имеет свою историю. В 1994 г. тогдашний президент Лех Валенса пригласил президента России Бориса Ельцина на торжества по случаю 50-й годовщины восстания, однако тот не приехал, а прислал лишь главу своей администрации.** ***(«Жечпосполита», 5 авг.)***

• «В 1988 г. мы с волнением слушали российского юриста Аметистова. Этот крупный ученый, впоследствии член Конституционного суда Российской Федерации, начал свое выступление на встрече с группой экспертов в варшавском Клубе католической интеллигенции со слов: "Я в Варшаве в первый раз, но мой отец был здесь в 1944 году и обо всем мне рассказал. Поэтому я приехал попросить у вас прощения..."» *(Анджей Велёвейский, «Жечпосполита», 7-8 авг.)*

• **Российский историк, автор публикации о Варшавском восстании Лев Безыменский: «Быстро стало ясно, что Сталин вообще не намерен помогать сражающейся Варшаве. Можно сказать, что советская армия в начальной фазе не могла, а затем, согласно линии Сталина, не хотела вмешиваться».** ***(«Жечпосполита», 31 июля — 1 авг.)***

• Проф. Норман Дэвис: «Многих Варшавское восстание покрыло позором. Не только Германию или Советский Союз, но и, к примеру, поляков из люблинского Польского комитета национального освобождения. Однако наибольшее возмущение вызывают не дни восстания, а времена, последовавшие за ними. Ежедневно поляки — судьи и прокуроры — бросали в тюрьмы или приговаривали к смерти других поляков — бойцов восстания. Варшавское восстание — это небывалый героизм, неслыханная жестокость и страшная измена. Измена как Советского Союза, так и Запа-

да. Никто не пришел повстанцам на помощь, хотя они сражались и за тех, на чью помощь рассчитывали. Страшная, медленная смерть города...» *(«Ньюсуик-Польша», 1 авг.)*

• Директор Института национальной памяти (ИНП) проф. Леон Керес призвал российскую военную прокуратуру как можно скорее закончить продолжающееся уже 13 лет следствие по делу о катынском преступлении. «Я хочу призвать раз и навсегда завершить это дело, отравляющее польско-российские отношения», — сказал проф. Керес в интервью «Московским новостям». По мнению польского правосудия, за преступление несут ответственность не только Сталин и политбюро ЦК ВКП(б), но и непосредственные участники событий: те, кто отдавал приказы, конвоировал пленных, служил в охране, и, наконец, те, кто стрелял. Таких преступников было около двух тысяч. *(«Газета выборча», 7 июля)*

• Российские власти не считают, что катынский расстрел был преступлением против человечества, не подлежащим сроку давности. В связи с этим никому не будет предъявлено обвинение в убийстве. Российская сторона заявила, что не может передать Польше личные дела жертв, так как документы были уничтожены. По мнению директора ИНП, его московские переговоры существенным образом дополнили сведения о ходе следствия. *(«Жечпосполита», 5 авг.)*

• Директор Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа проф. Витольд Кулеша: «Российская сторона оставила без ответа нашу просьбу о предоставлении полного списка виновников катынского преступления. Мы не можем квалифицировать убийство 27 тысяч польских граждан иначе как геноцид. Уничтожение в 1940 г. десятой части 240 тыс. военнопленных и узников не было серией отдельных убийств вследствие "технической ошибки", как утверждают российские прокуроры. Это был результат стремления властей СССР уничтожить руководящую элиту польского общества». *(«Жечпосполита», 7-8 авг.)*

• Российский историк и политолог проф. Инесса Яжборовская: «В документе от 1 августа 1993 г. эксперты Главной военной прокуратуры РФ, среди которых была и я, написали, что в Катыни имел место геноцид. К такому же выводу пришел военный прокурор в июле 1994 года (...) В 1995 г. новый прокурор, начавший вести это дело, получил четкие указания: ограничиться поиском виновных среди состава политбюро (...) Все, начиная с отдавшего приказ и кончая нажавшим на курок, должны быть названы — по крайней мере по должности (...) Однако ФСБ скрывает такие дела особо тщательно. В такого рода учреждениях работают целые династии: сын, отец, дед. Поэтому они и не желают выдавать свои тайны». *(«Жечпосполита», 5 авг.)*

• Профессор Александр Яковлев, в период перестройки один из ближайших сотрудников М.С.Горбачева: «Общая атмосфера, царящая сейчас в России, наверняка не способствует завершению этого дела». *(«Газета выборча»,5 авг.)*

• Леон Попек из Люблинского отделения ИНП: «Нет политической готовности почтить память убитых на Волыни. Их закопанные в неглубокие ямы, омываемые дождем кости иногда белеют там, где некогда стояли деревни. Но эксгумацию провести нельзя, ибо она стала бы неопровержимым доказательством убийства. А украинские историки и власти не хотят таких доказательств. Невозможно даже получить разрешение на хотя бы символические могилы и кресты». *(Майя Нарбутт, «Жечпосполита», 7-8 авг.)*

• В Едвабне отмечалась 63-я годовщина уничтожения еврейского населения местечка польскими соседями. В траурной церемонии принял участие посол Израиля в Польше Давид Пелег, однако на нее не пришли ни жители Едвабне, ни местные власти. *(«Жечпосполита», 12 июля)*

• В 60-ю годовщину ликвидации цыганского лагеря в Освенциме цыгане из Польши и других стран Европы почтили память 23 тысяч цыган из 11 стран, погибших в лагере Аушвиц—Биркенау (Освенцим—Бжезинка). В ночь со 2 на 3 августа 1944 г. немцы уничтожили в газовых камерах последнюю группу цыган — 2900 человек, в основном детей. *(«Жечпосполита», 3 авг.)*

• «Геноцид — самое зловещее и непостижимое преступление XX века. Катастрофа еврейского народа, Армения, Камбоджа, Босния, наконец, Руанда. Совершенно разные культуры, уровень развития, склад ума; разная интенсивность, охват, резонанс в мире, — но ведь есть нечто общее (...) Это черная расселина. Неизвестно, где она начинается и насколько глубока, поэтому приближаться к ней опасно». *(Эва Шуманская, «Тыгодник повшехный», 8 авг.)*

• «Комментируя визит [в Польшу председателя КНР] Ху [Дзиньтао], президент Александр Квасневский заикнулся было о "различиях во взглядах на системы ценностей и права человека", однако затем моментально добавил, что различия эти "не должны влиять на развитие польско-китайских отношений" (...) Ежегодно в КНР совершается 10 тысяч казней, вовсю действует система трудовых лагерей Лаогай, в тюрьмах практикуются пытки, в судах часто и речи быть не может о гласности процессов и праве на защиту. Делаются также принудительные аборты». *(Кшиштоф Бурнетко, «Тыгодник повшехный», 20 июня)*

• «Центр им. Шимона Визенталя, еврейская организация, разыскивающая военных преступников, будет платить полякам по 10 тыс. евро за информацию о людях, помогавших немцам уничтожать евреев». *(«Газета выборча», 16 июня)*

• Бронислав Геремек: «Когда внезапно какой-то заграничный центр начинает вести подобные поиски, меня охватывает чувство омерзения и тревоги». *(«Газета выборча», 16 июня)*

• «Если ранее молчавшие свидетели гитлеровского геноцида дадут показания, которые помогут отдать под суд безнаказанных виновников преступлений против человечества, это будет полезно». *(Константы Геберт, «Жечпосполита», 17 июня)*

• Марек Эдельман: «Во всем мире платят за информацию, когда ищут преступников. Президент США назначил миллионы долларов за Усаму бен Ладена и Саддама Хусейна». *(«Жечпосполита», 17 июня)*

• «Помимо полиции за доносы платят государственные учреждения, располагающие оперативными средствами: Агентство внутренней безопасности, Агентство разведки, военная жандармерия, пограничная охрана, таможенная инспекция, а также таможенные и налоговые учреждения. Деньги на доносы есть у детективных агентств и экономических разведок. Доносы пишут и в редакции — некоторые платят за это». *(Ян Дзядуль, «Политика», 10 июля)*

• После того как 16 июня начала работать инфолиния «Последний шанс» (22 498-15-07), в иерусалимский офис Центра им. Шимона Визенталя поступило из Польши несколько десятков сообщений о безнаказанных виновниках преступлений против евреев. В отношении восьми подозреваемых центр начал собственные расследования. *(«Жечпосполита», 23 июля)*

• Впервые государство, входившее в состав бывшего СССР, передало Польше личные дела, заведенные НКВД на репрессированных поляков. Этим государством стал Узбекистан. Папки весят 200 кг. В них содержатся данные более чем о 600 поляках начиная с 1926 года. *(«Газета выборча», 9 июля)*

• Крестами Сибирских Ссыльных будет награждать президент Польши депортированных польских граждан. Из полутора с лишним миллионов поляков, сосланных на восток в годы войны, в настоящее время в живых осталось менее 100 тысяч. Крест Сибирских Ссыльных должен стать знаком национальной памяти, а также данью мученичеству и верности идеалам свободы и независимости. Закон об установлении награды вступил в силу 1 января этого года. *(«Жечпосполита», 6 июля)*

• Миссия «Польской гуманитарной акции» действует в Чечне с 2000 года. В рамках программы по обеспечению населения водой она ежедневно очищает и поставляет жителям Грозного 650 тыс. литров питьевой воды; в рамках санитарной программы — строит туалеты, вывозит мусор и медицинские отходы. Благодаря поддержке Бюро по гуманитарной помощи Европейской комиссии ПГА охватила санитарной программой также Гудермес, Шали, Старые Атаги и Ачхой-Мартан. *(«Жечпосполита», 6 авг.)*

• Введение виз для россиян, украинцев и белорусов не привело к серьезному уменьшению потока людей, приезжающих в Польшу из этих стран. В визе отказывают лишь одному из ста. Однако значительным неудобством для туристов с Востока остаются гигантские очереди перед польскими консульствами. *(«Жечпосполита», 1 июля)*

• В прошлом году польские предприятия инвестировали за границей почти 400 млн. долларов, т.е. в два раза больше, чем в позапрошлом. Этот рекорд стал возможен благодаря крупнейшей с момента распада СССР экспансии на восточные рынки. В России и на Украине польские капиталовложения увеличились в 3-4 раза. В 2003 г. они превысили 100 млн. долларов. *(«Газета выборча», 20 июля)*

• Проф. Дариуш Росати, депутат Европарламента: «Всем, кто видит в России [наш] великий шанс, я всегда повторяю: это экономика средних размеров, сравнимая с голландской. [Россия] может быть в лучшем случае дополнением к нашим экспортным рынкам (...) Украинская экономика меньше чешской (...) Однако для Польши это важный политический партнер, и наша страна должна присутствовать там из геополитических соображений (...) Российские инвестиции в Польше связаны со стратегическими отраслями (...) транспортировкой топлива, нефтеперерабатывающими заводами, металлургическими комбинатами (...) Время от времени к нам поступают сигналы, что этот партнер еще не заслуживает такого доверия, как наши западные партнеры. [Россия] рассчитывает решить все вопросы, связанные с Польшей, через Брюссель или путем давления на нас наших партнеров. Вне всякого сомнения, этот метод неэффективен и не способствует укреплению взаимного доверия. Поэтому теперь мы тоже будем решать все проблемы через Брюссель». *(«Жечпосполита», 26 июля)*

• «Бывший премьер-министр Лешек Миллер, вице-премьер Марек Поль и нынешний министр экономики Яцек Пехота несут ответственность за подписание договора с Россией, условия которого создают угрозу энергетической безопасности страны. Таков вывод Высшей контрольной палаты, которая установила, что подписанный в 2003 г. договор ставит Польшу в полную зависимость от поставок российского газа». *(«Жечпосполита», 9 июля)*

• Уже несколько лет подряд российские власти держат в напряжении польские гмины, расположенные в районе Вислинского залива, Эльблонгского канала и Мазурских озер. В начале каждого сезона россияне угрожают закрыть для польских судов Пилавский пролив — единственный выход из Вислинского залива в открытое море. Только строительство канала через Вислинскую косу может обеспечить польским судам свободное плавание в заливе. Проект уже готов: канал должен проходить через местность Сковронки в гмине

Штутово. Его планируемая длина — 1,5 км, глубина — 6 м, а ширина — 80 м. От высокого подъема воды при шторме его будет защищать шлюз. Канал можно будет пройти за 20 минут. Стоимость его строительства — 200 млн. злотых. Планируемые годовые доходы от оплат, обслуживания судов и торговли — 30 млн. злотых. *(«Впрост», 18 июля)*

• **Станислав Лем: «Я бы не взял на себя смелости утверждать, в каком состоянии находятся наши отношения с Россией; в настоящее время, пожалуй, ни в каком. Нам недостает конкретизированной политики по отношению к России, так как у нас вообще нет внешней политики. Все партии вцепились друг в друга, как грызущиеся дворовые псы, и им недосуг посмотреть, не идет ли кто-нибудь с палкой».** ***(«Тыгодник повшехный», 20 июня)***

• О намерении развивать торговое сотрудничество и увеличивать взаимные инвестиции заявили на прошедшем в Ялте VII Экономическом форуме президенты Украины и Польши. *(«Жечпосполита», 26-27 июня)*

• **Проф. Бронислав Геремек, депутат Европарламента: «Главная проблема заключается в том, что процесс преобразований на Украине застопорился. Таким образом активная поддержка Украины Польшей перечеркивается отсутствием изменений на самой Украине. Это не должно нас обескураживать — наоборот, такая ситуация должна побуждать нас к усилению натиска как на США и ЕС, так и на политическое руководство Украины».** ***(«Газета выборча», 3-4 июля)***

• Из заявления премьер-министра Украины Виктора Януковича следует, что с помощью трубопровода Одесса—Броды Украина хочет транспортировать и каспийскую нефть в сторону Бродов, и российскую — в сторону Одессы. Таков результат давления Москвы, которая косо смотрит на польско-украинское сотрудничество, связанное с транспортировкой нефти. *(«Жечпосполита», 7 июля)*

• **Вот уже несколько лет Польша не может договориться с Украиной о строительстве трубопровода, по которому в нашу страну поступала бы нефть. Похоже выглядит и ситуация с газом. Это следствие того, что в Киеве существует враждебное Польше московское лобби. Однако не без вины здесь и польская сторона, о чем свидетельствует хотя бы затянувшаяся приватизация металлургического комбината «Ченстохова» [которым интересуются украинцы].** ***(Анджей Михальский и Элиза Венцлав, «Жечпосполита», 9 июля)***

• «Неужели это конец польских грёз о сближении Украины с Западом? Полное членство в НАТО и ЕС перестало быть целью Украины — вчера президент Кучма исключил из украинской военной доктрины соответствующее положение. Взамен Кучма хочет ускорить сближение с Россией. "Агентура западных стран всячески пытается скомпрометировать интеграцию России и Украины", — сказал вчера в Ялте во время встречи с Леонидом Кучмой президент России Владимир Путин (...) Украинцы объявили, что с 1 августа они изменяют предназначение стратегического трубопровода Одесса—Броды. Трубопровод должен был качать в Польшу каспийскую нефть и связывать Украину с Западом. Теперь по нему в обратном направлении потечет российская нефть». *(«Газета выборча», 27 июля)*

• **Еще до того как мы достигли демократии, «Польша осуществила переход от тоталитарной системы к автократической раньше и последовательнее, чем другие страны, находившиеся под советским владычеством. Это легко объяснить (...) Польша, католическая страна с общественным мнением, настроенным против России, чей гнет поляки должны были терпеть больше ста лет, и враждебным по отношению к Советскому Союзу, который в начале войны был союзником Третьего Рейха, обладала к тому же запечатлевшимися в народной памяти традициями непокорности и восстаний. В ней правила партия, лишенная права называться коммунистической, так как ее предшественница, носившая это название, была распущена Коминтерном после предварительного уничтожения ее руководства в СССР во время чисток 30-х годов. Воспоминания об этом преследовали коммунистов, вышедших живыми из ГУЛАГа и вернувшихся в Польшу, а также тех, кто выжил в польских тюрьмах. Мало того, существовали еще и крепкие связи между населением Польши и Францией, Великобританией и США. Короче говоря, Польша соединяла в себе черты, которые делали ее антиподом Советского Союза».** ***(Кшиштоф Помян, «Жечпосполита», 26-27 июня)***

• Несколько тысяч человек пришли на похороны полковника Рышарда Куклинского. В траурной церемонии участвовал почетный караул польской армии. На протяжении 11 лет полковник Куклинский сотрудничал с американской разведкой и разведкой НАТО, не требуя за это никакого вознаграждения. Он передал на Запад около 35 тыс. документов командования Советской Армии и Варшавского договора, в т.ч. варианты планов нападения на Западную Европу. В феврале 1982 г. директор ЦРУ Уильям Кейси написал в докладе президенту Рональду Рейгану: «Никто в мире на протяжении последних сорока лет не причинил коммунизму такого вреда, как этот поляк». В 1984 г. суд Варшавского военного округа заочно приговорил Куклинского к смертной казни. В 1997 г. Куклинский был оправдан и реабилитирован. *(«Жечпосполита», 21 июня)*

• **«Польский дипломат возложил цветы к памятнику литовским солдатам, которые, в частности, сражались с польскими партизанами из Армии**

Крайовой. Это должно положить начало примирению между польскими и литовскими военными». ***(«Газета выборча», 19-20 июня)***

• Командующий второй сменой международной дивизии в Ираке генерал Мечислав Бенек: «Провинции, расположенные в польской зоне ответственности, могут похвалиться не только все более опытной полицией, но и тем, что здесь уже управляют губернаторы и городские советы (...) На протяжении 6,5 месяцев нам удалось уничтожить 10 из 12 арсеналов и осуществить 1300 проектов гражданско-военного сотрудничества на общую сумму 48 млн. долларов, что способствовало улучшению работы органов администрации и правосудия, а также росту безопасности. Кроме того мы создали пять батальонов национальной гвардии и приняли на службу 14 тыс. работников новой иракской полиции». Президент Александр Квасневский наградил генерала Бенека Командорским Крестом ордена Возрождения Польши. *(«Жечпосполита», 23 июля)*

• «В Ираке погиб седьмой польский военнослужащий, капрал Мартин Рутковский. Восемь человек наших ранены, но их жизни не грозит опасность». ***(«Газета выборча», 30 июля)***

• «Иракские полицейские и польские солдаты задержали вчера исполнителей теракта, в результате которого погиб капрал Рутковский». *(«Газета выборча», 3 авг.)*

• «Выведи свои захватнические войска из Ирака, или ты услышишь звуки взрывов, сотрясающих твою страну», — так звучит угроза, обращенная к «польскому правительству и народу, а особенно к подлому премьер-министру Мареку Белькe» террористами из группы «Аль-Тахвид», именующей себя «европейской Аль-Каидой». ***(«Жечпосполита», 22 июля)***

• Первый центр НАТО в новых странах-членах Североатлантического Союза открылся в Быдгоще. Центр подготовки объединенных сил (Joint Force Training Center) предназначен для командующих частями разных уровней — от батальона до дивизии. *(«Газета выборча», 26-27 июня)*

• Двумя из 14 заместителей председателя Европарламента стали поляки — Януш Онышкевич и Яцек Сариуш-Вольский. ***(«Жечпосполита», 21 июля)***

• Януш Левандовский стал председателем одной из важнейших комиссий Европейского парламента — бюджетной. *(«Жечпосполита», 23 июля)*

• 69% поляков поддерживают вступление Польши в Евросоюз. Особенно возросла поддержка среди крестьян, которые сильнее всего ощутили, что их положение улучшилось. ***(«Тыгодник повшехный», 25 июля)***

• Польша занимает седьмое место по экспорту в страны ЕС после США, КНР, Японии, Швейцарии, России и Норвегии. *(«Ньюсуик-Польша», 20 июня)*

• «В странах Евросоюза резко растет спрос на мясо из Польши. Чтобы оказаться на высоте требований, мясоперерабатывающие комбинаты вовсю инвестируют: по оценкам экспертов, в этом году мясоперерабатывающая отрасль потратит на расширение производства 2 млрд. долларов — на 500 миллионов больше, чем в 2003 году. Благодаря этому в текущем году экспорт может увеличиться даже на 30-40%». ***(«Жечпосполита», 23 июля)***

• Цезарий Банасинский, начальник Управления по защите конкуренции и потребителя (УЗКиП): «Установив факт нарушения закона или злоупотребления господствующей позицией [на рынке], УЗКиП, прежде чем действовать административным путем, всегда старается решить дело полюбовно (...) Мы призываем отказаться от запрещенных методов, а затем контролируем (...) Управление прибегает и к неофициальным методам: запугивает правонарушителей. Роль пугала играют СМИ. Практически все предприниматели боятся критики в СМИ. Это своего рода наказание. Если информация об обманутом клиенте попадет в газеты, это может обойтись дороже денежного штрафа (...) Вступление Польши в Евросоюз дало начальнику УЗКиП новые возможности. Теперь я вхожу в европейскую сеть и сам могу привлечь к ответственности картель или призвать на помощь управления других стран ЕС. Я могу возбудить следствие против иностранных картелей, если результаты их сговора отражаются на польском рынке. Могу наложить штраф. Возникла система, благодаря которой польский рынок лучше защищен». *(Ягенка Вильчак, «Политика», 26 июня)*

• По словам президента Польского национального банка Лешека Бальцеровича, в 2003 г. внешний долг Польши превысил 40% всего государственного долга. За границей были взяты новые кредиты на сумму 1,1 млрд. евро. «Займы у заграничных кредиторов ставят Польшу во все большую зависимость от иностранного спекулятивного капитала, который может легко отхлынуть. Во многих странах его внезапное бегство закончилась кризисом», — говорит Лешек Бальцерович. ***(«Газета выборча», 21 июля)***

• Средняя польская семья тратит в месяц 1700 злотых (568 зл. на человека). Половина этой суммы идет на ежедневные бытовые нужды, из них 656 злотых на питание и 372 — на квартплату и коммунальные платежи. Большинству поляков не удается откладывать деньги. Накоплением занимаются главным образом люди одинокие, предприниматели и пенсионеры. *(«Жечпосполита», 6 июля)*

• Краковский садовник Владислав Годынь продал собранную им за долгие годы коллекцию из 250 картин выдающихся польских художников и на полученные деньги построил шесть домов для бездомных, больных, неприкаянных и репатри-

антов из Казахстана. Благодаря ему крышу над головой получили около трехсот человек. «Человек значит столько, сколько он сделал для бедных и слабых», — цитирует Годынь слова св. брата Альберта, а затем вспоминает, как его отец приводил отрывок из стихотворения: «Блажен, кто делает не для себя». ***(Ежи Садецкий, «Жечпосполита», 5 июля)***

• «"Компания", т.е. часть верхушки "Солидарности", смешавшаяся с посткоммунистическим мирком, — вот настоящая "группа власть предержащих". То, что внутри этой группы привилегированных появилась горстка сверхпривилегированных, привело к расколу и скандалу, вылившемуся в "аферу Рывина". В книге Богдана Рымановского и Павла Сенницкого "Компания Льва Рывина" этот процесс подтвержден документами и очень хорошо описан». *(Томаш Сакевич, «Газета польска», 30 июня)*

• Ян Паства, глава Государственной гражданской службы: «Введенные пять лет назад принципы открытости и конкуренции при приеме на гражданскую службу были по тем временам революционными. Сегодня, когда эти справедливые принципы уже успели укорениться в сознании граждан, больше всего затруднений у нас возникает с учреждениями, не соблюдающими элементарных правил (...) отсутствие дальнейших изменений привело к тому, что у нас все еще нет системы оплаты труда или, точнее, есть ее карикатура». ***(«Жечпосполита», 2 июля)***

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, если бы парламентские выборы прошли в начале июля, «Гражданская платформа» набрала бы 26% голосов, «Самооборона» — 17, «Лига польских семей» — 16, «Право и справедливость» — 11, коалиция «Союза демократических левых сил» и «Унии труда» — 7, крестьянская партия ПСЛ и «Уния свободы» — по 6%. *(«Жечпосполита», 7 июля)*

• Лишь с третьей попытки получило вотум доверия в Сейме правительство Марека Бельки. Если бы это не удалось и на этот раз, президент распустил бы парламент и назначил бы новые выборы. ***(«Тыгодник повшехный», 4 июля)***

• Премьер-министр Марек Белька: «Контакты политиков с людьми бизнеса будут существовать всегда. Этого не избежать. Более того, во всем мире это считается нормой (...) Мы можем сомневаться, должно ли так быть, но это стандарт. Тут не может быть какой-то модели. Все должно основываться на чувстве приличия». *(«Газета выборча», 26-27 июня)*

• Бывший секретарь и член политбюро ЦК ПОРП Ежи Моравский: «Когда я смотрю сегодня на политическую сцену — и это касается всех партий, — когда я смотрю, как они занимаются политикой, я с горечью думаю: это наши дети. Они воспитаны нами. Та же непримиримость, уверенность в себе, надменность и неспособность отделить интересы своей партии от интересов народа». ***(«Газета выборча», 9 авг.)***

• Несмотря на события в Познани и Лодзи, где от пуль полицейских погибли трое прохожих, отношение польского общества к применению полицией оружия, резиновых дубинок и слезоточивого газа осталось таким же, как в 2002 году. Целых 75% поляков считают, что полицейский должен стрелять боевыми патронами, защищая себя или другого человека от непосредственного нападения. 69% утверждают, что в погоне за опасным преступником полицейские должны иметь право стрелять без предупреждения. *(«Газета выборча», 16 июля)*

• «Уже несколько лет существует такое общественное пространство, куда мы можем заглянуть, как в зеркало, — и ужаснуться, осознав, среди кого мы живем. Это дискуссионные форумы в Интернете, полные ругани, вульгарности и, самое главное, вездесущей агрессии». ***(Тереса Богуцкая, «Газета выборча», 3-4 июля)***

• «Из плохого мира мы перешли в хороший, который, однако, становится все хуже», — говорил скончавшийся 17 июня Яцек Куронь. *(«Политика», 26 июня)*

• Станислав Тым: «Если президент не наложит вето на закон об экспериментах на животных, несколько миллионов живых существ будут ежегодно погибать в невообразимых мучениях. Потому что контролировать эти опыты и помешать мучителям не сможет никто». ***(«Жечпосполита», 3-4 июля)***

• Сейм не преодолел вето президента на закон об экспериментах на животных. За преодоление вето голосовали только 111 из 427 присутствовавших депутатов. *(«Газета выборча», 3-4 июля)*

• «В Варшаве следовало бы поставить памятник Козе-кормилице. Да-да, именно так: Козе-кормилице. Знаете ли вы, сколько младенцев были обязаны ей жизнью во время Варшавского восстания и сразу после него?» ***(Ольгерд Будревич, «Нове ксёнжки»)***

И не только младенцев — добавит от себя ваш хроникер, ибо и он выжил тогда благодаря Козе-кормилице, о чем при столь удобном случае не может не упомянуть.

Приносим искренние соболезнования семьям всех жертв терроризма, ареной которого стала Российская Федерация.

Тереса
Черневич-Умер

ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ ВИЗ

30 июня в варшавской штаб-квартире Фонда им. Стефана Батория состоялась презентация отчета «Мониторинг польской визовой политики». Документ был составлен на базе опросов, проведенных в марте текущего года. Прежде чем приступить к изложению подробностей, сразу сообщим нашим читателям хорошую новость: по мнению авторов отчета, выдача виз польскими консульствами заслуживает самой положительной оценки. «Введение виз породило опасения у наших восточных соседей, однако результаты мониторинга показали, что Польша проводит либеральную визовую политику», — заверил Якуб Боратынский из Фонда им. Батория.

Пожалуй, сегодня в Польше никто уже не хочет вспоминать, как трудно было выехать за границу еще полтора десятка лет назад. Лишь в 90-е гг. многие европейские государства отменили визы для польских туристов, а с Украиной, Белоруссией и Россией был установлен безвизовый режим. Восточные соседи начали массово приезжать в Польшу — к родственникам, на каникулы, на заработки, но прежде всего в торговых целях.

Однако со вступлением Польши в Евросоюз это положение должно было измениться: наша восточная граница превращалась из просто государственной в границу всего ЕС. Поскольку же все государства-члены ЕС осуществляют общую визовую политику по отношению к не-гражданам Евросоюза, Польше пришлось привести свои правила в соответствие с европейскими. В связи с этим с 1 октября 2003 г. граждане Белоруссии, Украины и России, въезжающие в Польшу, обязаны иметь польские визы. Это необходимое изменение вызвало опасения, не станет ли получение визы настолько дорогостоящей и сложной операцией, что многие будут вынуждены отказаться от поездки, и не приведет ли это к резкому сокращению контактов между Польшей и ее восточными соседями. Правда, польские власти обещали упростить процедуры оформления виз, но, как известно, действительность редко соответствует обещаниями, и даже самые благие намерения часто воплощаются в жизнь далеко не идеальным образом.

В результате со времени ужесточения визовой политики число лиц, въезжающих в Польшу, немного уменьшилось: украинцев — на 16%, белорусов — на 14% и россиян — на 6,6%. Это немало, однако значительно меньше, чем, скажем, в Словакии, где число приезжих из тех же стран уменьшилось на 80%. Движение на польской восточной границе, несмотря на некоторый спад, продолжает оставаться огромным. В первом полугодии консульства выдали 521 тыс. виз, в т.ч. 135 тыс. белорусам, почти 300 тыс. украинцам и около 90 тыс. — россиянам. Только консульство во Львове ежедневно дает разрешение на въезд в Польшу в среднем 800 лицам.

Проверить, должным ли образом осуществляется выдача польских виз гражданам Белоруссии, России и Украины и не нарушаются ли при этом права человека, насколько доступны визы и насколько сложно их оформление, взялись неправительственные организации: Фонд им. Стефана Батория и Хельсинский фонд по Правам Человека. Методы опроса разработал институт Collegium Civitas, и он же проанализировал полученные данные.

Опрос проводился в марте этого года, спустя несколько месяцев после введения визового режима. Основным методом сбора данных были интервью с гражданами, оформлявшими визу, и беседы с работниками консульств. Оценены были и условия, в которых ждут своей очереди посетители 11 консульств, охваченных опросом.

Задуманный таким образом опрос проводили анкетеры, привлеченные неправительственными организациями каждой из стран. В Белоруссии в опрос включился филиал брестского Центра защиты прав человека «Весна-96», группа экспертов из Гродненской региональной общественной ассоциации «Ратуша» и общественное объединение «Центр социальных инноваций»; на Украине — Харьковская правозащитная группа, Центр мира, конверсии и внешней политики Украины, органи-

Ignacy Czwartos

зация «Европейский диалог», Ассоциация защиты прав молодежи Волыни и Ассоциация поддержки гражданских инициатив «Ковчег»; в России — Калининградская региональная общественная организация «Региононти», Московская Хельсинская группа и Санкт-Петербургский гуманитарный и политологический центр «Стратегия». Перед началом опроса состоялся целый ряд подготовительных встреч для анкетеров и местных координаторов, а затем, уже в процессе работы, проводились контроли ведущих опрос, чтобы исключить сомнения в его объективности. Разумеется, не все посетители консульств пожелали принять участие в опросе. В общей сложности было предпринято 1763 попытки провести интервью, из них 1534 удачных. Иначе говоря, в среднем 87% попыток провести интервью закончились заполнением анкеты. В анкетах был-о множество вопросов, касающихся всех этапов оформления визы, а также просьба сообщить некоторые личные данные, такие, как возраст, образование, цель поездки, гражданство, национальность, место работы. Благодаря этому стало известно, что 68% всех виз получают украинцы, 16% — русские и 11% — белорусы. Польскую национальность указали только 3% анкетированных. В случае гражданства пропорции оказались приблизительно такими же (само собой, за исключением польского).

Самую большую группу среди оформляющих польские визы составляют люди от 30 до 49 лет (более 50%). Немало также молодежи от 18 до 29 лет (30%). 13% опрошенных входят в группу от 50 до 65 лет, и лишь 6% — старше 65 лет. В самой молодой группе мужчин больше, чем женщин. В старших группах преобладают женщины.

Чаще всего в Польшу приезжают люди со средним и высшим образованием. Самая большая группа — это студенты, специалисты и научные работники (30%). 16% составляют директора и менеджеры. Свыше 40% направляющихся в Польшу украинцев, 24% белорусов и 12% россиян — безработные. Эти данные наводят на мысль, что многие едут в Польшу в надежде подработать.

Какие цели поездки указывали анкетируемые? Белорусы планировали турпоездки (почти 50%), покупки и торговлю (более 27%), служебные поездки (около 11%) и выезды к родным и знакомым (20%). Туризм в качестве цели поездки указывали почти 50% россиян, по служебным делам в Польшу ехали 23%, а за покупками — всего лишь 2%. Украинцы не скрывали, что думают о покупках и торговле (35%). Около 30% намеревались навестить родственников или знакомых, свыше 10% рассчитывали найти работу, а о туристических целях заявляли немногим более 16%. Стоит подчеркнуть, что, по мнению опрашивавших, эти данные вовсе не обязательно соответствуют действительности, так как многие, возможно, не захотели указывать истинную цель поездки, особенно если это поиски работы или торговля. Неслучайно, однако, выезд на заработки указывают главным образом украинцы, в чьей стране труднее всего найти работу.

Тип выдаваемой визы зависит от цели поездки. Однако опрос показал, что в поданных документах посетители часто указывали иную цель поездки, нежели в анкетах. Больше всего было выдано туристических виз (37%), виз с разрешением на ведение хозяйственной деятельности (24%), виз для посещения родных (19%), и только 6% выданных виз давали возможность получить легальную работу. Из этого следует, что многие ищущие работу или торгующие приезжают в Польшу по туристической визе.

Каждый ли может получить польскую визу? В принципе, да. В России и Белоруссии негативно был рассмотрен лишь 1% заявлений. На Украине виз не получили 2% опрошенных. Правда, исследователи подчеркивают, что, возможно, какое-то число людей не в состоянии собрать необходимые документы, в результате чего консульства не принимают их заявлений. Однако приведенные данные показывают, что средний гражданин может не опасаться отказа в разрешении на въезд в Польшу. Кроме того подавляющее большинство людей получает визу без необходимости проходить собеседование с консулом.

Основной темой проведенного опроса была оценка доступности виз, а также неудобств, возникающих при их оформлении. К огромному удивлению как специалистов по мониторингу польской визовой политики, так и всех присутствовавших на презентации отчета, оказалось, что подавляющее большинство посетителей довольны тем, как к ним относились на всех этапах оформления визы. Менее чем 1% россиян счел процесс оформления очень или довольно обременительным. В Белоруссии такого мнения придерживались 4%, а больше всего недовольных было на Украине — свыше 7%. Конечно, такая положительная оценка может удивлять, учитывая, что во многих консульствах нужно выстаивать длинные очереди. По мнению участников дискуссии, состоявшейся после презентации, люди привыкли к очередям и не считают их слишком обременительными. Хуже всего переносит их молодежь. В некоторых городах очереди

действительно большие, в других — не слишком. Больше всего приходится ждать на Украине, меньше всего — в России. В этом отношении хуже всего приходится посетителям консульств во Львове, Луцке, Минске и Бресте. Очереди возникают не только из-за большого количества желающих, но и из-за того, как организован прием посетителей в некоторых консульствах. На Украине, чтобы получить информацию, надо выстоять в среднем почти три часа, в очереди за визовой анкетой приходится стоять больше четырех часов, за талоном (в котором указывается дата сдачи документов) — три с половиной часа. Больше двух часов нужно провести в очереди при сдаче документов. Самые длинные очереди во Львове — вся процедура получения визы занимает там в среднем 19 часов, в то время как в Киеве — 4 часа, а в Москве — 5. Как правило, очереди выстраиваются на улице, но, поскольку ни в одном консульстве нет хотя бы навесов, стоящие люди подвержены всем неприятностям, связанным с погодой. Приемные со стульями есть только в четырех консульствах.

Однако необходимость стоять в очередях не влияет на оценку действий работников консульств — большинство анкетируемых (более 90%) оценивает их весьма положительно. Наверняка немаловажен тот факт, что посетители могут объясниться с ними на своем родном языке. Несколько хуже были оценены охранники. Это не работники консульств, а сотрудники местных охранных агентств или милиции. В их обязанности входит только охрана объектов, однако они берут на себя и другие функции: дают информацию, проверяют, правильно ли заполнены анкеты, — хотя в этой области они некомпетентны и могут ввести в заблуждение. Негативная оценка их действий отрицательно влияет на образ консульских учреждений. Хуже всего анкетируемые оценивают охранников на Украине.

В процессе оформления визы крайне важно собрать сведения обо всех необходимых процедурах. Большинство жителей Украины (более 50%) узнает о них от знакомых. Значительно меньшее число (31%) получает информацию в консульстве или ищет нужные сведения в печати. В Белоруссии и России главный источник информации о визах — консульства, и только потом — знакомые и печать. 89% опрошенных в один голос заявили, что самое главное место в консульстве — это доска объявлений. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы вывешиваемые на ней данные были свежими, полными, ясными, понятными даже малообразованным людям, а также чтобы они были написаны на родных языках потенциальных посетителей. Из-за толчеи, царящей в консульствах, доступ к доске объявлений часто бывает затруднен. Доски висят либо в здании консульства, либо снаружи, а лучше всего, если есть две — как в Калининграде, Минске, Луцке, Гродно, Одессе и Петербурге. Еще один источник информации для оформляющих визу — это работники консульств, чьей помощью посетители, как правило, бывают довольны. Хуже, если кто-нибудь пытается получить информацию по телефону: дозвониться бывает тяжело, а у работников нет времени на продолжительные разговоры. Консульство в Москве создало круглосуточный телефон, где диктор по-русски сообщает все необходимые сведения. Слабо используется в процессе информирования Интернет. Это объясняется как отсутствием доступа к Интернету у значительного числа желающих получить визу, так и не лучшим качеством сайтов самих консульств. В идеале на сайтах должны быть все необходимые данные — разумеется, свежие и понятные для каждого, — а также файл с анкетой, который можно было бы скачать. Выше всего авторы отчета оценили сайты консульств в Гродно и Москве.

В каждом консульстве должны быть общедоступные листовки с необходимой информацией, однако в период проведения опроса в некоторых консульствах их не было. Кроме того не всегда положительно оценивается доступность визовых анкет. В некоторых консульствах они лежат в специальных ящичках на улице или внутри здания, в других их раздают охранники, а в третьих за ними нужно стоять в очереди к окошку. По словам представителя МИДа Мацея Шиманского, там, где бывает особенно много народу, общедоступные анкеты пропадают, а потом их продают стоящим в очереди. Из-за этого приходится выдавать их в окошке в ограниченном количестве. Некоторые предприимчивые личности стоят за других в очереди, помогают в заполнении анкеты и транслитерации — само собой, не безвозмездно. Существуют также легальные фирмы, занимающиеся помощью в оформлении виз. Значительную трудность при заполнении анкет создает требование транслитерации, предъявляемое большинством консульств: данные должны быть вписаны в анкету латинскими буквами (в некоторых консульствах можно писать кириллицей). Во всех консульствах должны быть доступны образцы транслитерации, но анкетеры нашли их только в некоторых. Ничего удивительного, что многим людям требуется помощь при заполнении документов. По мнению авторов отчета, законодательных препятствий для предоставления документов на иностранном языке не существует, поэтому было бы лучше возложить обязанность транслитерации на работников консульства. Благодаря этому можно было бы избежать несоответствия данных в паспорте и визе, а также исключить платную помощь в заполнении анкет, увеличивающую стоимость визы.

Несмотря на все неудобства и недоработки, система выдачи виз в Белоруссии, России и на Украине была оценена весьма положительно. Самым эффективным было признано консульство в Луцке. Следующие места заняли консульства в Бресте, Москве и Киеве. Самые низкие оценки получило львовское консульство; несколько опережают его консульства в Калининграде и Гродно.

Авторы отчета подготовили список изменений, которые могли бы облегчить и усовершенствовать процесс выдачи виз. Прежде всего они обратили внимание на необходимость ликвидировать все ограничения в доступе к визовым анкетам, благодаря чему исчезнут очереди за ними. Хотя в основном работники консульств не вызывают упреков, они должны помнить об одинаковом отношении ко всем, независимо от цели поездки, образования и национальности (например, чеченцев и других лиц кавказской национальности — которые, как правило, добиваются статуса беженцев — проверяют значительно тщательней, чем других, чаще вызывают на собеседование с консулом и чаще отказывают им в визах). Кроме того, стоит ближе присмотреться к роли, которую играют охранники, и обеспечить им специальную подготовку, чтобы своим поведением и некомпетентностью они не ухудшали оценку работы консульств. Может быть, лучше всего было бы, если бы охранники были сотрудниками консульств, а не внешних фирм. Следующая тема — это доступ к информации. Здесь тоже можно сделать немало, чтобы ни у кого из желающих получить визу не возникло трудностей в ознакомлении с условиями ее оформления. Доски объявлений должны быть и снаружи, и внутри. Образцы заполнения анкет, информационные листовки и образцы транслитерации, которые можно было бы взять домой, должны быть общедоступны. Необходимо также создать телефонные линии с автоматической информацией (как в России). Оформляющих визы следует информировать, что получение кратко- или долгосрочной визы зависит от заявленной цели поездки. В настоящее время посетители не понимают, почему им не дают долгосрочные визы. Такие визы были бы полезны в приграничных районах, хотя там лучше всего было бы ввести безвизовый режим. У многих людей, которые просто собираются в ближайший магазин — хоть и находящийся за границей, — возникают проблемы с указанием в анкете цели поездки и ее предполагаемой длительности. И еще одна важная тема — инфраструктура. Хотя территория перед зданием консульства не принадлежит ему — за ее состояние отвечают местные власти, — следовало бы по мере возможности позаботиться о том, чтобы люди могли дожидаться своей очереди в лучших условиях (навесы) и имели доступ к туалету. Представитель МИДа Мацей Шиманский пообещал, что все содержащиеся в отчете рекомендации будут учтены и по мере возможности выполнены.

Ignacy Czwartos

Представители неправительственных организаций Белоруссии, Украины и России Леонид Калитеня, Александр Сушко и Денис Торхов положительно оценили как сам отчет, так и либеральную польскую визовую политику и работу консульств, в которых проводился опрос. В ходе дискуссии было сказано, что в этом отношении Польша может быть образцом для других стран Евросоюза. Были высказаны также сомнения, насколько достоверна столь лестная оценка польских консульств. Возникли подозрения, что человек, выходящий из консульства с полученной визой, так рад этому, что не хочет говорить ничего плохого, и потому, возможно, следовало бы задавать вопросы в другое время. Согласно другому предположению, чиновники старались работать как можно лучше, зная об анкетировании. А возможно, опрашиваемые считали анкетеров представителями консульств или властей, из-за чего воздерживались от негативных формулировок. Однако доктор Лешек Хаевский из Collegium Civitas заверил, что с точки зрения методики опрос был подготовлен безукоризненно.

Главный вопрос, которым задавались многие участники дискуссии, но на который пока невозможно дать ответ, заключался в том, наступят ли в польской визовой политике радикальные изменения после вхождения Польши в шенгенскую зону. Не обернется ли нынешняя либеральная политика политикой рестрикций? До какой степени можно будет продолжать руководствоваться прежними принципами? Что из нынешней системы можно будет сохранить в новых условиях? Можно ли использовать польские решения в области визовой политики в качестве образца для других стран ЕС? Удастся ли Польше вместе с другими странами Евросоюза создать режим, благоприятный для перемещения в приграничных районах? Не будут ли ограничены взаимные контакты между Польшей и ее восточными соседями? Не будут ли приезжие с Востока чувствовать себя европейцами второго сорта? «Станет ли граница мостом или стеной?» — вопрошал проф. Эдмунд Внук-Липинский. Появится ли на польской восточной границе новый «занавес» — на этот раз не железный, а бумажный? Подобным вопросам нет числа. Нам же остается радоваться, что, несмотря на введение визового режима, недостатка в желающих приехать в Польшу пока нет.

Ежи В. Борейша

НАУТРО ПОСЛЕ ВАЛЬПУРГИЕВОЙ НОЧИ

Одна из ведущих московских газет назвала вступление десяти новых государств в Европейский Союз «Вальпургиевой ночью». Напомним, что, по немецкой легенде, в ночь с 30 апреля на 1 мая на горе Брокен в Гарце происходит шабаш ведьм, который и принято называть Вальпургиевой ночью.

Св. Вальпургия, монахиня, в VIII веке помогала св. Бонифацию обращать Германию в христианство. Польшу в 2004 г. не нужно было обращать ни в христианство, ни в веру принадлежности к Европе. Она была частью Европы с незапамятных времен, что не означает, будто Европа и Евросоюз — это одно и то же. Однако в течение последних столетий — XVIII-го, XIX-го, XX-го — владычество сначала царской, а затем советской империи над Польшей было одним из существенных критериев принадлежности этой империи к Европе.

Мост Понятовского и железнодорожный мост, построенные в Варшаве перед I Мировой войной французской компанией «Сосьете де Батиньоль», должны были обеспечивать оперативную переброску русской армии на территорию Германии и тем самым способствовать скорейшему ее соединению с французскими союзниками. Однако они пригодились в прямо противоположных целях — для эвакуации русских воинских частей, заводов, учебных заведений, тысяч поляков из столицы Привислянского края в Россию во время немецкого наступления в 1915 году. Многое и многие уже никогда не вернулись обратно из эвакуации. Сегодня мосты через Вислу и Буг соединяют разные части Европы.

Поток информации в газетах, комитеты, общества, исследовательские центры, конкурсы для школьников и студентов, факультеты европеистики, факультеты международных отношений, ориентированные на Запад, — все это создает широкий фасад нашего европеизма. Однако у огромных возможностей, которые дает нам принадлежность к Евросоюзу, есть и оборотная сторона: не отдалит ли нас еще больше от России, Украины и Белоруссии укрепленная северная и восточная граница?

По примеру бесчисленных польских конкурсов на темы Евросоюза я охотно организовал бы еще один: «Зачем нам Россия, Украина и Белоруссия? Зачем мы России?»

Польша в сегодняшнем российском политическом и экономическом мышлении по разным причинам (и мы сами тут не без вины) играет весьма второстепенную роль. Вопреки ушедшим в прошлое мечтам о Польше как мосте между Восточной и Западной Европой, Москва в нас не слишком нуждается. Для нее прямые контакты с Лондоном, Берлином, Парижем, Римом и Брюсселем гораздо важнее, чем с нами. Там, а не на линии Москва—Варшава, решаются жизненно важные проблемы сосуществования, сотрудничества и взаимодействия в Европе. Наша роль будет определяться прежде всего экономическим потенциалом и привлекательностью наших товаров и услуг в Восточной Европе. В некоторой степени — и накапливаемым опытом и профессионализмом нашей дипломатии.

Что нас разделяет?

Наши народы разделены четырьмя веками сражений, войн, оккупаций. Поляки дважды на короткое время занимали Кремль. Российская империя и СССР почти два столетия оккупировали Польшу и правили ею. Счет неравный.

Известный русский поэт А.К.Толстой в 1868 г. так вспоминал Смутное время начала XVII века:

Поляки и казаки,
Казаки и поляки,
Нас паки бьют и паки,
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.

И хотя Виктор Гомулицкий (1848-1919) немногим позже, призывая к примирению русских и поляков, писал: «Давление всеобщего намордника / Стоило подлостей Самозванца» (перевод дословный), — Польша, подвергавшаяся русификации тогда уже более столетия, не соглашалась на такой перерасчет.

Символы, стереотипы, счеты взаимных обид. Нет сомнения, счет польских обид за два последних столетия несравненно больше. А та ложь и чепуха на тему Катыни, какую в 2003-2004 гг. отдельные авторы печатали в России массовыми тиражами, в современной Польше, пожалуй, не имеет аналогий. Однако в нашем мире, все более ускоряющемся и отрывающемся от своего прошлого, невозможно построить что бы то ни было, непрестанно оглядываясь назад. И потому, не вникая в историю символов, стереотипов и исторических перипетий, попытаемся сжато ответить на вопрос: «Что нас объединяет?»

Что нас объединяет?

Границу Польши с Украиной, Белоруссией и Россией пересекают в поисках работы сотни тысяч людей. Близость, взаимодополняемость, а может, и некие традиции заставляют нас развивать экономическое сотрудничество в крупном и малом масштабе. Семейными и родственными узами соединены не сотни тысяч, а миллионы поляков и русских. Сколько поляков ведут происхождение от украинцев, белорусов, русских? И то же самое — наоборот? И неважно, сознают они это или нет. Брежнев в подходящих случаях любил поговорить о бабушке-польке. Отец Надежды Крупской родом был из обедневшей польской шляхты. Может быть, неслучайно выросшая на западной окраине Российской империи Крупская перед самой смертью (в 1938 г.) в письме Сталину протестовала против насильственного введения кириллицы и обучения на русском языке с первого класса национальных школ (Сталин, разумеется, не обратил на это письмо никакого внимания).

Хотим мы того или нет, но Бенедикт (Венедикт Иванович) Дыбовский (1833-1930), профессор Варшавского главного училища, сосланный по делу Ромуальда Траугутта в Восточную Сибирь, а потом уже добровольно занявшийся врачебной практикой на Камчатке, стал одним из самых знаменитых исследователей Сибири и Дальнего Востока. Ни одна серьезная советская или российская энциклопедия не обходится без статьи о нем. В 1883 г. он вернулся из ссылки, стал профессором Львовского университета и членом краковской Академии наук, а в 1928 г. престарелого ученого избрали иностранным членом АН СССР. В почестях, на которые не скупились ни Россия, ни СССР, из поляков с ним мог бы конкурировать лишь знаменитый ученый и изобретатель, специалист по аэродинамике, сын польского ссыльного Константин Эдуардович Циолковский (1875-1935).

В царские времена десятки тысяч поляков оказались в Сибири не по своей воле. Как писал Мицкевич о Польше своего времени: «Ее история в Сибири, в казематах и тюрьмах». В XIX веке такие люди, как Черский, Чекановский, Деспот-Зенович, Дыбовский, Годлевский, Пилсудский, Серошевский, будучи учителями, учеными, врачами, чиновниками царской службы, так глубоко вписали свои имена в историю Сибири, что ее без них не напишешь. В СССР с 30-х гг. поляков сотнями тысяч сажали, ссылали, высылали. После укрепления власти Сталина стали смотреть косо на изучение роли поляков в Сибири в царские времена, ставить ему препятствия. Еще в 60-е гг. ныне покойному Генрику Скоку, автору книги о восстании поляков в Забайкалье в 1866 г., и мне отказали в доступе в сибирские архивы. Сегодня, в изменившихся условиях, благодаря целой плеяде русских и польских ученых — начиная с Виктории Сливовской и Антония Кучинского — широко восстанавливается история поляков от Камчатки и Байкала до Казани, Санкт-Петербурга и Москвы. Это прекрасно выразил профессор Кучинский, говоря о затаившемся, укрытом в Сибири польском духе, который начинает оживать.

По понятиям наших предков Польшу составляла триада: родина — эмиграция — Сибирь. Добавим: и Россия. В Россию не только ссылали. Тысячи Домбровских, Ковальских, Левинских отправлялись туда на хорошие заработки («был я в Варшаве обычный глупец, а нынче в Москве я *ухарь-купец*» [по-русски в тексте цитаты]), ехали строить железные дороги, мосты в Петербурге (Станислав Кербедзь), на Кавказе (его племянник). Сотни профессоров преподавали в высших учебных заведениях России, несколько из них, к примеру, были ректорами Казанского университета. Дети ссыльных ассимилировались в тех местах, куда сослали их родителей. Друг Мицкевича Юзеф Ковалевский, сосланный в 1824 г. в Казань за принадлежность к виленским филоматам и филаретам, стал создателем русского монголо-

ведения, с 1855 г. был ректором университета, после 1860-го вернулся в Варшаву. Его сын Николай, профессор-медик, до конца жизни остался в Казани, в 1880-1882 г. тоже был там ректором университета. Тысячи писем, рукописей, дневников, альбомов, рисунков, изображений ссыльных, насильственно переселенных, ассимилированных поляков лежат в библиотеках и архивах от Одессы до Петрозаводска. В прошлом году в РГАЛИ я просматривал некоторые рукописи, для сохранения делая ксерокопии. Там хранятся вещи, оставшиеся от польских офицеров наполеоновской армии и эскизы торунских архитекторов. Не знаю, можно ли писать о знаменитом скрипаче Аполлинарии Контском, ученике Паганини, или о живописи Генрика Семирадского, не обращаясь к их переписке, рассеянной по всей России. Современный поляк редко сознаёт, как старательно изучали русскую литературу Прус или Сенкевич, насколько повсеместно читали Сенкевича в дореволюционной России.

История польской культуры будет неполной без знания ее документов и шедевров, находящихся к востоку от Польши, без указаний на польско-русские культурные связи. Польско-русские культурные и языковые связи, естественные, стихийные или насильственно навязанные, несравненно сильнее и глубже, чем наши связи с кем угодно из наших западных или южных соседей.

История поляков в царской армии едва-едва известна. Поляки занимали, например, три или четыре важнейших генеральских поста в огромной армии, победившей в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Это была война под лозунгами освобождения южных славян. Польских офицеров сознательно посылали воевать вдали от родной земли. Однако многим из них слова о славянской общности не были чужды.

Польша, расположенная в центре Европы, неизбежно оказывается в положении Святовида*, глядящего во все стороны. Невозможно отмежеваться от очень глубоких корней, связывающих нас с Украиной, Белоруссией и Россией. Сорокамиллионная Польша способна создать в Москве или Петербурге Польский исторический институт — хотя бы по образцу Немецкого института в Варшаве, на который из бюджета ФРГ идут миллионы евро (добавим, что за несколько десятков лет Германия учредила целую сеть таких институтов во всем мире). А здесь речь идет пока об одном-единственном — там, где больше всего материала для восстановления, сохранения и изучения истории польского народа. Эрзац в виде одного-двух польских профессоров, работающих в столицах наших соседей, — в сравнении с деятельностью немцев всего лишь любительское рукоделие.

* * *

А теперь я выразил бы пожелание, чтобы в Варшаве, где есть улицы Франческо Нулло и Джузеппе Гарибальди, прежде чем мы будем отмечать 150-летие восстания 1863 г., нашлось место улице Александра Герцена, русского мыслителя, врага царей, политэмигранта, который, став на сторону восстания, бросил на весы весь свой авторитет; его сторонники, русские и украинцы, участвовали не только в повстанческих боях, но и в заговорах до начала восстания. За свою защиту январского восстания полонофил Герцен заплатил потерей популярности на родине. Будучи автором самого обширного труда о Гарибальди и поляках, могу заверить, что этот русский сделал для польского восстания еще больше, чем тот итальянец. Так будем же заглядывать далеко вперед и преисполнимся политической смелости не только в мыслях, но и в деятельности на благо наших связей с европейским Востоком.

Ежи В. Борейша *— историк и публицист, заведующий отделом тоталитарных систем и истории II Мировой войны в Институте истории ПАН. Последняя книга — «Школа ненависти» (Вроцлав, «Оссолинеум», 2000).*

gazeta wyborcza

* Святовид, Святовит, Свентовит или Свантевит — западнославянский языческий бог с четырьмя лицами, обращенными на четыре стороны света. — *Пер.*

Олег Закиров

СВИДЕТЕЛИ ЭПОХИ

Из частных записок

Разбирая свои записки из частного расследования за 1989 и 1990 годы, я специально выбрал сведения о репрессиях в отношении польских граждан и тех, кто указывал в анкетах: национальность — поляк.

Этим мне хочется показать, в какую, мягко выражаясь, «атмосферу» попали (чуть позже — в 1939 г.) пленные польские офицеры, что происходило в стране, которая взяла их в плен.

Все нижеприведенное мне стало известно в процессе работы в архиве КГБ Смоленской области. После заявления генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева о дальнейшем пересмотре дел репрессированных, я, занимаясь пересмотром, работал с архивными документами. Помню, как меня просто поразил масштаб репрессий. Я практически впервые столкнулся с реальной правдой, во мне все перевернулось за первую же неделю работы в архиве, я стал другим человеком. Я увидел реальнее обличье коммунистической империи. Хоть, правду сказать, я и раньше что-то читал на эту тему, что-то слушал по «Голосу Америки» и т.д. Но все это ничто, пока сам не столкнешься с лавиной архивных уголовных дел на незаконно репрессированных. Сразу развеиваются все мифы: что-де расстреливали в основном наркомов и крупных начальников, что «добрый» Сталин ничего не знал, а всё это Ежовы и Берии творили, и т.п. Сапожник артели «Труд» П.К.Поплевако, 1908 г.р. (арх. дело №83*), был осужден как польский шпион, поскольку имел знакомых польской национальности. Государство рабочих и крестьян не знало пощады ни к рабочим, ни к крестьянам, ни тем более к интеллигенции и служащим. Если приглядеться к национальному составу репрессированных, то здесь полный беспредел: латыши, поляки, литовцы, белорусы, русские, украинцы... мне даже попалось одно дело на китайца, кончившего свой жизненный путь в подвале НКВД.

Из архивных дел было ясно, что по полякам проводилась активная репрессивная политика. Встречаются ссылки энкаведистов на руководящий документ из Москвы — «Об изъятии польского националистического элемента». В жестокой реальности это было чаще всего буквальным изъятием невинного человека из жизни — расстрел по решению тройки НКВД.

Пересмотрев несколько дел, я шел в подвал за новыми пыльными делами (это был тот самый подвал, где производились расстрелы, в том числе и польских офицеров из Козельского лагеря).

Мертвые архивные дела и люди, по ним уничтоженные, — заговорили, закричали, прося нас, живых, о правде и выходе из забвения. Несмотря на спешку и риск, я стал делать выписки из дел. Вот они:

Архивное дело на Данилевича Станислава Петровича, 1908 г.р., из крестьян-бедняков, поляк, из Минской области, Плешенецкий район, по ст. 58-6 УК (шпионаж) приговорен к ВМН — расстрелян. Вместе с ним осуждены 11 человек.

Архивное дело №457-с на Тубе Е.С., 1905 г.р, беспартийная, из г. Смоленска, русская, приговорена как «жена польского шпиона» к расстрелу (ст. 58-12).

Архивное дело №10146 на Урбанчука Я.И., поляка, б/п, из г. Дорогобужа Смоленской области, по ст. 58-6-10 осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей за то, что говорил знакомым: «При советском режиме жить стало хуже, чем при царе, власть забыла народ, не дает ни товаров, ни жизни... народу от их басен живется только хуже», только льют «из пустого в порожнее».

Архивное дело №11978 на Козловского А.Б., поляка, б/п, гражданина СССР, по ст. 58-10 ч.1 осужден на 8 лет ИТЛ. Вся его вина в том, что сказал: «Выборы — это обман. Некого зачеркивать — выставили одну кандидатуру... нас дураков обводят вокруг пальца», «колхозы идут к провалу. Колхозники по трудодням ничего не получают, сидят голодные», «при советской власти плохо жить и люди голодают», «единоличное ведение хозяйства было лучше... В Польше лучше...»

Архивное дело №10127, Кольчевский Сигизмунд Григорьевич, 1902 г.р., поляк, б/п, приговорен к расстрелу по ст. 58-6 13 октября 1938 года.

Архивное дело №10915, Мушинский С.В., 1915 г. р., поляк, б/п, работал продавцом в Гагаринском районе Смоленской области, осужден по ст. 58-10 ч.1 на 5 лет ИТЛ только за то, что сказал: «Коммунисты расстреливают хороших людей».

Следствие по его делу вел мл. лейтенант НКВД Белов, о котором известно, что он при допросах применял пытки, в том числе «китайскую» — каплями воды на голову допрашиваемого. Подобных дел было много, у меня есть еще выписки, но, надеюсь, Институт национальной памяти наконец заинтересуется этими материалами. Тут хотел бы еще добавить на тему противоположную — о гражданах СССР, бывших в польском плену. Хорошо, что

* Номера указаны старые, так как в 1990 г. была произведена перенумерация.

Россия наконец вспомнила о погибших за пределами страны. Это по-человечески можно только приветствовать, но для полной объективности историк должен знать, что стало с теми, кто вернулся из польского плена на Родину и дожил до 1937 года. Вот несколько примеров:

Архивное дело №12017 на Курашева Ф.Е., 1892 г.р., русского, рабочего кожевенного завода города Вязьмы Смоленской области, осужденного как польский шпион (за то, что был в плену в Польше) на 10 лет ИТЛ, по ст. 58-6-10.

Архивное дело №11982 на Козлова К.А., русского, б/п, колхозника, осужденного как польский шпион на 10 лет ИТЛ (ст. 58-6-10). Был в польском плену, в окружении говорил, что «в Польше, в плену жил лучше», про жизнь в колхозе говорил: «Все берут с нас, а нам ничего»...

Архивное дело №11898 на Журавлева И.И., 1893 г.р., кандидат в члены ВКП(б), русский, из г. Ярцево, главный бухгалтер, осужден по ст. 58-6 как польский шпион (якобы был завербован в польском плену), 19 октября 1938 г. расстрелян.

И подобных дел множество. Вот как «любимое» советское государство «переживало» за тех, кто был в плену. Естественно, во всех вышеуказанных делах совершенно нет доказательств никакой преступной деятельности вообще. В одном деле даже не было протокола допроса.

Какая же обстановка царила в самих органах НКВД на местах (в областных и районных органах)? Это можно представить по некоторым документам, которые мне попадались в архивных уголовных делах на самих энкаведистов. При смене Ежова на Берию было уничтожено немало сотрудников НКВД, близких к Ежову, за перегибы в репрессиях: видимо, Сталин испугался, что скоро в стране некого будет расстреливать при таких «ударных» ежовских темпах истребления граждан.

Помню, когда в 1978 г. я был в Ленинграде, то мне один из сотрудников Ленинградского УКГБ рассказал, что в 1939 г. руководящий состав Ленинградского НКВД вывели во внутренний двор и расстреляли из пулемета, без разбирательств. Таким образом Сталин обновлял чекистские кадры, заодно решая вопрос о вине за перегибы — взваливая ее на очередного «козла отпущения».

Вот что говорилось в справке по архивно-следственному делу №12 611: «...в дорожно-транспортном отделе НКВД по Западной железной дороге и ее периферийных органах в 1937-1938 годах производились необоснованные аресты по материалам аттестационных комиссий служб дороги и вообще без наличия компрометирующих материалов. Извращенные методы допроса, избиения, сажание на специально изготовленный высокий круглый стул — на кончик и на ножку табуретки. Фальсифицировали протоколы допросов, искажали национальность арестованных. Двое арестованных были убиты на допросе. В ДТО НКВД по станции Орша, например, арестованных помещали в специальную камеру-"салотопку"**. В результате арестованные давали на себя вымышленные показания и оговаривали других лиц. Заместитель начальника ДТО НКВД Жуков требовал от линейных ДТО производства большого количества арестов, сам учил сотрудников извращенным методам допроса (...) следователи допускали подлоги, указывая вместо белорус, русский другие национальности — поляк, литовец, латыш». Значит, быть поляком в то время уже было преступлением! Читаем далее: «Материалы для ареста фальсифицировались. Произведенные таким образом внесудебные дела направлялись на внесудебное рассмотрение», «...стали арестовывать по спискам предприятий (...) давали установку на проведение групповых дел (...) создали фиктивную организацию "ПОВ" (о том 13 лист дела 63)». Из показаний сотрудника НКВД станции Витебск Маркелова: «...на совещании Жуков нам давал лимит на 50 человек (на неделю) и предлагал арестовывать граждан по спискам с предприятий...» Говоря нормальным языком, ни за что людей сажали, а потом придумывали статью. Далее читаем: «В июне-июле 1938 года достаточно было анонимного заявления или донесения агента о том, что человек имеет национальность — поляк, религиозный деятель, восхваляет жизнь в Польше, как сразу писались справки на арест этого лица». В этом же деле указано, что Г.С.Жуков пользовался особым доверием Берии и дослужился до звания генерал-лейтенанта. После краха Берии Жуков был лишен звания, уволен из КГБ, проводилось следствие против него... (след его простыл).

Людей польской национальности уничтожали такими темпами, что их уже трудно было найти, поэтому в поляков превращали людей других национальностей — русских, евреев, белорусов и т. д. Из показаний сержанта госбезопасности с двухклассным образованием Осипова Андрея Осиповича, 1902 г.р. (арх. дело №22 104), занимавшего должность заместителя начальника отделения особого отдела НКВД Ленинградского военного округа: «..Авдеев превращал евреев в поляков...» — это из его показаний на своего начальника о фальсификациях и незаконных методах следствия. Далее читаем: «...руководство заставляло оформлять дела на душевнобольных (...) я эти приказы считал преступными...» Здесь сразу вспоминается фашистская тактика по уничтожению психически больных. Вот она, параллель между гестапо и НКВД. В этом деле я нашел ссылки на совершенно секретный приказ, который давал широкие возможности для произвола, — приказ НКВД СССР №00485 «Об упрощенном производстве дел».

Вышеизложенное я описал, чтобы показать на примере Смоленского НКВД — а именно оно оперативно руководило расстрелами польских военнопленных, — в обстановку какого беспредела попали польские граждане.

В следующей статье я намерен перейти к своим запискам по частному расследованию катынского преступления.

** Камера с высокой температурой — как в сауне.

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ НА ВОСТОК

Беседа с путешественником и фотографом Тадеушем Столяжевским

— Кем вы себя чувствуете — путешественником, фотографом или журналистом?

— Журналистом я никогда не был, хотя восемь лет был секретарем редакции в патентном журнале. Путешественником я стал не так давно, мне всего 60 лет. Пожалуй, публицистом: я написал несколько книг.

— Когда вы обнаружили в себе эту любознательность к миру и людям, потребность путешествовать?

— Когда мне было лет шесть. Родители всегда рассказывают маленьким детям байки насчет того, что в лесах живут медведи, слоны и т.п., и я подумал: надо это проверить. Лес был недалеко — в 1580 метрах, и мне оставалось пройти 50 метров и войти в лес, как меня обнаружила эта вредная собачонка Марс и догнали родители. Из этого я извлек урок: перед каждым путешествием надо хорошо подготовиться. Так и началось. А потом я странствовал по Европе, изъездил ее вдоль и поперек. По суше и по морю. Я был инструктором хождения под парусами и моряком-рулевым. Много лет плавал на яхтах. Теперь под парусами я уже не хожу. У меня самый лучший в мире автомобиль — «Газик», и я путешествую на нем десять лет. С 1997 г. я в одиночку отправляюсь в длительные экспедиции — женщин с собой не беру: жена запретила.

— Вы совершаете рейды в одиночку. Так вы сами выбрали?

— Много раз я хотел поехать с кем-нибудь, и всегда много охотников, а потом я остаюсь один. Теперь меня это не волнует: путешествую один.

— А когда было легче путешествовать: теперь или раньше?

— Во времена ПНР было решительно легче, сейчас — очень трудно. Тогда я хотел познать мир, континенты, моря, ходить под парусами, одолевать всё новые ступеньки — я был в своем деле хорош, и меня охотно брали с собой. Оснащение мы получали в клубе, платили только за еду, у меня было 10 долларов в кармане, и я проехал с ними пол-Европы. Был в Бельгии, Голландии, забыл взять с яхты «Полония» паспорт и с одним только профсоюзным билетом путешествовал по этим странам. Дочерям было по три года, когда я посадил их в «Трабант» и мы поехали вокруг Европы. В 1979 г. я взял 150 долларов и поехал на два месяца в Непал. И пришел к выводу, что если человек что-нибудь хочет сделать в жизни, то надо обладать знаниями, логикой, разумом, рассудком и в конце концов любить то, что хочешь делать.

— «Из далеких краев мы должны возвращаться домой, пережив победу над опасностями, с новыми свойствами и умениями...» — это цитата из литературы. А с чем вы возвращаетесь кроме фотографий и материала на следующую книгу? Что дают вам эти путешествия?

— Как это объяснить? Наступает июнь, беру машину, сажусь и попросту еду то в Хабаровск, то на Украину, как в этом году. Ничего особенного. Беру только немного денег да кое-что из еды, а я не слишком прихотливый — ем не крабы, а кровяную колбасу.

— А места, в которых вы бываете, обладают для вас особым значением — или же это дело случая?

— Первые годы я путешествовал ради удовольствия, позже решил, что надо документировать мои путешествия. Начал ездить на Восток, так как я увлечен азиатской культурой. Меня интересуют святые места всех религий: монастыри, храмы, часовни, святая гора, святая река. То есть, во-первых, святые места, во-вторых, места мартирологии. Я поляк — значит, места мартирологии поляков. Знаете ли вы, как прекрасна Сибирь? Нет другого такого места в мире. Я столько раз путешествовал по Сибири, и меня не убили, ни разу не побили и не обокрали.

— Говорят, вы добираетесь в места, для других недоступные?

— Часто я добираюсь до мест неизвестных, но и до известных тоже. Был в Осташкове, где сидели в лагере 6300 судей, полицейских и чиновников Второй Речи Посполитой, которых в 1940 г. расстреляло НКВД, — все это знают. Перед тем как ехать, я прочитал все что смог на эту тему. Я хотел сам увидеть этот лагерь. На озере Селигер находится остров Столбный, это один из трех лагерей, самый крупный. Прекрасное озеро, остров, постройки. Я пренебрег полным запретом въезда и въехал туда на машине. Там, конечно, ворота — те же самые, и те же самые здания. Меня остановил сторож, я поставил «Газик», и он начал меня водить как экскурсовод. Теперь там православный монастырь, восстановленный, вернули весь этот комплекс. Я разговаривал с этим сторожем, который играл в экскурсовода, вечером спросил, могу ли переночевать в машине. А он повел меня за ворота, в сторожевую будку, и я спал в кровати энкаведистов: постельное белье было уже нашего времени, но кровать и вся мебель — все как было. Я достал пол-литра хорошей водки, мы выпили. Наутро, видя, что я свой парень, он дал мне чернильницу энкаведистов 1940 года — оригинал. Эту чернильницу я передал в наш Музей полиции — мне, разумеется, выдали письменную благодарность. От этого сторожа я много узнал интересного, чего не знал раньше. Вокруг живет немало бывших энкаведистов и свидетелей тех событий. Через этот лагерь прошло сто тысяч человек, в том числе 30 тысяч поляков, из которых расстреляли 6300. Если столько лет такое множество мужиков там сидело, то что они делали? Сторож сказал мне, что там был подземный завод — под озером, на глубине нескольких сот метров.

Видите, сколько существует интересных вещей, но надо потрудиться. Если поедет, прошу прощения за такое слово, глупый журналистишка и представится как корреспондент газеты, то как с ним будут разговаривать? Я обычный путешественник, свой парень, никому не мешаю.

— Расскажите, пожалуйста, о поездке в Индию.

— В Индию я поехал с рюкзаком и 150 долларами — это было перед самым вторжением советских войск в Афганистан. Взял приятеля и приятельницу, которая потом вышла за него замуж. Все трое мы работали в Промышленном институте электроники, одном из лучших польских институтов, я там заведовал патентами. Путешествовали, ехали автостопом и чем придется. Через Советский Союз, Кавказ, Баку, потом на корабле, на пароме «Гурьев», дальше через Иран, Афганистан, Пакистан, Индию и Непал. Там мы расстались. На обратном пути я приехал в Афганистан, но как-то все было странно, автобусы не ходили. Я добрался до Мазари-Шарифа (это один из самых крупных городов), а из Мазари-Шарифа до границы — ничего, только советские машины кружат. Я два месяца не читал газет, не слушал радио, не знал, что творится. А за это время Советский Союз без моего ведома и согласия объявил войну Афганистану. Гляжу, а тут стотысячная армия стоит на границе. Возвращаясь из Непала, я был один-одинешенек со своим рюкзаком, так что мог быть только шпионом. Пять часов я считался шпионом. Сначала меня допрашивал чином поменьше, потом передал начальнику (вроде бы полковнику), ну а тот смотрит на меня и не особо знает, что со мной делать. Позвонил своему начальнику и докладывает. Самые мягкие слова были: *ё... твою мать* (курсивом здесь и далее — по-русски в тексте. — *Пер.*). А я валяю дурака и делаю вид, что не понимаю этой смеси русского и таджикского, а он меня так характеризует: «Ну вот, значит, задержали этого старикашку, такая немощь, морда полудурка, шпион из него как из козьей ж... труба». В конце концов сказали: «Катись на ...!» — и отпустили меня, и так кончилось это приключение.

Это только эпизод, зато какой красивый Непал! Теперь, чтобы туда добраться, нужно целую казну иметь, я со своей пенсией уже не поеду. Вам бы только раз в жизни увидеть храм Свая-Намба в Катманду: представьте себе храм, который существует три тысячи лет в неизменном виде, там не было войн, не было революций, восстаний — ничего. Там были Гималаи и шерпы — дом, который построили 500 лет назад, так там и стоит. Так выглядит Непал. Индия какая увлекательная — там у меня было много приключений. Как вы думаете, где самые красивые скульптуры? Наверное не в Англии и не в США. В Индии есть место, которое называется Каджурао, и вот там, в самом центре Индии, между 800 и 1000 годом жило племя чанделов. Там тепло, полно еды, дичи. По неизвестным мне причинам это племя начало заниматься скульптурой. Были воздвигнуты около 80 индуистских храмов, ни в одном из них нет ни сантиметра свободного пространства: все покрыто скульптурами, барельефами. Интерьеры — истинное чудо. Из этих храмов многие обнаружены недавно, лет 50 назад, а скульптуры изображают обычную жизнь, состоящую из охоты, войны и любви. Это город, где около двух тысяч жителей. Я сел за столик в кафе, ко мне подсел врач с помощником, который перед тем шел за ним в двух шагах позади и нес его портфель; и вот врач сел (а помощник стоял) и спрашивает меня, из какого я племени. Ну такой-сякой, я бы ему по морде врезал, но Польша не вела войны с Индией, так и я не буду затевать, только думаю себе: «Ах ты, муравьед, этот мой народ — 40 миллионов человек». Он дальше продолжает: «А есть в твоем племени какие-то высшие училища?» Я называю пять медицинских институтов, а он продолжает: «Вот видишь, варвар, пять, а у нас в стране — 102 медицинских академии по европейской системе и столько же — по индийской». И наконец: «А памятники архитектуры у вас есть?» Я говорю: «Ну, конечно, у нас прекрасный Краков, построенный в VIII веке», а он опять: «Ты,

варвар, у нас если памятнику нет трех-пяти тысяч лет, то он и не памятник». Добил меня полностью. Еще спросил про кино, снимают ли у нас фильмы. Больше 15-ти в год в Польше, пожалуй, никогда не производили, ну я сказал, что 20, чтобы похвалиться, а он говорит: «Ты, варвар, теперь, пожалуй, и сам поверишь, что ты дикарь, потому что в Индии выпускают больше кинокартин, чем во всем мире». Вот это про Индию.

Теперь расскажу о моей одиночной экспедиции в Хабаровск, в далекую Сибирь. Там было шесть ангелов, шесть чудес случилось, такие чудеса, которые не случаются в Западной Европе или в ковбойской Америке. Доехал до Екатеринбурга, там пошел в костел св. Анны. Ксендз был поляк, я познакомился с пани Чеславой Петрушко. Эта пожилая дама — писательница, поэтесса и переводчица с польского на русский и с русского на польский. Она была моим экскурсоводом, мы поехали за 200 километров от города, и она показала мне поселок Озерный. Там находились около 800 человек, высланных с восточных территорий Польши, занимались лесоповалом. Работали, была создана школа, жили в бараках, которые уже не существуют. Благодаря пани Петрушко мы встретились с геологом, который жил в тех местах и проводил изыскания. Среди этих поляков была высокая смертность, никаких причин для этого не было, и только после войны, много лет спустя, открыли на этой территории залежи урановой руды, и вопрос разъяснился.

Перед Екатеринбургом на Сибирском тракте гляжу: придорожный ресторан. Думаю: надо заглянуть. И зашел съесть супа. Подсел ко мне хозяин — оказалось, что у него два диплома, два факультета окончил. Сокровищница знаний о культуре. Он мне и сказал: «Тадеуш, тебе надо поехать в Верхотурье. Надо ехать вдоль Урала на север, там самый красивый в Сибири православный монастырь». Добрался, разумеется, и фотографировал монастырь. Красивый-красивый. Когда-то там был каторжный лагерь.

Потом еду дальше. Тюмень, Омск, Новосибирск — там я встретил много поляков, был в монастыре у францисканцев. Поляк, настоятель этого монастыря, попросил Владимира Загурнина, симпатичного русского (это и был ангел, представьте себе), он два дня провел с моей машиной, устраняя все неполадки после того, как я проехал 8 тысяч километров, и не взял с меня ни копейки. Ну разве не ангел?

Рядом с этим монастырем есть маленький костел. В 80-е годы там был настоятелем поляк, выстроил костел, но за то, что строил нелегально, его на пять лет посадили. А костел стоит как стоял.

Едем дальше. Красноярск, опять монастырь — кларетинов. Я искал польские следы, там есть католический костел, но в нем зал филармонии, взамен будет костел в другом месте. В этом монастыре — следующий ангел, Иван, монастырский водитель. Дорвался до моего «Газика», искал неполадки, поисправлял что мог и дал мне ручную *лебедку*. Едем дальше. Байкальск — южный угол озера Байкал. Там я познакомился с Володей — интересный человек. Ездит во Владивосток и перегоняет машины. И снова мне всё чинят, а чтоб заплатить хоть рубль — ни в коем случае.

Видите, сколько ангелов. Мир прекрасен. Теперь я буду ездить по Украине, еду по приглашению знакомого ксендза из Киева. Собираюсь объехать Украину и Молдавию. 350 долларов у меня есть, сегодня получил от спонсора еще 150 — может, хватит. Я уже был на Украине, уже была моя выставка «Впечатления с Украины», а там есть что фотографировать — славный Почаев, Почаевская лавра, Киевская лавра, Чертков, Летичев. Мне еще много чего надо сфотографировать — может, опять встречу ангелов, которые помогут. Так же, как в Сибири в 2000 г. тоже был один ангел — капиталист! Оказывается, бывают капиталисты-ангелы. Этот был поляк, зовут его Анджей Едлинский, и он меня спас в Сибири, когда моя машина отказала и надо было ремонтировать, а запчасти дороги. Позвонил ему на мобильник, а он был в Швеции — и в течение часа прислал мне 800 долларов. Ну разве не ангел? Вам как бабе расскажу о сибирячках. Еду уже далеко за Читой, целую неделю только тайга, пыль, устал, и вдруг — «Cafe». Я прямо закричал — думал, мираж, но подъезжаю, а это бараковоз, а в нем кофейня, а перед ней — три сибирячки. Ну думаю, надо завести разговор, и говорю: «Многоуважаемые пани, неделю еду, деревень нет, городов нет, и знаю, что тут живут тигры, медведи, сибирские волки, и ни один меня не съел», — а эти сибирячки так на меня посмотрели и говорят: «Ты, поляк! Медведи, тигры и сибирские волки любят вкусненькое, на такое старье, как ты, не позарятся». Как я радовался! Такова она, настоящая Сибирь.

— Возвращаетесь ли вы иногда в те места и к тем, людям, которых повидали?

— Стараюсь, но не всегда выходит. В Европу не возвращаюсь. Это варварские страны, в которых я побывал, и уже не хочу туда возвращаться. Они не знают высших ценностей, только деньги считают. Вот уже тридцать лет мечтаю вернуться в Непал. Должен был ехать в Китай и Вьетнам, но на такое путешествие нужно 3000 долларов, а для меня это целое состояние.

— Афганистан, Индия, Непал, поездка через всю Сибирь — какое из путешествий было для вас важнейшим?

— Важнейшее — то, которое будет. Все были увлекательные, а если и были какие-то неприятные моменты, то теперь вот сижу удобно в кресле...

Беседу вела ***Сильвия Кшемяновская***

Предыдущий текст Тадеуша Столяжевского см. «Новая Польша», 2000, №4.

Томаш Лубенский

Перевод Натальи Горбаневской

ВСЁ В СЕМЬЕ

Отрывки из книги воспоминаний

Романтическая, то есть самая интересная, польская история и поэзия всегда была обращена к России, что означает — против России, либо же так или иначе с угнетательницей-Россией была связана. Искушал также нелегкий, однако — вопреки всему — никогда не исключенный шанс братства. Да только в главной польской традиции Россия была братской в Каиновом понимании. Панславянская идеология, служившая империи орудием пропаганды, совершенно не увлекала польские умы, за исключением, может быть, Мицкевича с Товянским. И должен был появляться — хотя бы для контраста, самой своей исключительностью подтверждая заурядный, живущий в памяти вражий портрет захватчика, — великодушный русский, благородный русский. Нежданные, а значит, особенно дорогие, ибо малочисленные, «русские друзья». Согласно легенде, красивой, но чисто идейной, так как ни до какого конкретного политического взаимопонимания дойти не могло, — декабристы. А в литературе — в частности майор Рыков у Мицкевича и майор из драмы «Фантазий» — правда, черкес, но офицер русской армии. Наконец, великий князь Константин, привлекательный исторически и лирически — Словацкий, а потом Выспянский истолковали брак дикого царевича с прекрасной полькой как довольно буквальный символ обреченного на конфликт союза Польши и России.

Независимо от патриотических традиций я, как и все мое поколение, подвергался элементарным мерам русификации в ее советском варианте. Царская русификация выставляла себя на смех такими идеями, как обучение польской грамматике по-русски или строгое требование русского языка в судах от людей, которые знали его в карикатурной степени. Подобно этому поступала и советская русификация с научно-техническими открытиями, от паровоза до электрической лампочки, которые, как нас учили, совершались по преимуществу на Урале — и раньше чем где бы то ни было в мире. Эти гении науки и техники, чаще всего самоучки, с классовой точки зрения были в полном порядке: обычно сельские ремесленники, кузнецы и мастеровые, которым попадался — как правило, хоть и составлявший исключение, — просвещенный барин.

Конечно, советская русификация не ограничивалась нелепицами и идиотизмом. Российская — тоже: она открывала большие возможности нажить имущество, сделать карьеру в рамках империи — при условии хотя бы формального обрусения. А это было равнозначно принятию православия. Кроме того неумышленно, то есть невольно, благоприятствовала русификации великолепная русская литература и искусство вообще —особенно успешно, если оно было бунтарским или хотя бы политически нейтральным.

Советская русификация обладала идеологическими и воспитательными амбициями. В Польше старательно переводили советские учебники, и я учился истории Древней Греции по учебнику Сергеева, а историю Древнего Рима узнавал от академика Машкина. (Не помню только советского автора по Древнему Востоку.) Во всяком случае, если кому-то из классиков марксизма-ленинизма случалось высказать проницательное замечание на тему кого бы то ни было — Перикла, Платона, Мария или любого другого Суллы, — эти слова тут же тщательно приводились и анализировались специалистами, пораженными тем, как они гениально верны. Советский школьник или студент всю свою молодую жизнь обучался обращать самое пристальное внимание на эти цитаты, польскому же они, пожалуй, не прерывали беглого чтения. Да, беглого, ибо тогда удавалось проскочить эти принудительные вкрапления. (Недавно я встретил студентов, погруженных в чтение Сергеева: пораженные моим удивлением, они ответили, что именно этот, а не другой какой-нибудь учебник пришелся им по вкусу для учебы.) Среди деталей, описывающих эпоху, там господствовали мысли руководящие и упорядочивающие. А следовательно, классовая борьба и борьба прогресса с реакцией. Ибо, когда торжествовали собствен-

нические классы, это было не только несправедливым, но и временным, преходящим. И, как в сказке, было известно, что историческая справедливость победит, пусть даже после самых долгих перипетий. Направление ясно, цель освещает путь — одним словом, легче учиться истории, имеющей смысл.

Всеобщей истории, таким образом, учили по-советски, а это чаще всего значило с российской точки зрения. Советизация и русификация были взаимопроникающими и поддерживали друг друга, мир приходил к нам через Москву. К примеру, Италию XVIII века нам представлял в «Осуждении Паганини» неплохой писатель Анатолий Виноградов. «Трилогию» Сенкевича страстно исправляла «Переяславская Рада» Натана Рыбака. Правильные западные писатели Говард Фаст, Жоржи Амаду и Лион Фейхтвангер, массово издававшиеся в Стране Советов, так же главенствовали и в Польше, и в других дружественных странах. История России производила впечатление движущей силы новой истории. Естественно, иногда возникали деликатные проблемы — например, не выдвигали на первый план Екатерину II, которая, что бы там ни говорить, произвела разделы Польши. Хуже того, она расправилась с прогрессивным мыслителем Радищевым и вдобавок кроваво подавила крестьянское восстание казака Пугачева, а его самого приговорила к жестокой казни. Пугачев, герой восьмитомной эпопеи писателя Шишкова, был настоящим бунтарем, несравненно большего размаха, чем наш исторически недостоверный Костка Наперский или патриотически двусмысленный, хотя классово правильный Якуб Шеля.

Лучше всех (мы остаемся на уровне школьной русификации) был, пожалуй, Петр I. Революционер, хоть и царь. И свой в доску, хоть и царь. Он не превозносился, а когда надо, брался строить корабли как простой плотник: уважал физический труд. Выдвигал способных парней (молодежь любит, чтобы было справедливо), не стесняя себя ни предрассудками, ни привилегиями гнусных власть имущих. Бывал он немножко диким, но ведь против него плела заговоры реакционная, надо сказать, преобладавшая тогда часть православного духовенства, а с нею и коварные бородатые бояре, даже собственный сын, которого, к сожалению, он убил во имя государственных интересов. Так во всяком случае следовало из убедительного исторического романа Алексея Толстого «Петр I». А кроме того — что импонирует каждому мальчишке — он был силачом двухметрового роста и пользовался у женщин заслуженным успехом.

Пуританская и принципиальная советская словесность обладала, однако, очарованием инициации. Бездарный, хоть и ревностный польский соцреализм опять-таки лишался всяких шансов. До сих пор помню, что одна девушка из «Как закалялась сталь» решила защищать свою девственность от казаков, чтобы сохранить ее для героя, Павки Корчагина. Ибо белые насиловали либо, для разнообразия, искушали растлением. До сих пор помню из «Хождения по мукам» тревожившие слова о том, что одного гнусного белого офицера тянула к Кате или Маше тяжкая чувственная похоть.

Но настоящее и полное любовное образование можно было получить из «Тихого Дона». Узнать о великой любви в исполнении прекрасных людей. Как о силе роковой, слепой, чудесной, предательской и мощно возвращающейся. Было о чем подумать, что вообразить. Страшный сюжет о любви Григория и Аксиньи. Образ Дарьи, женщины без тормозов. Сцена изнасилования бойкой горничной Франи фронтовыми казаками. Такие моменты разнообразили молодому студенту революцию, гражданскую войну и ярче боев или пейзажей остались в эмоциональной памяти.

Наряду с литературой русифицировало кино. По причине незабываемой картины «Адмирал Нахимов» Нельсон у меня ассоциировался скорее с приемом классической борьбы, чем с разгромом наполеоновского флота. В моем не слишком обширном морском воображении хватало места только для одного адмирала, а кроме того мне не нравилось, когда поражение наносят французам. На всякий случай я додумывал, что, мол, Нельсону исключительно благоприятствовали штормовая погода и везенье, так как сам император привык командовать на суше, а не на море. Таким образом, моим героем (хотя знания о Нельсоне я с тех пор смог прилично пополнить) останется Нахимов. Потому что никогда, наверно, не забуду я, как киноэскадра русского адмирала на всех парусах, в парадном построении вступает на рейд Синопа. (Эскадра плывет и против польского дела, но вид ее так захватывает, что заглушает мой польский патриотизм.) А на капитанском мостике — высокий, худой Нахимов в окружении штаб-офицеров, и через мгновение от турецкого флота и порта останутся только щепки. Один лишь спасется на быстром пароходе хитрый англичанин, циничный советник отсталого правительства султана, враг России, но, следует объективно признать, отличный моряк. Так его научно описал наш хороший знакомый академик Тарле, которому мы также обязаны описанием смерти Нахимова как командующего, «который пулям не кланялся».

Вот наш (ну, скажем, «почти наш», а если даже «не очень наш», то в самом деле страшно жаль) адмирал наблюдает позиции противника с бруствера батареи. А чем это адмирал смущен? А тем, что его флот героически пошел на дно, блокируя вход в порт. Подзорная труба, эполеты сияют на солнце, а отборные стрелки́ с той стороны пристреливаются к цели — недвижной и желанной. Нахимов не слушает умоляющих слов адъютантов, пока наконец какой-то француз не ранит героя смертельно. Жаль, что попал француз, — коварным англичанам такой поступок больше подошел бы, но что поделаешь, «a la guerre comme a la guerre». Погибает герой, который, защищая русское (а не царское — это различие часто подчеркивалось в советские времена) отечество, вдобавок был вынужден еще бороться с плотоядной придворной камарильей. Ибо он был талантлив, храбр и ни за что не позволил бы обидеть или обворовать простого солдата.

Что касается врагов, предлагавшихся в рамках советской русификации, то отрицательным врагом чаще всего бывал англичанин. (Довольно похоже на то, как это было в революционные времена моего тестя.). Потому что француз — это враг честный, хотя и со склонностью к фанфаронству. А кроме того, хочешь не хочешь, за ним стояли Великая революция и Парижская коммуна. Немец мог быть фашистом — или антифашистом, но всегда был хорошим солдатом, хотя воображения ему как будто не хватало. Из Германии родом были Маркс и Энгельс, бунтующие силезские ткачи и соседи по ту сторону Одры—Нисы, границы мира. Американец, капиталист-империалист, угнетал американских рабочих, индейцев и негров, но в свое время правильно не поддался англичанам в Войне за независимость. А простые американские союзники так сердечно братались во время незабываемой встречи на Эльбе, что об этом сочиняли стихи и пели песни.

Одним словом, только англичанин мог быть в фильме «Застава в горах» одновременно таким толстым, злым и смешным. Вот он на четвереньках переползает границу под заграждениями, к рукам и ногам у него прикреплены то ли лапы, то ли копыта какого-то кабана или тигра. Толстенный шпион, гость непрошеный и вспотевший. Но мальчишки с той самой заставы в горах наблюдают всю его неуклюжесть в хорошую подзорную трубу, а мы, переполненный детьми зал варшавского кинотеатра «Радуга», — вместе с ними. Пограничники улыбаются профессионально (органы внутренних дел), а мы, ребята с Жолибожа и Маримонта, попросту лопаемся со смеху, хотя многие наши отцы и деды имели дело с НКВД или его польскими производными. Однако мы всем сердцем на стороне заставы, где элегантные солдаты в свободные минуты поют и пляшут, а все время службы их сопровождают исключительной красоты немецкие овчарки — такие добрые, что перед ними не устоит ни один ребенок: не придет же ему в голову в такие минуты киносчастья мысль о каких-то там лагерях.

Эти воспоминания кинодетства были затенены великим юношеским переживанием, каким стал «Фанфан Тюльпан», но потом наше возрастание совпало с политической оттепелью, и картина ломающегося льда в «Чистом небе» осталась в памяти многих поколений, которым довелось жить в социалистическом лагере. С востока воссиял свет свободы, хоть и всячески манипулируемой. По-разному — в Москве—Ленинграде, Вильнюсе—Каунасе, Варшаве—Кракове или, скажем, Воронеже. Это было какое-то русифицирование свободой, что, вероятно, не было лишено внутренней противоречивости.

Сегодня можно вынести оценку, сказав, что горько лгала песня «Подмосковные вечера», написанная в 1958 г., когда десталинизация была заторможена, а тысячи зэков продолжали гнить и мерзнуть в болотах и льдах Сибири, в то время как преступники из органов ходили распрямившись, с высоко поднятой головой и грудью в орденах. Или что «Натали», воспетая Жильбером Беко, — это в действительности либо агент КГБ, либо какая-то рисковая девка, невменяемая, а может, наоборот, расчетливая, которая решилась буквально на все, чтобы только выехать. Согласно этой лживой и эффектной песне, она оставила ночевать в своей студенческой комнатушке иностранца, что в тогдашних условиях было невозможно. Разве что, как я уже сказал, это было безумием, провокацией или холодным расчетом. А иностранец к тому же — наивно или цинично — обещает в песне ей (и себе) реванш в Париже.

Но, лживо изображая советскую жизнь, эти легкие и приятные сочиненьица обладали революционной силой тоски людей по прелестям мира сего. И в конце концов на московских кухнях и в загроможденных комнатах, которые еще со времен революции нуждались в капитальном ремонте, распелись в полную силу Высоцкий, Галич, Окуджава. Любовь, свобода, тюремный фольклор под аккомпанемент семиструнной гитары были созвучны увядшим цветам старинных романсов и цыганской дрожи, мода на которую в России никогда не пройдет. И опять-таки — вне всяких сомнений настоящие, живущие, может быть, под другими именами, заслуженные литературные герои, такие, как те же Пьер Безухов и Григорий Мелехов, помогли мне поудобнее устроиться в русско-советской семье.

Точнее говоря, в советском Вильнюсе. Русификация, которой меня предварительно подвергли и которой отчасти я сам по себе поддался, привела к тому, что этот город открылся мне не во всей полноте. Веками польское Вильно, ныне литовская столица. Литовская и советская. Польское Вильно я встречал главным образом на кладбищах, частично уже умиравших. В костелах — тех, что не были наглухо заперты ржавыми замками и не превратились в хозяйственные объекты. Польский язык в его виленском варианте, смешанный с белорусским, со вкраплениями советского словотворчества, можно было услышать на дальних окраинах. В пейзаже XIX века — с избами и избенками на деревянном подклете, среди полудиких цветов, под липами и каштанами, которые давали тенек бабушкам, внучкам и пьяницам, заполнявшим покосившиеся лавочки и завалинки.

На польско-белорусско-советском языке говорили также почтовые барышни и кассирши в магазинах. Я лениво поддался впечатлению, будто все сознательные поляки уже уехали на берега Вислы и Одры. Осталось всего-навсего несколько старушек, но они уже не выходили из дому, и еще некоторое время я относил по указанным мне адресам посылки от родственников и свойственников. На канализационных колодцах виднелись названия польских фирм, места, связанные с Мицкевичем, были снабжены соответствующими мемориальными досками. Были и памятники архитектуры, которые, можно сказать, до известной степени остались в польских руках, такие, как часовня Божией Матери Остробрамской или костел свв. Петра и Павла на Антоколе. Но из центра польский дух испарился, а до войны, говорят, тут все было весьма по-польски и элегантно.

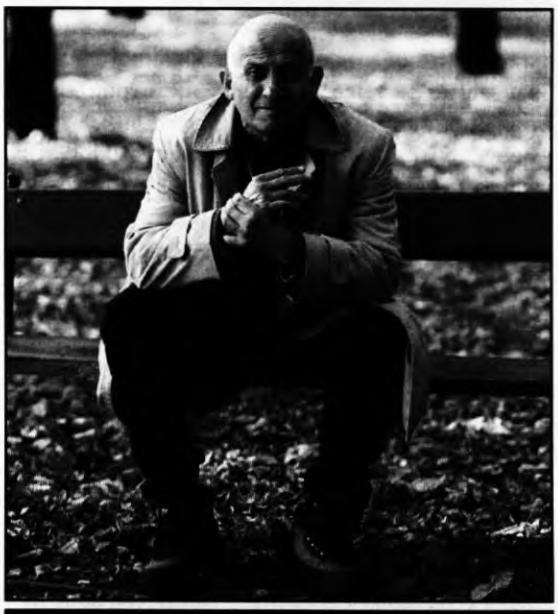
Жители окраин, пользовавшиеся все тем же общесеверославянским языком, не производили впечатления людей, обладавших четким национальным сознанием: их «тутошность», в частности, не позволила им никуда уехать. Из голытьбы, населявшей эти улицы и маленькие площади, были родом и менее изысканные клиенты Экса, обвинявшиеся в кражах и драках, происходивших чаще всего в алкогольном помрачении. А что касается литовцев, то у них тут была своя столица, но если в национально смешанной компании они заговаривали друг с другом по-литовски, это считалось невежливым: трудно же, в конце концов, всем понимать этот чудной язык. И пусть лучше не притворяются: хоть в школе должны бы были выучить русский. И все же случалось в магазине или на улице, что они будто не слышали и не понимали по-русски — просто изображали глухонемых. Старшим еще можно было простить: у них не было возможности лучше познакомиться с языком Пушкина и Ленина, зато в них жила обида, особенно с послевоенных времен, когда в Литве укрепляли советскую власть. Это признавал хотя бы Экс, а он знал, что говорит — всегда интересно и слегка отчужденно, — потому что принимал в этом участие в качестве офицера НКВД.

Ах, вот как?

Да, он сам мне это сказал.

Лешек Шаруга

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ



Томаш Лубенский

В одной из статей, написанных после 1956 г., Виктор Ворошильский заметил, что по делам литературы решения тоже принимал серый, неразговорчивый следователь. Разумеется, Ворошильский был прав, и до такой степени, что открытым остается вопрос о том, насколько польская литература, официально публиковавшаяся во времена пэнэра, — это оригинальные произведения, а насколько на их окончательный вид влияли цензоры или система. Намного ли то, что происходило в Польше, отличалось от того, что происходило в других «братских странах»? Впрочем, этот вопрос лишь отчасти существенен: разница была не так уж велика, а наличие более или менее законспирированных штатных агентов и их нештатных сотрудников можно проследить везде. Одни трудились ради идеи, другие — ради денег, третьи — потому что их шантажировали.

И вот перед нами 90-е годы прошлого века, архивы открываются, и мы узнаём — в Польше помедленней, где-то в других странах побыстрее, — кто был кем. Начинаются процессы люстрации, из которых в принципе ничего не вытекает, кроме нескольких неожиданностей и множества банальностей. Чтение оглашенных документов по сути дела оказалось скучным. Пикантными бывают лишь детали. Интересными бывают судьбы отдельных агентов — человеческие судьбы.

О таком типе человека рассказывает последняя книга Томаша Лубенского «Всё в семье». Повесть — эпизод семейной саги? — выдержана в манере мемуаров: герой — автор? — рассказывает о своих встречах с бывшим шурином, который, как оказалось много лет спустя, раньше был офицером НКВД, затем КГБ, работавшим вплоть до распада Советского Союза (и даже после). В конце концов он эмигрирует из Литвы в Германию, поселяется в окрестностях Бонна в качестве «позднего переселенца» (он родился в границах Рейха и имеет право на немецкое гражданство). Здесь он решается рассказать свою историю — неважно, насколько препарированную в расчете на слушателя, — бывшему зятю. Вот так-то — извлечем напрашивающийся вывод — создается продолжение польской литературы: ныне оно продиктовано советским и вполне разговорчивым следователем.

Разумеется, как ранее прочитанные рассказчиком документы о ходе службы бывшего шурина — названного в книге Эксом, — так и рассказ бывшего гэбэшника, живущего на заслуженной немецкой пенсии, подтверждают тот факт, что он систематически, с 1960-х, писал доносы на своего зятя, когда тот приезжал из ПНР в советскую Литву. Интересным — впрочем, лишь до известной степени — кажется последний этап службы Экса: «А теперь он снова завербован — ну нет, скорее возвращается в строй. Чтобы — такова его точка зрения и делания — славной и ославленной советской политической полиции (...) придать воистину человеческое лицо. (...) Теперь настало время реформ, и Экс почувствовал себя одним из реформаторов. А таких, как он, себе подобных, он встретил в органах больше, чем можно предположить». Дело не обходится без опасений: можно не угодить на-

чальству, надо действовать осторожно. Но не только с этой стороны грозят трудности: «Профессиональные диссиденты тоже будут относиться с подозрением к такому лояльному реформатору. Ибо это же конкуренция: лучшее доказательство, что по ряду пунктов им удалось бы понять друг друга. Но эти оппозиционеры, они уж такие — профессионально предубежденные, высокомерные: только они, всё для них, сто двадцать процентов правоты всегда на их стороне. (...) Что поделать? Эти наивные, но страшно самоуверенные люди боятся нас, реформаторов, узнать поближе. Тут Экс огорчается».

Экс, откомандированный на слежку, играл роль понимающего полудиссидента, читал Солженицына, втягивался в политические споры. Он был одним из нас: не демонстрировал враждебности к системе, но давал понять, что, конечно, этот порядок как-то следовало бы изменить. Создать какой-то такой социализм с человеческим лицом. После чего всё добросовестно, с деталями описывал в рапортах по начальству. Он готовил гэбэшный, тихий переворот. Не без затрат: «Да, известно, работа в органах истощает физически и нравственно, грузом тяготеет служебная тайна и вся эта двойная жизнь. Например он, Экс, — для окружающих заслуженный адвокат, а для своего ведомства — законспирированный, наделенный доверием агент». Но есть и вознаграждение: «Штатных и нештатных сотрудников защищают до гробовой доски и даже за гробом, если это возможно и нужно. Притом со взаимностью. То есть, конечно, если и они останутся лояльны. По отношению к органам». Так случилось, что правда об этой жизни вышла наружу — но сколько ее, этой правды, вышло, неизвестно, — а могла и не выйти. Было и сплыло, а жить дальше как-то нужно. С этим или без этого — какое имеет значение?

Лубенский, автор оказавшейся в 1979 г. в центре бурной дискуссии книги «Биться или не биться?», один из учредителей в 70-е подпольного тогда журнала «Res Publica», драматург и переводчик Данте, изображает своего героя с известной отстраненностью и немалой долей сочувствия. Повествование сконструировано так, чтобы отклонить обвинения и осуждение. Рассказ должен касаться фактов. Оценивать же, если он того захочет, будет читатель. Все повествование строится так, чтобы приглушить, успокоить эмоции. Заглавие «Всё в семье» говорит: это наша судьба, с этим надо жить дальше, изгладить это нельзя, все расчеты с прошлым ни к чему не приведут. Так ли это на самом деле? Должно ли зло — такое здесь очевидное, что прямо банальное, — остаться неназванным, стать скелетом, запертым в семейном шкафу? Лубенский пишет: «Важны вопросы: что вытекает из жизни Экса для него самого? на чьей на самом деле, если бы удалось подсчитать, он стоял стороне? что, где, когда для него было правдой, а что ложью? как это разделить, и возможно ли разделить? что приключилось с ним в жизненной яви? во сне? а что было прочитано, услышано в газете и по радио? как он сам о себе перед лицом себя самого мыслит?» Вопросы, конечно, важные, но для сочинителей романов. Жизнь же, как известно, не роман, и трудно превратить ее в «только литературу».

Томаш Лубенский. «Всё в семье». Варшава, «Свят ксёнжки», 2004, 158 с. — На польск. яз.

Мариан Чухновский

Перевод
Анатолия Ройтмана

СТИХИ

Признание

Ослепляет меня бархатный блеск дней,
добрый рассвет, мягкий и теплый как лен.
Но с откровенно наскучившей рифмою: сон —
жизнь скучней.

Жажду. Грохот азарта в жилах моих все сильней.
Рвется из глыб безумия новая, ясная речь.
Как градовая буря, на землю готовый лечь,
Живу я огромной арией крови своей.

Фитиль подожгу. Взорву старую пирамиду слов.
Хрупкие борта разорву. Мятежный, как бурное море, вверх дном все переверну.
Иду не за теплым плачем сердец и грустью чувствительных лбов.
С вызовом. Знаю свою гибкую, пронзительную струну.

Натяну ее. Из строф выскочат львы.

Мицкевич парижский

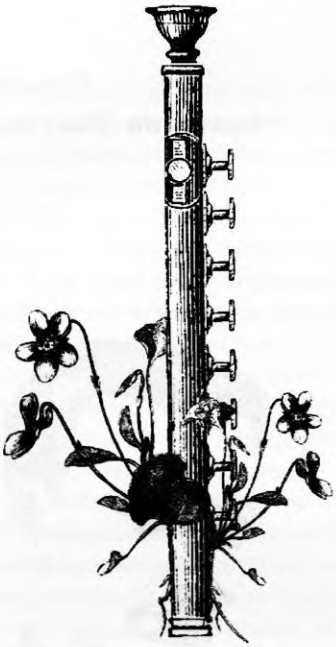
Уже не упросит тебя. Не умолит Литва.
Ни соловьиных нот, черпаемых в Немане, строй.
Ни Новогрудок с корзинами свежих цветов, ни разросшихся лип листва.
Не соблазнит зеленый концерт деревьев и вечер, окованный тьмой.

В мире так надо. Умереть над синей гладью Босфора и грусть в морщинах укрыть.
В любви цепенеть и в жизни мучиться как в полусне.
Пока океан над миром не выплеснет гроб в тишине.
Вернуться, чтобы спасать, — умирать, чтобы жить.

Глаза жаждут смотреть, хотя стынет олово слез.
Уста хотят говорить, но говорить не могут.
Тяжело умирать. В Литву не вернуться, как Робак*, стремительным звоном колес.
Жить еще тяжелей. Слишком мало людей. Ангелов слишком много.

Paulina Zielona

* Ксендз Робак — один из главных героев поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш». — *Прим. ред.*



Пока на покатой земле, вспаханной плугом костей Валленрода сынов,
не выросла та, которая не оттолкнет недовольно.
Повеял по ней аромат из стихов твоих, как из садов,
и потому тут дышится так привольно.

В ярких огнях Монмартра, улиц Парижа рвами
поплывут возбужденных колонн пестрые ленты.
Когда грустно, взываешь сжатыми ветра словами:
Вильно, Вилия, Краков, сердце живой легенды.

Стоять суровой скалой тоски, выкованной в беспокойстве.
Идти и не уйти. Плачешь. На флейтах дождя шепот твой горько играет.
Спрашиваешь, как в Польше?
У нас весна фиалками, словно слезами, тает.

Даже тень Медного Всадника выцвела, как трава.
Ты же остался и выстоял. В эти дни
Мы с тобой: Вильно, Вилия, Краков, Литва.
Одни!

Рядом в пейзаже

В воздухе вечера
оттеняешь взглядом
глаза: зеленые пятна.
Как еще целовать тебя,
в желтой блузке, одетую в дрожь!
В конусах розоватых грудей знаю пожар.
Знаю,
шепот — дыханье влюбленных,
уста устилающий жар.
Предвестье весны сияет
раздвигающимся пространством.
В нем закат размещает
зеленых страниц столбцы.
Звездный жемчуг созрел
в гнезде реки —
и проклюнулся
обнаженно
как мотылек.
О!
До
земли наклониться стремится
ночи огромное ухо.
И вот
в нем уже слабо дрожит
позднего месяца серебряная серьга.
Ливень скатился громом.
Безумствовал шорохом молний искрящийся кот.
Потом уже в горы увозит тихую ночь серой луны колесница.

Снимающая подвязки

Здоровой брюнетки голубые глаза
Сыплют искры, гневом кипят, укором презренья —
Так несносно нетерпелива.
То блузка слишком тесна, то мешает сережка,
Скрытая локоном. Снова атласная юбка
Слишком шумлива.
А пунцовая губка,
Покрытая легким пушком —
Усиков бархатной сажей —
В солнечном ливне лучей
Блестит,
Когда девушка стягивает с себя
Неподатливые шелковые подвязки.

Молодая быстро срывает черного бархата банты
С круглых колен; роскошно шуршат шнуры,
Как серебристым зубом, хватающие замком
Обтягивающие чулки.
Нога блеснула, смуглые ляжки,
Раковина живота, узкий стежок тела
Над бедер молочным клубком.
И вот обнаженная девушка встала
В испуганном зеркале, бледном от страха и зелени.

Зеркалу невдомек, что ухватить сначала,
Розоватость ли пухлых бедер
Или зубы сперва, или глаз отраженье,
Или груди, сродни ранней малине, или пуха гнездо,
Дерзко торчащее, как молодой, ржавый папоротник.
Дышат груди светло, губы дрожат, взгляд не боится
Шеи коснуться, узкого стана, застывшего в восхищеньи.

Девушка, на которой лишь розовые кораллы,
Вскрикнув, замерла неподвижно.
Зажмурилась.
После чего вдруг вся
От шеи до пят в зеркале покраснела.

Paulina Zielona

Письмо с родины в 1960-м

Май холодный, как стакан молока.
Сирень уже стала букеты вить.
Писать не могу. И нельзя мне пить.
Так-то и вьется та самая нить,
Та самая нить и судьба человека.

Вижу сквозь слезы Варшавы огни.
На Висле гудит речной пароходик.
Так и проходят обычные дни.
Письмо это глупое не кляни.
Такое письмо. Моя жизнь уходит.

Кончается все. И в последний миг
Нам остаются раны. И мысли.
Гости ушли. На вилле моей огни погасили.
Прощай, дорогой. По пустой этой вилле
Брожу как полубезумный старик.

Сквер на заре

В сквере искрятся росистых лилейников белые, крепкие жезлы,
Будто двинулось на заутреню мертвое шествие молодых, стройных монахинь
В золотистых, зеленой нитью расшитых шапочках, а не чепцах белоснежных,
Хоть и не мягкие шапочки, а чепцы в сквере тугим похрустывают крахмалом,
Освещенные сверху росы и зари хрупким опалом.
Колонны женщин, идущих в сандалиях буковых и одеяньях тяжелых.
В сандальях при шаге сверкают босые ступни, опускается второпях
Худая лодыжка, голые пальцы мелькнут и розоватая кожа;
Прежде чем юркнуть под платье, из шерсти грубой снежно плеснет нагота.
Женщин, теплых еще от запаха трав, тесных келий, побеленных известкой и холодной луной.
Предрассветные сестры несут осторожно лиловые свечи, горящие, как острия кинжалов,
и когда вдруг сорвется накидка самой младшей, тотчас поглотит
голубое мерцание разгоревшихся фитилей, гаснущих разом.
Холод и тьма, только снежною белизной
одеяний светясь, неколебимо идут и за стеной таинственно исчезают.
Словно все маски, одну за другой, из многослойных румян
Сдирает заря и в восхищеньи на землю бросает,
Как всадника в ужасе скачущий конь сбрасывает в горящих степях.

Петр Мицнер

ПОЭТ ИНСТИНКТОВ

Первые два сборника стихов Мариана Чухновского — «Утро горечи» (1930) и «Женщины и кони» (1931), — хотя и вышли в Крестьянском книгоиздательстве небольшим тиражом, тем не менее вызвали энтузиазм критики. Известный критик Казимеж Чаховский назвал их автора «польским Рембо». Разумеется, появились и язвительные противники, но слава поэта все равно росла. Кстати, и благодаря репрессиям, которым он подвергался: цензура упорно снимала его тексты, полиция подвергала его арестам, суды — отправляли в тюрьму. Не за литературу, а за деятельность в радикальном крестьянском движении. О Чухновском говорили, что он «как пламя перебрасывался с митинга на митинг».

Он был великолепным оратором и, главное, прекрасно знал жизнь деревни. Сын агронома, родившийся в 1909 г., после смерти отца он вступил во владение его хозяйством в Лужной под Горлицами. Там он писал свои авангардистские поэтические тексты и оттуда отправлялся звать крестьян на борьбу. Он пророчил революцию. Обожал Есенина, в дискуссии с Юлианом Пшибосем защищал «Пугачева».

Чухновский был радикалом. Не только в социальном отношении и не только в поэтической форме. Что особенно восхитило читателей этих как-никак трудных стихов, построенных на изысканных метафорах, эллипсисах, ломающих принципы синтаксиса польского языка? То, что обычно определяют как «витализм» или «чувственность». Однако два этих термина, часто применяемых к поэзии предшественников Чухновского, для него оказываются недостаточными. Он уловил новую эмоциональность: провозглашал «пир инстинктов», нарушал табу, обнажал физиологию. Говоря современным языком, Чухновский был «бруталистом». При этом он хотел, как сам говорил, «восхищаться здоровьем и любовью», глубоко верил в достоинство человека. Одно из его стихотворений того времени, «Баррикада», начиналось словами: «И дом стоял, откуда грохотало в мир человеком». Поэтому, быть может, он воздавал почести великим личностям в произведениях, посвященных Мицкевичу, Выспянскому, Костюшко и маршалу Фошу. Он был анархистом-индивидуалистом, восхвалявшим патриотизм и труд. И его-то, в глубине души «государственника», польское государство упорно преследовало.

В поэмах «Трудная биография» (1934) и «Наводнение и смерть» (1936) Чухновский отходил от чистой лирики, соединяя ее с элементами эпики и репортажа. Он чувствовал, что этого требует от него время. Так же, как и описания собственного тюремного опыта в форме романа («Цинк», 1937, и «Деньги», 1938).

Когда разразилась война, Чухновский решил перебраться в СССР и, переходя границу, был арестован. Подвергаясь жестоким допросам, он прошел через тюрьмы в Орле, Одессе, Харькове, Москве и Вятке, в конце концов попав в лагерь в Ухте. После амнистии 1941 г. он вступил в польскую армию генерала Андерса и вместе с ней оказался на Ближнем Востоке.

С 1944-го и до самой смерти (†1991) Чухновский жил в Лондоне. Тяжело работал физически, дольше всего — посудомойщиком в ресторане. Он сохранял полную независимость от политических кругов польской эмиграции. Сотрудничал с двумя журналами — парижской «Культурой» и лондонской «Официной [издательством] поэтов». В течение некоторого времени возглавлял ежемесячный журнал «Хроника».

Советский опыт приглушил его радикализм. В его послевоенных стихах, значительно более спокойных, гораздо больше сосредоточенного внимания к жизни, чувственность заслоняется мягким лиризмом. Появляются идеализированные воспоминания о родной деревне. Поэт отбрасывает метафору, он хочет говорить прямо, что вызывало протест у почитателей его довоенного творчества. Он стремится достичь «сердцевины бытия» (так называется одна из его последних поэм).

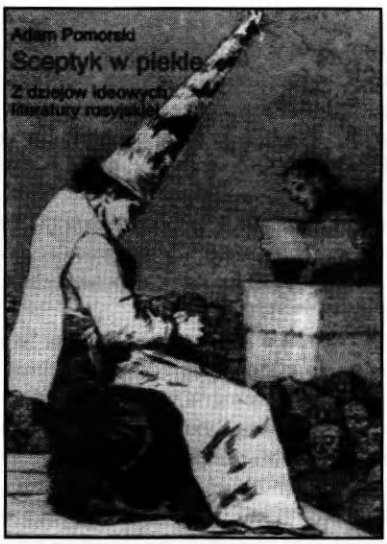
В конце жизни в его стихах особенно сильно вспыхнула инстинктивная неприязнь к городу, всегда навязчиво звучавшая в поэзии Чухновского. На этот раз речь идет о Лондоне. Большой город — это Вавилон, место, где человек утрачивает душу, это мир, обратившийся в колонки цифр. Неожиданно в этом контексте появляется лагерная реминисценция, и оба бесчеловечных механизма заключены в трех словах: «принуждение, муки и насилие».

Противоядием убийственной неприязни к миру для Чухновского были мифы: деревни, земли и женщины, — а также эмигрантская ностальгия, тоска по родным местам, по Варшаве.

В Польше его в течение многих лет замалчивали, но он все же дожил до публикации двух сборников стихотворений (в 70-е годы) и нескольких серьезных текстов, посвященных его творчеству.

Гжегож Пшебинда

АД РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ



Уже во введении к своей книге об идейной истории русской литературы от Пушкина до Бродского Адам Поморский предстает пред нами как тот самый «скептик в аду», от которого книга получила свое название. Действительно, ему удалось — как читателю, исследователю и переводчику русской литературы — посетить inferno Достоевского, Ахматовой, Замятина, Бродского. Добавим, что здесь имеется в виду не известный многочисленным русским и нерусским писателям — хотя бы Достоевскому и Сартру — внутренний ад человеческой души и не загробная бездна. Предмет описания автора — «русский ад», находящийся еще на «этом свете». Он обладает политическим и социальным аспектами, а все отсылки к «тому свету» существуют здесь исключительно на уровне метафоры и стиля.

Государство и антигосударство

Таким образом, речь идет о пространстве поистине «дьявольском», но при этом чисто историческом, которое в течение трех столетий создавали в Москве и Петербурге цари и чиновники, патриархи и еретики, террористы и полицмейстеры, охранка и большевики. Поморский пишет: «Нигде бытие не определяет сознание так всецело, как в аду. И все же в культурном кругу Европы нового времени особняком стоит русская традиция восприятия собственного государства как ада». Добавим, что и анархизм нигде не принял столь радикальной и эсхатологической формы, как в России во второй половине XIX века — хотя бы благодаря Бакунину. Он неутомимо и бесстрашно сражался — и не только в книгах, но и на баррикадах Парижа и Дрездена — с государством как формой деспотии и с послушными ему войсками.

Поморский с очевидным сочувствием приводит мысль Бакунина из работы «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867), где государство со своей регулярной армией представляется как создание немца, цивилизованной бестии, раба по убеждению и палача по призванию. Эта бестия, объединяющая в себе образованность с хамством, хамство с мужеством, систематичность с жестокостью, а жестокость — со своеобразной честностью, истребит или сокрушит десятки, сотни, тысячи людей по легчайшему мановению начальства.

Последовавшие за предсказанием Бакунина войны и революции (и «прусские», и «русские») убедительно доказали, что тревогу нужно было бить еще в XIX веке... Русский анархист писал также, что идеалисты (по сути своей нормальные религиозные европейцы), стремясь придать божественный характер творениям человеческих рук и разума, привели в результате к победе грубого материализма... Чистая правда, но ведь и самого автора этих слов следует признать одним из идейных отцов-основателей ада на земле в России XX столетия. Разве не он, идя следами Фейербаха и Маркса, написал в трактате «Кнуто-германская империя и Социальная Революция» (1871), что человек только тогда вновь обретет свободу, достоинство и благосостояние, когда сумеет отнять у Неба все плоды, которые оно отняло у Земли, и вернет их Земле?

А уже в XX столетии большевики, приняв этот совет всерьез, остановились на полпути — дочиста обобрав небо, не предложили взамен ничего хорошего ни земле, ни человеку.

Хирурги и обезьяны

Как в России дошло до того, что созданию и упрочению «полицейского государства» способствовали и его правители, и бунтари, мечтавшие его уничтожить? По мнению автора «Скептика», все началось с церковных реформ патриарха Никона в середине XVII века. Сами по себе разумные, но введенные слишком грубо и жестоко,

эти реформы привели к расколу общества на две враждебные друг другу группы: новаторов и консерваторов. Первые в XVIII веке начнут создавать абсолютистское государство и империю, вторые каждое их начинание будут разоблачать как «дьявольское наущение».

Царя Петра Великого, который продолжил дело Никона в сфере цивилизации (используя не менее жестокие методы), староверы сочли Антихристом. Поморский тоже упрекает Петра в том, что тот «тщательно создавал свой сатанинский, выражаясь современным языком, „имидж". Сюда входили и богохульство, и осквернение святынь, и придворные инсценировки „черных месс", и кальвинистская ересь (в этом его укоряли иерархи православной Церкви, которая после ликвидации патриархии была подчинена бюрократической власти государства)».

Добавим, что во время одной из своих гигантских попоек Петр I в качестве издевательства над обычаями и учреждениями Церкви созвал на своем дворе «всепьянейший собор». Был здесь и «князь-папа», роль которого играл дьяк Никита Зотов, и «патриарх», и даже «польский король» в лице стольника Ивана Бутурлина. Почти 20 лет спустя царь включил в программу подобного празднования свадьбу «князя-папы», старика Бутурлина, со старухой, вдовой его предшественника на посту «князя-папы» Никиты Зотова. На свадьбу подали ящик с водкой, оформление которого напоминало Евангелие. Любопытно, что подобные «потешные пиры» устраивал уже Иван Грозный, а в XX веке его маску примерил Сталин. Поморский напоминает, что все эти три правителя (заметим, что Сталин в 30-е годы ссылался на Петра, а после войны — уже на Ивана) жестоко боролись с русской «отсталостью». Однако во имя «передовых идей» они создали в России ад еще хуже, ибо любили «ваять топором по живому».

Идеологическое мышление и идеологическая деятельность в России на протяжении трех веков характеризовались динамичной переменчивостью полюсов. Рай или адская бездна существовали в утопиях и антиутопиях, в официальной и еретической культуре, в славянофильстве и западничестве, в народничестве и марксизме. Понятно, что при этом ад всегда находился на «их» стороне, а рай — неизменно на «нашей».

Автор «Скептика» считает, что большевистский геноцид в СССР — это результат «импорта современной цивилизации-революции» (а вовсе не плод отечественной традиции). Можно даже согласиться с этим мнением, но не забывая, что западные идеи неизменно приобретали в России совершенно неожиданные обличья. Это заметил уже Достоевский, с сарказмом говоря об «идеях», которые в Европе спокойно лежат себе на улице, а после перенесения на русскую почву ложатся в основу программ эпохальных реформ. Он мог, например, иметь в виду дарвинизм в его применении к социальной сфере. Заметим, однако, что марксистская «классовая борьба» привела в России после 1917-го к результатам, диаметрально противоположным дарвиновскому «естественному отбору»: человек превратился в обезьяну.

Один из героев «Скептика в аду» — проницательный юморист и глубокий мыслитель Михаил Зощенко, автор произведений, отражающих казарменный склад ума «гомо советикуса». В 1945 г. он написал рассказ для детей «Приключения обезьяны», где главная героиня оказывается стоящей выше советского человека. В 1946 г. секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Жданов в докладе «О журналах „Звезда" и „Ленинград"» выдвинул против писателя серьезнейшие политические обвинения:

«...он изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными. (...) Зощенко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям. Обезьяна представлена как некое разумное начало, которому дано устанавливать оценки поведения людей. [Это] понадобилось Зощенко для того, чтобы вложить в уста обезьяне гаденькую, отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей».

Кьеркегор, Шариков и Бродский

Поморский показывает, как даже в условиях подобной маразматической действительности можно было все-таки проявлять человеческое достоинство и человеческие чувства. Он не ищет ответа ни у одного из утопистов или идеологов, а обращается лишь к тем мастерам русской художественной литературы, в особенности XX века, которые своим ироническим отношением к окружавшему их аду заставляли читателей задуматься о его абсурде.

Следующие эссе в книге посвящены Пушкину, Достоевскому, Бунину, Волошину, Ремизову, Гумилеву, Ахматовой, Вагинову и Бродскому. В последней статье сборника говорится о том, как молодая Россия — благодаря таким писателям, как Венедикт Ерофеев, Людмила Петрушевская, Татьяна Толстая, Вячеслав Пьецух, а также талантливым художникам-«нонконформистам» (упомянем хотя бы Оскара Рабина) — уже в 70-е годы начала выходить за рамки советской действительности и «совкового» духа.

В этой книге переплетается множество концепций и идей, восходящих к различным сферам и эпохам. Здесь затрагиваются вопросы политики, эстетики и философии. Автор пишет о России, о «Фаусте», которого сам перевел на польский, но и о Данте, ибо тот тоже «видел ад». Эпиграф к заглавной статье сборника взят из трактата «Или — или» Кьеркегора: «Вне всякого сомнения, вершиной комизма была бы ситуация, если бы случайной личности была дана возможность задаться универсальной мыслью, что она является освободителем всего мира». Разве это не звучит как по-прежнему актуальное — к сожалению, и в Польше, и во всей Европе XXI века — предостережение перед появлением некоего «нового человека», «грядущего хама», пришествие которого предвидел Дмитрий Мережковский уже после 1905 года? И не его ли так убедительно изобразил в 1925 г. Михаил Булгаков в «Собачьем сердце»?

Поморский напоминает, что похожие «рожи» видел и Александр Блок. В 1911 г. в дневниковой записи он почти осязаемо передал нам ощущение приближающегося большевизма: «Выхожу из трамвая (пить на Царскосельском вокзале). У двери сидят — женщина, прячущая лицо в скунсовый воротник, два пожилых человека неизвестного сословия. Стоя у двери, слышу хохот, начинаю различать: „ишь... какой... верно... артис...". Зеленея от злости, оборачиваюсь и встречаю два наглых, пристальных и весело хохочущих взгляда. Пробормотав „пьяны вы, что ли?", выхожу, слышу за собой тот же беззаботный хохот. (...) Эти ужасы вьются вокруг меня всю неделю — отовсюду появляется страшная рожа, точно хочет сказать: „А-а-а, ты вот какой?.."»

Иосиф Бродский — это один из тех героев книги Поморского, благодаря которым подобный «бунт масс» оказался не столь эффективным, как ожидали его инициаторы. История поэта начинается с его «ленинградского дела» 1964 года. Общественный обвинитель назвал тогда Бродского прощелыгой, тунеядцем, мокрицей и трутнем, который «забыл, что в нашей стране человек должен трудиться, создавать ценности: станки, хлеб». Поморский точно подмечает: «Этого дела поэт может и „не помнить", как он сам утверждает, но это не умаляет его значения для развития личности Бродского. Вероятно, само это развитие вытеснило это „дело" из его памяти: у Бродского поразительно здоровая психика, без злопамятства. Если бы он остановился на том „деле", неустанно „помнил" его на протяжении четверти века — то не было бы Поэта».

Слишком плотная форма

«Скептик в аду» — это заново составленный сборник эссе и статей, многие из которых уже публиковались в польских изданиях переводов русских писателей — героев этой книги. Тот, кто читал переводы Поморского, превосходные, как их оригиналы: Гумилева, Вагинова, Лившица, Волошина, Шаламова, обериутов, Достоевского, — знает, что это особое пространство, требующее специального описания. У Поморского есть и свой собственный исследовательский стиль — по его выражению, «неакадемический», но от этого отнюдь не более простой или легкий для восприятия. Однако, если читатель сумеет пробиться через эту оболочку, то прикоснется к мыслям глубоким и оригинальным. Каждый текст заслуживает тщательного прочтения и размышления. У Бунина, как пишет Поморский, был «хищный глаз», то есть «жестокая резкость детальнейшего видения своего места в жизни и самой жизни в ее природной, чувственной форме». Будучи «феноменалистом», он существовал «в сфере натуры, а не культуры». Именно поэтому человек XX столетия, прошедший все круги исторического ада, видит «слабость бунинской философии искусства и философии человека».

Проницательное эссе о Максимилиане Волошине, который «при виде накрытого стола был готов прервать любой, даже самый горячий метафизический спор», заканчивается трагическим, но прекрасным эпилогом: «В августе 1932 года астма с осложнениями (воспаление легких) принесла этому жизнелюбивому человеку желанную смерть. Ему было пятьдесят, но он выглядел глубоким стариком. С чудом граничит тот факт, что вторая жена поэта, Мария Волошина (1887-1976), беззаветно преданная памяти мужа, сумела в самые страшные годы сталинского террора и войны сохранить дом и бесценный архив. До последних дней она оставалась смотрителем музея, созданного в Доме Поэта».

Ровесником Волошина был Алексей Ремизов, автор книги «Взвихренная Русь» (1927), который эмигрировал из России и прожил во Франции до своей смерти в 1957 году. Прозу Ремизова нужно читать вслух, утверждал со знанием дела Юзеф Чапский, ибо только так можно сохранить ее звучание и ритм фразы. Чапский говорил, что «достаточно лишь немного окунуться в этот мир», чтобы «почувствовать звуковое убожество собственных слов... опошление языка гладкими, истертыми, уже тысячи раз бессмысленно повторенными оборотами». Используя «сказ», то есть разговорный, а иногда даже плебейский язык, Ремизов усиливает эффект «отстранения» и подчеркивает принципиально различное ви́дение мира рассказчиком и самим автором.

Следующий герой книги Поморского — Евгений Замятин, показанный как «вечный инакомыслящий», обращавший острие своей иронии против бесчеловечной идеологии рубежа XIX и XX веков. В антиутопии «Мы» он изобразил картину сбывшегося тоталитарного апокалипсиса, основанного на культе цивилизации, вытравляющем естественные порывы человека, а также на управляемом сверху коллективизме, подавляющем свободу личности.

Но самым новаторским представляется обширный текст об Ахматовой, где ее раннее творчество рассматривается в контексте будущих трагических событий, через призму зрелых произведений поэтессы — «Поэмы без героя» и драмы «Энума Элиш» («Когда наверху»). В 1924 г. она сама писала о «дантовском» характере своей Музы:

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске (...)
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы „Ада"?» Отвечает: «Я».

В эссе «Гумилев и сорочесть»* Поморский смело сопоставляет отца акмеизма в России и философа Эдмунда Гуссерля. Впрочем, обо всех русских акмеистах он безапелляционно утверждает, что они в своем творчестве были близкими феноменологии, то есть «эйдетическими»**. В их поэзии сущность всегда довлела над импрессионистским восприятием явлений и над психикой персонажей и лирического героя.

Тот же и не тот же я шел через дубраву,
Изумляясь, что муза моя, Мнемозина,
Хранит неослабевшим мое изумленье.
Сорока затрещала, и я сказал: сорочесть,
Что есть сорочесть? Ведь в сорочье сердце,
В ноздрю над клювом, и в тайну полета,
Взмывающего вверх при каждом снижении,
Я никогда не вникну — она непостижима.
Но если сорочести нет в природе,
То и моя человечность не существует.
Кто бы мог подумать, что так, через столетья,
Я возвращусь к спору об универсалиях.

(Перевод А.Бондарева)

Но позволительно ли использовать столь абстрактные термины для описания чудесных в своей конкретности стихотворений Ахматовой и Мандельштама? Ведь для них был важен вовсе не абстрактный «смысл жизни», не трансцендентные и отдаленные от человека идеи и формы, но сама жизнь — прекрасная, чувственная и добрая. Вот строки совсем еще юного Осипа Мандельштама:

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

* Отсылка к известному стихотворению Чеслава Милоша «Сорочесть» (1962).
** В феноменологии Э.Гуссерля (1859-1938) «эйдетическая редукция» — это отвлечение от всех фактических различий и созерцание чистой сущности, в отличие от факта.

Это правда, что акмеизм в России был, по словам того же Мандельштама, проявлением «тоски по мировой культуре», но именно эта культура сумела в наше время понять человека в сфере его как духовной, так и плотской природы. А в эту последнюю никакая феноменология, особенно Гуссерлевская, никогда не проникнет.

Я не согласен с утверждением Поморского, что «акмеизм — это поэзия *сущности*, а не *существования*». Мне кажется, что дело обстоит как раз наоборот: у Мандельштама, да и у Ахматовой, к Богу, к символу мы приходим через конкретную личность и через «эту вещь». Если Ахматова пишет: «Сжала руки под черной вуалью», то мы видим конкретную руку и вуаль, а не идею. Евгений Рейн сказал: «Акмеисты дали нам более реальную и конкретную форму. Для них роза была розой, а не духовным цветком. Текст можно подавать только через конкретные вещи, те, которые нас окружают. Стакан — это в первую очередь стакан, а уже затем — символ вместимости».

Но в этой книге говорится не только о вещах, имеющих принципиальное значение. Любознательный и всегда хорошо осведомленный, автор также не прочь приоткрыть завесу тайны в вещах гораздо менее существенных, но от этого не менее важных. Например, польские читатели узнают от Поморского — который ссылается на интервью Адама Михника с сэром Исайей Берлином, — что знаменитая ночь, которую провели вместе английский философ с Ахматовой, так и не стала романтической... Можно наконец вздохнуть с облегчением.

И ада не будет уже

С отдельными тезисами Поморского наверняка будут не согласны специалисты по тем или иным авторам. Но они никогда не должны забывать, что в текстах «Скептика в аду» непоколебимо господствует принцип, сформулированный Джордано Бруно: «Se non è vero, è ben trovato» («Если и не правда, то славно придумано»).

Выскажу лишь одно сомнение. Автор внес в свои уже ранее опубликованные статьи некоторое количество добавлений, носящих «инфернальный» или «скептический» характер. Не слишком ли их много? Сколько русских — друзей Поморского, которых он переводил на польский, — согласились бы сегодня с тезисом, что их молодость прошла в «аду», а единственным спасением для них был «скептицизм»? Или что вся история России от Ивана Грозного до 1991 года — это некое «инфернальное пространство-время»? Ведь одно дело — бездна Колымы, из которой сумел вырваться живым Шаламов, и совсем другое — несмотря ни на что! — Россия Николая I, не говоря уже о периоде брежневского «застоя».

Так или иначе, но империя отошла в небытие. Тот ад уже не существует, однако скептики могут еще пригодиться и России, и Польше. Хотя бы для того, чтобы сегодня не начала господствовать — выражаясь словами автора — какая-нибудь «полулюмпенская богема тусовщиков-недоучек». Но, в конце концов, зачем-то у нас есть Ахматова, Мандельштам и Бродский, зачем-то русские переводят Милоша, Шимборскую и Ружевича, а Адам Поморский — «Братьев Карамазовых»?

В Варшаву и Краков вновь охотно приезжают представители старшего и молодого поколения писателей России: Андрей Битов, Асар Эппель, Вячеслав Пьецух, Владимир Салимон, Макс Амелин, Антон Уткин. Некоторые из них — как Андрей Битов, автор «Пушкинского дома», — приехали к нам в мае 2004 г. после тридцатилетнего перерыва, другие приехали в первый раз — но не в последний.

Адам Поморский. ***«Скептик в аду. Из идейной истории русской литературы»***, Варшава, «Опен», 2004. — На польск. яз.

Божена Загурская

СТАНИСЛАВ И ЕКАТЕРИНА

По страницам повести Юзефа Хена о жизни последнего короля Польши

Юзеф Хен

На рубеже 2003-2004 гг. вышла книга, несомненно достойная высшей польской литературной премии «Нике» и переводов на разные языки, в первую очередь на русский, так как на многих ее страницах речь идет о польско-русских отношениях.

Юзеф Хен провел кропотливую работу над художественно-биографической повестью о последнем польском короле Станиславе Августе Понятовском, родившемся в 1732 г. в Волчине и скончавшемся в 1798 г. в Санкт-Петербурге. Этот монарх, овеянный мрачной легендой, с которым история и соотечественники обошлись так несправедливо, в повести Хена явлен в согласии с истиной — человеком необыкновенным, джентльменом до кончиков ногтей, честным и умным политиком. Строитель Варшавы, создатель станиславовского стиля, гуманист, получивший образование на Западе, покровитель музыки, коллекционер и знаток изящных искусств, а также изящных дам, человек, которого ненавидели темные, глупые магнаты, развращенные взятками, — он по крайней мере на протяжении двух веков был фигурой спорной. Взгляды историков начали сталкиваться еще при жизни короля — возможно, это прекратится после выхода книги Хена.

Памяти Станислава Августа посвящено чрезвычайное множество трудов польских историков, в том числе два толстенных тома «Станиславовской Польши глазами иностранцев», составленные Вацлавом Завадским, изданные в 1963 г. и содержащие дневники и записки выдающихся людей, которые описали тогдашнюю Польшу, не зная и не видя, что король окружен враждебными ему людьми, интригами, доносами, агентами соседних держав. По сути дела жизнь Станислава — это история, обладающая силой шекспировской драмы, расписанной на все время его царствования.

На страницах повести королю верно сопутствует рассказчик — француз Гастон Фабр, товарищ, советник, секретарь. Герой вымышленный, хотя в высшей степени правдоподобный.

У Станислава Августа Понятовского было много любовных романов и одна большая любовь — Екатерина Великая. Перескажем русскому читателю эту сюжетную линию повести.

Будучи хорош собой, зная чужие страны и иностранные языки, Станислав пользовался успехом у дам — как из семей польских магнатов, так и во французских салонах. Между тем в далеком Петербурге императрица Елизавета искала жену великому князю и нашла принцессу Софью Фредерику Августу Ангальт-Цербстскую, родившуюся в Штеттине в 1729 году. Пятнадцатилетняя принцесса перешла в православие и стала Екатериной Алексеевной. Имя ей дали в честь императрицы Екатерины I, матери Елизаветы, вечно пьяной нимфоманки, до брака с Петром Великим — Марты Скавронской.

После обручения протек исключительно скучный год, затем состоялась свадьба. Муж ее, последний потомок Романовых, Карл Петер Ульрих из Голштинии, в Санкт-Петербурге перешел в православие и стал великим князем Петром Федоровичем. Молоденькая жена его совершенно не интересовала — его интересовали другие женщины. Через две недели после свадьбы он объявил жене, что влюблен в барышню Карр. По словам Екатерины, великий князь был деликатен... как пушечный выстрел.

К удивлению императрицы, Екатерина никак не рожала. Прежде всего Петр довольно долго не сближался с ней. Наконец она дважды забеременела и дважды выкинула. В конце концов она взяла себе в любовники красавца Сергея Салтыкова и от него родила сына Павла. Императрица тут же взяла

младенца под свою опеку, а Екатерина лежала одна в нетопленой комнате и плакала: слезы у нее текли легко. В день крестин Елизавета принесла ей на золотой тарелке сто тысяч рублей — награду за рождение наследника. Столько же получил и великий князь. Очаровательный Салтыков, высланный за границу, без удержу соблазнял шведок и немок.

Тем временем в Польше семья Станислава, называемая Фамилией и породненная со всей европейской аристократией, опасалась, как бы он не впутался в неподходящий брак. Правда, развестись в этих сферах было нетрудно, тем не менее могли быть хлопоты с разделом имущества. Поэтому его на всякий случай отправили за границу — через Вену во Францию и Англию. В Англии он чувствовал себя отлично. «Англичане укрепили мой характер», — писал он в одном письме. Но ему пришлось возвращаться по приказу отца. Приближались заседания Сейма — лучше пока занять выжидающую позицию. В результате Чарторыские, видя, что Сейм кончается их поражением, сорвали заседания, хотя всегда говорили, что они против подобных поступков.

Вскоре Станислав уведомил оставшегося во Франции Гастона Фабра, что собирается в Петербург. Русские наконец согласились, чтобы сэр Чарльз Вильямс, друг Станислава, стал английским послом, а Станислав — его секретарем. Когда Вильямс представил его ко двору, императрица принимала также графа Лендорфа. Канцлер Бестужев шепнул Екатерине: «Ну каков, ваше высочество?» Она ответила: «Я предпочла бы поляка». Это услышал Лев Нарышкин и рассказал в английском посольстве. Станислав перепугался: он был уверен, что эта немецкая принцесса — прусский агент. Прошло несколько месяцев, в течение которых Станислав вскружил головы многим дамам. Екатерина возревновала: чего это поляк так любезно ведет себя со старой и уродливой княжной Голицыной? Он был таков со всеми, но кроме того семья ему поручила стараться при дворе получить рекомендации своим братьям: Казимежу — на должность коронного полевого гетмана, Михалу — на епископство. Гастон удивлен: почему назначения на высокие посты нужно искать в столице иностранной державы?

Что же касается Вильямса, то он, имея в виду свои дипломатические планы, стал контактировать с Екатериной и ее окружением, «молодым двором». Самые умные придворные сделали ставку на Екатерину — как показала история, они не ошиблись. Вильямс, начитанный, умный, остроумный, поэтически одаренный англичанин, настолько импонировал великой княжне, что она написала для него набросок своих записок, где жаловалась на свою неудачную супружескую жизнь.

Нарышкин заболел — Понятовский от его имени пишет остроумные письма Екатерине. Она догадывается, кто их автор. Назначено свидание. Однажды вечером Екатерина ускользает из дворца к сестре Станислава, где он в то время находился. Полная любопытства, она забрасывает его вопросами о западном мире. Станислав деликатен, любезен, мил. Екатерина просто-напросто влюбилась, притом со взаимностью. «Гастон, — говорит Станислав, — какое очаровательное создание! Что за глаза голубые под черными ресницами! Какой стан! А как она смеется!» Гастон укорил его: «Должно было быть иначе: любовница ради чувственности и политики, а ты вляпался по-настоящему!»

Роман развивается, влюбленные вместе читают «Орлеанскую девственницу» Вольтера, присланную из Варшавы, где эта поэма ходила в списках, так как ее предал анафеме кардинал Флери. Очарованные друг другом, они не замечают, какой вызвали переполох. Елизавете не нравится, что Станислав — католик; мать Станислава, Констанция, урожденная Чарторыская, полна возмущения и ужаса; отец и другие члены Фамилии считают эту любовь политическим успехом. И вновь приближается время Сейма, и вновь ему надо ехать в Варшаву. Влюбленные прощаются в Ораниенбауме. «Я вернусь сюда представителем своей нации, тогда у меня будет дипломатическая неприкосновенность», — обещал Станислав.

Екатерина сходит с ума от тоски. «Голова кружится, — пишет она Вильямсу, — не знаю, что я говорю, что делаю, но должна признаться, что в таком состоянии я первый раз в жизни. Пожалуйста, не оставляйте меня в моем несчастье». Она беспокоится о здоровье возлюбленного: он «такой чувствительный и деликатный». Умоляет Вильямса ходатайствовать перед канцлером Бестужевым. Пишет по-французски письмо Бестужеву, вечно пьяному, украшенному всего четырьмя зубами, физически отталкивающему. Пытается пустить в ход шантаж: «Его возвращение — цена, за которую ваша светлость может приобрести мою дружбу и поддержку в будущем».

Бестужев наконец сдался и написал то, что нужно, польскому министру Брюлю. Написал письмо госпоже Констанции, матери Станислава, возражавшей против его отъезда. Толстый, как бочка, Август III, король из Саксонской династии, объявил: «Поедешь, но не польским послом, а чрезвычайным представителем саксонского электора». Одновременно король сообщил, что казна пуста, и Станислав поехал за свой счет. Кроме того он узнал, что будет под надзором. Фамилия благословила отъезд, любимая кузина Изабелла Эльжбета Любомирская тоже уговаривала ехать.

3 января 1757 г. Станислав со свитой прибыл в Санкт-Петербург. Там он за свои деньги с присущим ему вкусом меблировал свои апартаменты. Вечерами писал речь, которую произнес перед императрицей, откровенно подчеркивая, что говорит от имени его величества короля Польши. По политическим причинам, из-за сильно запутанного узла отношений Польши, Саксонии, Франции, Англии, Пруссии, он не мог тут же ринуться в объятия Екатерины. Но после трех недель ожидания она сама тайком пришла к нему. Свидания были частыми, Екатерина забеременела. Станислав узнал, что будет отцом. По счастью, и Петр бывал у великой княжны. Императрица обрадовалась, ожидая нового потомка династии.

9 декабря 1757 г. родилась Анна Петровна. Великий князь радовался, Елизавета опять-таки забрала младенца к себе, а Станислав вообще не мог увидеть дочь: как любить ребенка, которого он никогда не видел? Екатерина и великий князь получили по 60 тысяч рублей — девочки стоят дешевле, за Павла они получили больше.

Екатерина оправилась после родов, Станислав притворялся больным, чтобы как можно чаще быть с нею, прокрадывался ночами к «возлюбленной Софи». Чуть не разгорелся страшный скандал, когда однажды в белую ночь он наткнулся на великого князя со свитой. Гастон рассказывает, что Петр спросил одного свитского: «Кого ты видишь?» — тот ответил: «Портного». На этом бы все и кончилось, если б не фрейлина Воронцова, которая всю дорогу объясняла Петру, что это не мог быть портной. В банном павильоне Станислава ждала Софи. На рассвете, когда он выходил, его схватили три всадника и погнали к морю. В море его не загнали — завели в здание, где его ждал Петр. «Скажи правду: ты спишь с моей женой?» — «Нет». — «Останешься тут», — приказал Петр. Пленника стерег генерал. Два часа спустя вошел граф Александр Шувалов, начальник Тайной канцелярии. Станислав заявил: «Вы, я уверен, понимаете, что значит для чести вашего собственного двора завершить это дело быстро и без лишнего шума».

Отозванный в Польшу, Станислав готовился к отъезду; до последних дней он писал свои рапорты — последний датирован 4 августа 1758 года. В тот же день он и выехал. Екатерина, прощаясь, освободила его от обета физической верности: «Ревновать не буду».

В Польшу пришло известие о смерти маленькой Анны: она умерла, прожив немногим больше года. Екатерина, по русскому обычаю, расцеловала ручонки девочки, лежавшей в гробу.

17 июля 1762 года. Станислава будит курьер от Брюля с известием о государственном перевороте в Санкт-Петербурге. Преображенский полк во главе с братьями Орловыми арестовал Петра III, и тот подписал отречение от престола.

Станислав долго ждал письма от Екатерины. Дождался — сначала записки, в которой она просила пока не приезжать: «Твое пребывание в нынешних обстоятельствах для тебя будет опасным, а для меня вредным. Положение критическое, а дела серьезны. Я уже три ночи не спала, за последние четыре дня ела только два раза. Adieu, portez-vous bien. Catherine [Прощай, всего доброго. Екатерина]». Это уже было прощание. Исчезла великая княжна, «возлюбленная Софи», на письма Станислава отвечала императрица Екатерина II, извещая, что для нежных писем не время. Она сердится: «Ты читаешь мои письма невнимательно, я тебе сказала и повторяю, что подвергнусь опасности, как только ты ступишь на землю России». А потом: «Вижу, что ты решил не понимать того, что я повторяю вот уже полгода: если ты появишься, нас обоих зарежут». И он считает, что она его не поддерживает. Как это возможно? Дважды Софи пишет о его неблагодарности: один раз — за то, что он назвал ее «пугливой» только потому, что она не желает его приезда; другой раз она пишет, что не ожидала, чтобы за все знаки дружбы он отплатил ей «черной неблагодарностью».

Комментарий Юзефа Хена: «Лицемерие и гнев уставшей, раздраженной настояниями женщины — бывшей любовницы, соединенные с демагогией императрицы».

Покидая Санкт-Петербург в 1758 г., Станислав был уверен, что еще сюда вернется. Вернулся он сорок лет спустя — в город, где ее уже не было.

ПЕРЕСТАТЬ ДУМАТЬ О МУЗЫКЕ Я УЖЕ НЕ МОГУ

Беседа с генеральным директором, художественным руководителем и главным дирижером Варшавской оперы Яцеком Каспшиком

Варшавский «Большой театр — Национальная опера» (так он официально называется) не случайно считается визитной карточкой польской культуры. На его сцене (кстати, самой большой в мире) ставятся лучшие творения польских композиторов и произведения мировой классики. Но в последние годы театр, закрепивший за собой славу хранителя классических традиций, приобрел репутацию и самого авангардного музыкального театра Европы. Непростым делом стало попасть в Варшавскую оперу, постановки которой все больше и чаще хотят видеть за рубежом. Во время гастролей варшавян в Москве зрителям московского Большого театра уже удалось познакомиться с современными постановками спектаклей «Король Роже», «Страшный двор» и «Евгений Онегин».

Растущий престиж Большого театра заслуженно связывают с талантом его директора Яцека Каспшика, работавшего почти со всеми самыми известными европейскими оркестрами и дирижировавшего во многих оперных театрах и филармониях мира.

— Каким вы видите ваш театр?

— Для меня, да и для всех поляков, варшавский Большой театр, вероятно, как и для россиян московский, — культурный центр страны, вбирающий в себя национальные традиции и лучшие образцы современной цивилизации. Знаете, в Польше очень глубоки традиции оперы. Известно, что ее слушали в Королевском замке уже в первой половине XVII века, во времена короля Владислава IV. Потом оперные спектакли давались в различных варшавских залах и дворцах, а в 1833 г. открылось здание, сооруженное для оперной, балетной и драматических трупп по проекту Антонио Корацци. Тогда его хотели назвать Национальным театром, но российские власти, по-видимому, встревожились такой патриотичностью и согласились только, по примеру Москвы, на Большой театр. Правда, был позволен польский репертуар.

— Насколько нынешнее театральное здание, у которого всегда останавливаются экскурсанты, похоже на историческое сооружение?

— Сегодня от проекта Корацци остался только фасад. Здание неоднократно перестраивалось, а во время войны немцы, подвергнув бомбардировке Варшаву, «накрыли» и театр. Там, где среди других замечательных певцов звучал голос итальянского тенора Энрико Карузо и гремел бас великого Федора Шаляпина, нацисты расстреливали гражданское население. Здание было восстановлено в 1965 г. по совершенно новому проекту. Почти вдвое увеличилось число мест для зрителей в главном зале имени Монюшко — их теперь две тысячи. А сцена стала самой большой в мире. Ее техническое совершенство дает возможность поставить любой спектакль.

— Вы всегда подчеркиваете, что поднять ранг театра может высокий уровень репертуара. Что нового будет в наступающем сезоне?

— 24 сентября новый сезон традиционно откроется одной из самых любимых опер поляков — «Страшным двором» основоположника национальной оперной школы Станислава Монюшко. Несмотря на то что два года назад мы осуществили постановку «Онегина», я пришел к выводу, что в оперном репертуаре нам по-прежнему недостает Чайковского. Надеемся, что гвоздем сезона может стать декабрьская премьера «Пиковой дамы». Это будет постановка Мариуша Трелинского, имевшая успех в Берлинской опере. Дирижировать будет Казимеж Корд, который, между прочим, с этой замечательной оперы и начинал свою международную карьеру. Известный маэстро, закончив свое многолетнее руководство Национальной филармонией, с энтузиазмом и радостью принял наше предложение. Впрочем, и для меня «Пиковая дама» была дебютом за рубежом — в дюссельдорфской Немецкой опере. После этого я четырежды соприкасался в своей работе с этой великой оперой Чайковского.

Предполагаем, что большим событием для театра станет фестиваль Джакомо Пуччини в октябре. Откроем мы его премьерой «Тоски» в такой, я бы сказал, современной сценической форме. Покажем также «Мадам Баттерфляй» и «Турандот». Кроме того пройдут отдельные концерты симфонических и камерных произведений знаменитого итальянского композитора. Так что музыкой Пуччини публика сможет наслаждаться в течение двух недель. Заграничные турне мы начнем с Фестиваля Афродиты в Пафосе на Кипре, где в красочной сценографии руин средневекового замка на побережье покажем «Риголетто». В феврале на нашей гастрольной карте фестиваль в Гонконге, где мы трижды покажем «Отелло». А закончим сезон в Японии «Саломеей» Рихарда Штрауса.

— При постановке «Пиковой дамы» вы принимаете во внимание опыт российских театров?

— Конечно. Прежде всего — успех Мариинского театра. Кстати говоря, в этом году во время пребывания в Варшаве директора Академии молодых певцов при Мариинке Ларисы Гергиевой мы договорились, что наше сотрудничество будет постоянным. Самых талантливых солистов мы будем приглашать в свои спектакли. Впрочем, мы уже начали это делать: успех Екатерины Соловьевой, исполнившей партию Татьяны в премьерных спектаклях «Онегина», и Екатерины Семенчук в заглавной партии «Кармен» — подтверждение этому. Я вообще считаю, что молодым артистам надо давать больше возможностей показать себя: очень часто за неизвестной широкой публике фамилией скрывается оригинальное исполнение и воплощение сценического образа. Таланты нельзя упускать из виду.

— Упомянутая вами «Кармен» — возобновление совсем недавней постановки. Последняя премьера прошлого сезона, «Саломея», была на сцене одиннадцать лет назад. А вот «Путешествие в Реймс» Россини имело польскую премьеру. Как спектакли попадают в репертуар?

— Есть оперы, которые, будучи на слуху, очень любит публика. К таким, например, относится «Кармен». Любят и «Травиату», которой тоже не бывает слишком много. Возвращение «Саломеи» можно считать подтекстом к желанию поставить и другие оперы Рихарда Штрауса. Хотелось бы также показать оперы чешского композитора, фольклориста и дирижера Леоша Яначека, которых никогда не было на нашей сцене. Но приходится проводить очень тщательную селекцию: финансовый лимит позволяет поставить в сезон только три новых оперных спектакля.

— Сочетание классического начала и авангардизма не противоречит театральной стратегии репертуара?

— Думаю, что нет. Главное — сохранить баланс между сложившейся классикой и новым репертуаром. Какой бы консервативной ни была оперная публика, она всегда испытывает интерес к новшествам. Правда, тут всегда остается вопрос: как мы это делаем? Если интересно, последовательно и логично — публика оценит по достоинству.

— Публика наверняка оценит по достоинству появившееся на афише нового сезона имя Бориса Эйфмана...

— Искренне рад говорить о новом уровне сотрудничества с замечательным и любимым у нас хореографом. Почти два десятка лет знаменитый Театр балета Бориса Эйфмана из Санкт-Петербурга выступает на нашей сцене. Год назад Борис поставил с балетной труппой нашего театра спектакль «Чайковский: мистерия жизни и смерти», который прочно занял место в текущем репертуаре. В наступающем же сезоне в нашем театре состоится европейская прапремьера вечера балета, посвященного Баланчину, — это представление Борис Эйфман готовил в Нью-Йорке к 100-летию великого хореографа и имел там большой успех. Надо сказать, что мы очень внимательны к творчеству хореографов российской школы балета. Не сходит с афиш «Лебединое озеро» в постановке Ирека Мухамедова, тепло встречена «Баядерка», выпущенная Натальей Макаровой в этом году и включенная в репертуар наступающего сезона. И в этом нет ничего удивительного. Мы представители славянской культуры, и русская музыка нам так же близка, как и польская. Нас связывают переживания в понимании искусства и его часто безумной, как многим может показаться, экспрессии.

— Мариуш Трелинский пришел в Большой театр из кино и стал известным в мире оперным режиссером. А работавший у вас в прошлом сезоне Мартин Отава — опытный режиссер Пражской оперы. Чем вы руководствуетесь при выборе постановщика?

— В творческом человеке меня всегда занимают идеи и качество их воплощения, в данном случае — в спектакль. Еще я стараюсь найти сторонника своего понимания музыкального зрелища. В некоторых странах, в том числе и в Польше, я замечаю большую опасность: приобретается привычка смотреть оперу, а не слушать. Это может привести к абсурду. Я не представляю себе оперного спектакля, в котором композитору и его

произведению отводится второстепенная роль, а на главное внимание претендует картина происходящего. И потому не хотел бы даже допускать, чтобы композитор, к примеру Чайковский, Верди или Пуччини, стал сопровождающим элементом, а эксперимент выходил на первый план. Композитор выбирает либретто и наполняет его музыкальными образами. Когда мы говорим: «Евгений Онегин» Чайковского, то должны представлять ви́дение Петра Чайковского и его брата Модеста, писавшего либретто на основе пушкинского романа в стихах. Это отнюдь не Пушкин в сопровождении Чайковского. Так же, как в опере «Отелло» — сначала Верди, а потом уже Шекспир. Музыка в опере должна быть превыше всего. Это может звучать ортодоксально и даже в какой-то степени консервативно, но зато несет здравый смысл и спасает от опустошения оперное произведение.

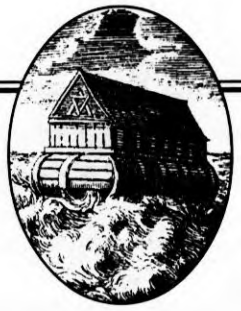
— Культ дирижера развился довольно поздно, но, кажется, именно в наши дни он достиг апогея. Почему так произошло?

— Думаю, что нам, современным дирижерам, помог Артуро Тосканини, первым отважившийся решительно положить конец традиции, согласно которой главное в опере — это певцы, то есть прославление голоса на канве композитора. Тосканини сказал, к примеру, что в операх Верди певцы-исполнители являются лишь элементом воплощения на сцене поистине психологических музыкальных драм. Основная же драматургия у крупных композиторов содержится в оркестре. Композитор больше всего времени посвящает инструментовке, считая ее самым важным. Если бы речь шла только о голосе, то его можно подчеркнуть, как это делали Беллини и Доницетти в аккомпанементах для бельканто. Да и либретто, собственно, никогда не было ничем серьезным и интересным, ибо тоже настраивалось на волну певцов. Но если мы имеем дело с «Отелло» Верди, то вся трагедия концентрируется в оркестре, в инструментовке. Композитор представляется самой важной фигурой. А блюстителем его творения становится дирижер — одновременно режиссер, передатчик и связной всего спектакля. Вот поэтому, как мне кажется, мы ходим сегодня в оперный театр не только для того, чтобы услышать высокие ноты тенора, но увидеть и пережить всю трагедию. При этом само собой разумеется, что тенор будет феноменально петь, не подкачает ни сопрано, ни остальные солисты, а все это будет сопровождаться спевшимся хором и сыгранным оркестром. Не представляю, например, «Бориса Годунова», которого пытается вытянуть только заглавный исполнитель. Величие драмы Мусоргского рассчитано на совокупность всех элементов воплощаемого на сцене произведения. А следит за этим — дирижер.

— Совмещение административных и художественных функций в театре — довольно тяжкая ноша. Позволяет ли она вам, известному в мире дирижеру, переключаться на другие «объекты»?

— Недавно я был в Китае — дирижировал Национальным филармоническим оркестром. Публика принимала блистательно, так что вернулся я вдохновленным. Вообще говоря, занятость у меня, помимо родного театра, большая. Почти одновременно готовился к двум премьерам — дирижированию оперой «Тоска» на фестивале Пуччини в Торре-дель-Лаго и постановке «Короля Убю» Пендерецкого в буэнос-айресском театре «Колон». Пришлось летать туда-сюда между Миланом и аргентинской столицей. В середине ноября начинаю работать над «Евгением Онегиным» в Севилье. А кроме этого — симфонические концерты. Конечно, трения случаются, но скорее по административной линии. Что касается художественного руководства — с этим нареканий нет. Рабочий день часто становится безразмерным, но я не сетую и не жалуюсь. Я привык загружать себя работой, и она меня не мучает. Правда, моя частная жизнь уже стала продолжением профессиональной. Перестать думать о музыке я уже не могу. Когда выдается свободная минута — меня тянет к... новым партитурам.

*Беседу вел **Валерий Мастеров**, собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве, — для «Новой Польши»*



ФОНД «ПОГРАНИЧЬЕ» НАГРАЖДЕН МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИЕЙ ИМ. АЛЕКСАНДРА ЛАНГЕРА

«Пограничье», «Pogranicze», «Terra di confine», «Grenzland», «Borderland» — фонд был создан в 1990 г. в Сейнах, городе с шеститысячным населением, расположенном в северо-восточной Польше, близ границы с Литвой, на перекрестке народов, религий и вековых традиций. Его учредила небольшая группа деятелей культуры, активных участников подпольной «Солидарности» 1980-х, которые в этом месте, казалось бы, столь далеком от центра, начали органическую, терпеливую работу над памятью, в эпоху ПНР фальсифицированной или поставленной под запрет. Поэтому для своей деятельности они выбрали еврейский квартал в городе, где до войны евреи составляли почти 30% жителей. В реставрированных помещениях бывшей синагоги, талмудического училища и ивритской гимназии они взяли под опеку традиции живущих здесь сегодня поляков и литовцев, цыган и старообрядцев и наследие уничтоженной во время Катастрофы еврейской общины, а также следы других меньшинств, обитавших на этом пограничье Польши с Литвой, Украиной и Калининградской областью.

Ведя исследовательскую и образовательную, а также художественную, связанную с театром, кино, музыкой и различными областями визуальных искусств деятельность, «Пограничье» в последние годы стало в Центральной и Восточной Европе (особенно в таких регионах, как Трансильвания, Буковина, Босния, Косово) важной точкой опоры для организаций и учреждений, стремящихся противостоять поползновениям национализма, расизма и антисемитизма. Об исполнении этой роли свидетельствуют такие начинания, как создание центра «Пограничье — искусств, культур, народов», Европейская школа «Пограничья», «Кафе "Европа"» («летучее» литературное кафе, место встреч и споров представителей художественной и гуманитарной интеллигенции), театральные коллективы (детский, работающий над программой «Сейненские летописи», и молодежный Сейненский театр) и клезмерская капелла, в которой играет уже третье поколение местной молодежи. «Пограничье» располагает также своим издательством и центральноевропейским журналом «Красногруда» — название журнал получил от расположенной неподалеку местности, где находится старинная усадьба, с которой связан семейными узами нобелевский лауреат Чеслав Милош, друг и духовный отец учредителей «Пограничья». В этой усадьбе они планируют создать Международный центр диалога.

В центр своих интересов «Пограничье» ставит тему границы, вокруг которой вращается история Польши — страны, границы которой в прошлом всегда были шатки и ненадежны, а после II Мировой войны сильно сдвинулись на запад; страны, пережившей травму переселений и миграций: на западе — немцы, беженцы и выселенные; на востоке — белорусы и украинцы; поляки, переселенные с восточных земель на западные; уничтоженные евреи. В результате возникла страна этнически очень цельная, что в высоких международных сферах считается предвестием мира и затухания конфликтов. Однако «Пограничье» решило пойти в противоположном направлении: местом жизни и работы они выбрали пространство скрещивающихся границ, убежденные в том, что сосуществование разных народов, традиций и мировоззрений — это не только проблема или непреодолимая трудность, но, наоборот, потенциальная возможность обогатиться.

Гельмут Мородер, президент Фонда им. Александра Лангера

Премия вручена 4 июля в Больцано на международной встрече «Евромедитерранеа», посвященной теме «Европа 25-ти: пример Польши». 7 июля в Риме для представителей «Пограничья» устроил торжественный прием председатель Палаты депутатов итальянского парламента Пьер Фердинандо Казини.

О деятельности фонда «Пограничье» см. «Новую Польшу», 2001, №1.

Лешек Вонтрубский

КАК ЖИВЕТСЯ «БЕЛОРУССКИМ ПОЛЯКАМ»?

В варшавском «Доме Полонии» состоялась презентация книги историка Тадеуша Кручковского «Поляки в Белоруссии на фоне истории и современности». Этот научно-популярный труд стал результатом как научных изысканий автора, так и его многолетней публицистической деятельности. Автор книги окончил исторический факультет Гродненского университета, в 1993 г. защитил в московском Институте славяноведения и балканистики РАН кандидатскую диссертацию на тему «Польская проблематика в русской историографии II половины XIX века»; работает преподавателем на кафедре всеобщей истории Гродненского университета; занимается проблемой «Польша и поляки как нация в русской историографии XIX и начала XX веков»; разрабатывает проблематику польско-белорусских отношений в белорусской историографии II половины XX века и поляков как национального меньшинства в Белоруссии. В 2000 г. был избран председателем Союза поляков в Белоруссии (СПБ).

В главе, посвященной праву и современной действительности, Тадеуш Кручковский пишет:

«В настоящее время поляки в Белоруссии составляют второе после русских национальное меньшинство, насчитывающее, по официальным данным, почти 400 тыс. человек (4% населения Белоруссии), а по другим источникам — 1,5-2 млн. человек. Фактически же это первое по численности меньшинство, так как в нынешней политической ситуации вряд ли стоит рассматривать русских как национальное меньшинство. При этом следует помнить, что, в отличие от русских, на территории северной Гродненщины поляки — коренное население.

Нужно также иметь в виду, что в советский период поляки были группой населения, обреченной на ассимиляцию путем советизации и белорусизации. Этот процесс в середине 1980-х привел к катастрофической ситуации. Тогда официальная численность польского меньшинства снизилась с 539 тысяч в 1959 г. до 417-ти в 1989-м, а владение польским языком в качестве родного — с 48% почти до восьми. Поляки, лишившиеся польского гражданства, забытые властями ПНР, стали людьми второго и даже третьего сорта.

Перемены в СССР, произошедшие во второй половине 80-х — начале 90-х, уже в независимой Белоруссии положили начало изменению такого положения. Как тогда оказалось, путь к обретению и полному соблюдению прав национального меньшинства в согласии с европейскими стандартами долог. Обусловлено это политикой белорусских властей и отношением значительной части белорусского общества, а также неспособностью самих поляков в Белоруссии в полной мере пользоваться своими правами. Существует также острая необходимость, чтобы польские власти изменили правовой статус поляков, живущих на территории бывшего СССР. Ибо нигде в мире после аннексии не давали автоматически новое гражданство и не отнимали предыдущего.

Большинство поляков в Белоруссии до сих пор не осознало перемены своего положения в восприятии белорусов и русских. Поляки в Белоруссии стали теперь привлекательной категорией населения, обладающей огромными перспективами развития. Такое положение дел обусловлено успехами реформ, достигнутыми в Польше за последние десять с лишним лет, а также возможностью устанавливать дсловые связи с Польшей».

Книга Т.Кручковского показывает прошлое Белоруссии и историю польско-белорусских отношений в свете русской историографии второй половины XIX и начала XX веков. Значительное место автор уделяет при этом Адаму Мицкевичу, уроженцу Белоруссии, в контексте изучения русской общественной, литературной и исторической мысли. В то же время автор широко представляет польское меньшинство в Белоруссии — как в историческом, так и в этническом аспектах. Он размышляет также о настоящем и будущем поляков, живущих за восточными рубежами Польши, особенно на Гродненщине, откуда он сам родом.

В своей книге Т.Кручковский сравнивает положение поляков в Белоруссии с положением белорусов в Польше:

«У белорусов в межвоенной Польше были свои, белорусские школы; существовала белорусская печать; белорусские проблемы обсуждались в польском парламенте. В советской же Белоруссии в этот период проходила насильственная коллективизация, сопровождавшаяся голодом, а также националистический эксперимент в Дзержинском районе, закончившийся для большинства поляков гибелью в Куропатах, ликвидацией костелов и польских школ.

То же самое происходило и после II Мировой войны: в 1948 г. в Белоруссии была закрыта последняя польская школа. Так было до конца 80-х. И употребление польского языка фактически становилось делом политическим, считаясь антисоветской деятельностью. А тем временем в Польше, в Белостокском воеводстве, развивалась сеть белорусских школ».

Интересна также картина ближайшего будущего, которую развивает в своей книге Т.Кручковский. Он считает, что «если мы, поляки, как национальное меньшинство, примем существующие права и обязанности, это упрочит нашу позицию в белорусском обществе в тот момент, когда оно дозреет до стандартов западной демократии. Это станет заметно уже во время предстоящих местных и парламентских выборов. Власти убедятся, что следует считаться с голосами избирателей на всех уровнях, и отношение к полякам в местах их компактного проживания резко переменится. В настоящее время мы можем только вести переговоры с властями, сообщать, какие у нас проблемы, и пытаться договориться. В ближайшем же будущем мы станем их партнерами, как и должно быть в гражданском обществе. Во время, например, президентской избирательной кампании мы, поляки, как лояльные граждане Белоруссии имеем право спрашивать кандидатов об их отношении к нашим проблемам — таким, как польское обучение в школах, государственная поддержка польской культуры, финансовая помощь польским организациям или, наконец, поддержка, которую следует оказывать польской печати, как это делает Польша в отношении белорусской печати.

В нынешней ситуации мы должны также не забывать, что сегодня уже нет необходимости в чрезвычайных усилиях по сохранению польской самобытности. Иногда достаточно написать заявление и отдать ребенка в польский класс. Теперь не нужно опасаться этих шагов: никого уже за это не посадят за решетку и не выгонят с работы. Даже представители властей утверждают, что в настоящее время никто уже не может устрашить людей. Понятно, что в селах положение выглядит иначе и неприглядные вещи там случаются, однако мы не должны дать себя запугать».

Глава о правах польского меньшинства и современной действительности заканчивается призывом автора — напомним, председателя Союза поляков в Белоруссии:

«Руководство СПБ обращается ко всем полякам с призывом сообщать в главное правление СПБ в Гродно обо всех помехах властей процессу восстановления польской самобытности или записи детей в польские классы. О возникающих проблемах будут немедленно поставлены в известность центральные власти Белоруссии и Польши».

В обсуждении книги Тадеуша Кручковского приняли участие председатель объединения «Вспульнота польска» («Польская община») Анджей Стельмаховский, научный сотрудник Института археологии и этнологии ПАН Ивона Кабзинская, деятели культуры, журналисты. Все признали ее чрезвычайно ценным трудом, вносящим много нового в тематику «Поляки в Белоруссии». Книга вышла в свет в Белоруссии тиражом 2 тыс. экз. благодаря помощи польского Сената, посольства Польши в Минске, объединения «Вспульнота польска» и Польского института в Минске.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Давно уже идут дискуссии о соотношении между высокой культурой и тем, что называют культурой «массовой». В последнее время они обострились в связи с нашествием «постмодернизма», который свергает авторитеты, элиминирует «великие повествования», устраняет понятие центра и — волей-неволей — подвергает сомнению существование иерархии, в том числе, а может быть прежде всего, в искусстве. В последнем номер журнала **«Res Publica»** (2004, №3) вышел блок статей, посвященных этому вопросу. В редакционном введении говорится:

«Своим названием высокая культура обязана соотношением с низким и заурядным. Она выигрывает на этом контрасте, но такое соседство ее смущает, поэтому она старается доказать свою самодостаточность. Мы пытаемся показать массовую культуру без презрения, с интересом, одновременно стараясь не флиртовать с нею. Мы признаём ее частью нашей современности, общей всем нам, как воздух».

Ну что ж, тем, у кого короткая память, стоило бы припомнить, как делал это в свое время Бахтин, что существует карнавальная стихия, которая существовала намного раньше, чем «наша современность» — дело старо, как мир. И все-таки стоит приглядеться к рассуждениям на эту тему, которые появляются в период отпусков 2004 года.

Агата Белик-Робсон в статье «Народная культура современного человека» пишет:

«Я с недоверием отношусь к терминам "низкая культура" и "поп-культура". У меня такое впечатление, что эти термины создали люди, которые готовы приписать себе принадлежность к Элитарной, Высокой и Изысканной Культуре, то есть, попросту говоря, снобы. (...) Вне зависимости от политических пристрастий — прогрессивных или реакционных, — Европа до боли элитарна: как только ставится вопрос об эстетике, Ортега-и-Гассет и Теодор Адорно тут же подают друг другу руки. (...) Однако похоже, что невозможно увлечься современностью, одновременно кривясь при виде массовой культуры. Это своего рода ложная вера, довольно типичная для европейцев, за высоким стилем и снобизмом которых всегда как будто таится антимодернизм (...). Среди европейских высоколобых modernitas не пользуется большим признанием, а если и возбуждает интерес, то всегда амбивалентный — хотя бы как у Бодлера, которого влекло и в то же время отталкивало хаотическое, лихорадочное, торговое движение парижских аркад. (...) Ханна Арендт, Мартин Хайдеггер, У.Б.Йетс — можно было бы до бесконечности перечислять европейских высоколобых, антимодернистские неприязни которых в конечном счете породили картину полного, апокалиптического катастрофизма. (...) В плачах катастрофистов появляется отчетливая нота опасности: современность являет свою ужасающую сторону, ибо вместе с ней появляется новая культура, которая грозит упадком старой культуры, то есть — как легко догадаться — культуры вообще. Новый человек (...) разрушает иерархию, построенную на неравенстве аффектов и потребностей, на идеальном образе духовной аристократии. При этом рушится типично модернистский стиль повествования, в котором первенствовали Флобер и Пруст».

Белик-Робсон отыскивает истоки этого явления в елизаветинской Англии:

«Первый лишенный корней пролетариат и его первая сцена, лондонский театр Марло и Шекспира "Глобус" — вот истинное начало массовой культуры, народной культуры человека Нового времени. Начало нового универсализма, основанного не на абстрактной возвышенной гуманистической идее, а на приведении к заурядному и массовому, к всеобщности, черпающей из самых низких и самых надежных общих знаменателей, выравнивающей и отменяющей различия перед лицом той самой ультрадемократической силы современности, которая лишает корней, улетучивает и освобождает вне зависимости от социального характера и происхождения. Все постоянное испаряется, все святое подвергается профанации. Ни тебе дворянина, ни мужика. В культуре все оказываются наравне. (...) высокая культура после Шекспира, сознавая то разделение, которое ее породило, будет отныне поддерживать этот исходный антагонизм. Стирая присутствовавший в ней с незапамятных времен универсальный

элемент, она характерным образом пригнетет слово "массовый", наделив его ограниченным значением, отсылающим к восприятию массовому как неизысканному. Позднее положение пытался изменить романтизм, со страстью погружаясь во все низкое, чтобы сохранить его в высокой поэтической форме. Превыше всего он жаждал возврата к Шекспиру».

Просто не удержаться, чтобы не вспомнить еще одну попытку — утопию «социалистической культуры», появляющуюся в программных высказываниях авангардистов XX века с их картиной массовой культуры нового типа. Ибо, как писал в Польше в начале прошлого века Станислав Бжозовский, «только пролетариату нужна современная культура (...), только он ничего в этой культуре не страшится». Между тем автор статьи пишет:

«В Америке дела выглядят несколько иначе. Массовая культура возникает там почти немедленно как символическое эсперанто, способствующее взаимопониманию между народами, ведущими происхождение от различных местных культур. И тут главную роль играет лишение корней, обнажающее голую и простую суть человека как такового, его элементарные чаяния и страсти, — однако здесь эта роль куда более явно позитивна, не перегружена такой головокружительной амбивалентностью, как в Англии. Английский опыт лишения корней, хоть и освобождающий, тем не менее связан с утратой (...) Для нового народа Америки лишение корней означает попросту освобождение».

В этой элегантной конструкции, конечно, нет и мысли принять во внимание довольно специфическое «освобождение», ставшее участью коренного населения колонизованного континента, но, когда рассуждаешь на таком уровне абстракции, это не имеет особого значения; а такая мелочь, что оная «свободолюбивая и анархическая культура» возникла на руинах раздавленных ею цивилизаций, не заслуживает внимания. Для Белик-Робсон существенно сконструировать эти две модели: радостную, пионерскую модель американской массовой культуры и отмеченную «головокружительной амбивалентностью» европейскую модель. В которой к тому же вроде бы наблюдается застой:

«Ancien régime высокого стиля лишь изредка потрясается веянием подлинной анархии, и по сути дела все остаются там, где были и раньше. Даже те европейские интеллектуалы, что более других благорасположены к эмансипирующим устремлениям Нового времени, обладают настолько разделенным восприятием, что не в состоянии усмотреть в массовой культуре ее подлинный потенциал свободы. Особенно любопытный пример представляет Адорно, гротескные филиппики которого против массовой культуры должны стать незабываемой поддержкой каждому европейскому высоколобому. (...) Адорно насмехается над популярной культурой американского self made man'а, неутомимо разоблачая ее до глубины буржуазную наивность. И опять-таки с упорством, достойным лучшего применения, он противопоставляет ее своим высоким модернистским ностальгиям, как бы не помня того, что Европа со всем ее катастрофизмом и несвоевременным чувством трагедии погрузилась в пароксизм великого отвержения современности. Видя действительно современную культуру, он, человек, который всю жизнь мечтал об идеальной современности, отвергает ее с той же самой неприязнью, что и те, чьи катастрофические иеремиады укрепили антимодернистские позиции и проложили путь фашизму (...). Адорно слеп к творящейся на его глазах очевидности — хотя бы к тому, что высмеиваемая им массовая культура относительно свободна от антисемитских предрассудков, каких полно в "эллинистической", от природы недоброжелательной к "гебраизму" высокой культуре Европы».

Уф-ф-ф! По крайней мере какой-то реальный прогресс автору удалось показать: эта «относительная свобода» (надолго ли?) массовой культуры от антисемитизма в сравнении с пропитанной антисемитизмом (по Белик-Робсон) высокой культурой должна стать достойной ценой за принятие господства примитивизма. Лично от меня большое спасибо. И тем большее, что меня не увлекает картина будущего, рисуемая в статье:

«Конечно, лучше всего было бы раз и навсегда сбежать с планеты Адорно и свободно пользоваться обеими культурами вместе — например устраивать милые посиделки за пивом с разговорами о поэзии Стефана Малларме, прислушиваясь — на фоне — к экспериментальным звучаниям Зигги Стардаста. Или читать Блейка под "Верв", а если кто предпочитает — Гельдерлина под Рамштейна. Может быть, из этого плавильного котла влияний, которым подверглись наши младшие, пост-адорнианские поколения, выйдет какой-то живительный сплав, который повторит успех шекспировского смешения?»

Зачем, однако, музыку оставлять на фоне? Уже если да, то да — пустить Стардаста на полную катушку. Только с кем поговорить обо всех этих Малларме?

Шутки шутками, а проблема действительно существует. Все чаще звучат голоса, выступающие за равноценность высокой и популярной, или массовой культуры. На это обращает внимание в фельетоне «Путаница, или Оглупелое слушанье» прекрасный, хотя и спорный, музыкальный критик Анджей Хлопецкий на страницах **«Газеты выборчей»** (2004, №174):

«"Его место в культуре XX века — рядом с Беккетом и Стравинским, Элиотом и Матиссом". Подобное мнение сообщил — но не как свое — Ежи Ярневич [переводчик англо-американской поэзии, автор статей о ней], публикуя текст "Канонизация Боба Дилана". Он пишет, что такие суждения раздаются в кругах интеллектуальных элит (да и кого же, честно говоря, кроме элиты могут волновать эти четыре имени, поставленные рядом с Диланом?). Автор ставит такой диагноз: "Поколение, которое росло вместе с Диланом, заняло место прежнего истеблишмента, и сегодня оно раздает звания и почести, проводя перетасовку в культурных иерархиях. Похоже, что это канонизация не столько самого Дилана, сколько представляемого им искусства". Диагноз заслуживает того, чтобы его обдумать и продолжить. Я пошел бы дальше: это канонизация самого этого поколения, его юношеских пристрастий и вкусов, лелеемых по сей день. Так странно складывается, что в кругу моих юношеских пристрастий были и Дилан, и Битлы, и у меня нет оснований и сегодня пересматривать эти вкусы. (...) Но в то же время так странно складывается, что в этом моем кругу "альтернативных пристрастий" была новая музыка со Стравинским на пьедестале. Эта любовь жива и по сей день, но все время пересматривается, преобразуется, некоторые этапы творчества или отдельные сочинения Стравинского на карте моего слушанья обогащаются, насчет других я испытываю больше сомнений, чем когда-то. Если Дилан в середине 60-х восхищал меня своим зонгами, если календарно я принадлежу к тому же поколению, которое его сегодня "канонизирует", то почему я противлюсь тому, что барда с гитарой и прицепленной на стояке губной гармоникой ставят в один ряд с автором "Весны священной" (...)? Потому что такие восторги, помещенные в одно пространство оценок и описания, столь же фальшивы, безосновательны и безуспешны, как втискивание в одну и ту же категорию разных вещей — зодчества готических соборов и урбанистических решений торгово-развлекательных центров, станковой живописи и поэтики политического плаката, вкуса венского шницеля и вкуса фисташкового мороженого. Художественные круги Голландии, крайне альтернативные в отношении утвержденных академическими кругами критериев оценки, и те забурлили, когда в 2000 г. бюллетень ежегодного Голландского фестиваля провозгласил Фрэнка Заппу "одним из самых выдающихся и особенно влияющих на музыку композиторов XX столетия". Конфуза добавил в ходе фестиваля еженедельник "Сосайти", молниеносно проведя по этому вопросу анкету среди композиторов, дирижеров, критиков. И вот что отвечает знаменитый дирижер (Рикардо Шайи): "Заппу можно сравнить с Малером, Стравинским, Варезом и Бартоком, так как ему несомненно причитается уважение" (вот это называется политкорректность: уважение как аксиологическая категория в искусстве!..)»

Прибавим к этому дискуссию, которую вызвало выступление исполнителей музыки хип-хоп перед папой Иоанном Павлом II: не означает ли это санкционирование хип-хопа как музыки, достойной высокохудожественных салонов? Нет, не означает. Не представляет «шекспировского смешения», которое внесет новые импульсы в искусство, и телевизионный клип, рекламирующий пиво под музыку Шопена. Верно замечает Хлопецкий и то, что ди-джеи, представляющие поп-музыку, «пробираются в прихожие некоторых ночных программ достопочтенной II программы Польского радио, через черный ход пытаются пролезть на фестиваль "Варшавская осень"», пропагандирующий новые направления развития музыки, которую принято называть серьезной. Не удивляюсь я и тогда, когда читаю в статье Бартоша Курца в последнем номере вроцлавской **«Одры»** (2004, №7-8):

«Серьезная критика заинтересовалась комиксом в 60-е годы, в эпоху поп-арта, который эту эстетику буквально использовал; в частности Уорхол, Лихтенштейн, Рамос вводили героев комиксов и соответствующую манеру рисунка в галереи и музеи. Закрыть двери, однажды выломанные, уже не удалось. Массовую культуру начали рассматривать как форму искусства».

Ну что ж... Когда-то я ехал в метро в Мехико и заметил, что почти все пассажиры читают. Меня поразило, однако, что страницы они переворачивали с необычайной быстротой. Когда я лучше присмотрелся к этим книгам, оказалось, что почти все они без исключения были комиксами. Но из этого не следует, что их читатели пойдут в музей на выставку работ Лихтенштейна или Уорхола. Так же, как рэперы или хип-хоповцы вряд ли возьмутся за новый сборник стихов Болеслава Таборского, который в своей поэтике использует их приемы. Искусство давно открыто ко всему, но это не означает, что все есть искусство.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Бесценную коллекцию документов, касающихся прежде всего периода II Мировой войны, передали вроцлавской библиотеке «Оссолинеум» Владислав и Зофья Бартошевские. «Я собираю [печатные издания] уже по крайней мере 70 лет. Моя коллекция книг сгорела во время осады Варшавы, и мне пришлось начинать все заново. Тогда я решил собирать свидетельства общественной жизни, — рассказывает Владислав Бартошевский. — Я выходил из дому после комендантского часа и перочинным ножиком вырезал объявления оккупационных властей. Газеты и листовки я прятал в тайники. От этой дурной привычки я не смог избавиться, даже сражаясь в Варшавском восстании. Когда немцы сожгли город, они снова уничтожили бóльшую часть моей коллекции, однако несколько тайников сохранилось, так что после войны я начинал не с нуля».

• В Кракове, в старинном еврейском квартале Казимеже, прошел XIV Фестиваль еврейской культуры. Это одно из самых масштабных мероприятий, проводимых в городе, и один из нескольких фестивалей такого рода, известных во всем мире. На этот раз организаторы включили в программу особенно много образовательных мероприятий — встреч, мастер-классов и лекций. Однако основой фестиваля продолжает оставаться музыка. О ней говорит Леопольд Козловский, называемый последним клезмером Галиции: «Без клезмеров не обходился ни один еврейский праздник (...) Клезмер не столько играет, сколько рассказывает о судьбах своего народа». Фестиваль известен большим разнообразием программы. Его инициатор и многолетний организатор Януш Макух говорит: «Очень трудно однозначно ответить на вопрос, что подлинно, а что нет. Подлинность не поддается определению, это надо просто слышать». А Майкл Альперт, инициатор возрождения еврейской музыки в США и музыкальный консультант фестиваля, добавляет: «В каком-то смысле все мы имитаторы. Единственный подлинный исполнитель клезмерской музыки — это Леопольд Козловский, который родился и воспитывался в мире довоенных галицийских евреев. Он один из последних, у кого эта культура в крови. Но, с другой стороны, (...) естественное развитие ашкеназийских евреев было жестоко прервано. Мы решили возродить [эту культуру]. Для меня критерий подлинности — не происхождение, а желание познать и понять этот мир». В этом году заключительный концерт на Широкой улице, привлекший полтора десятка тысяч человек, транслировался на специально установленном большом экране в Париже, где как раз проходили дни краковского фестиваля.

• Замойские встречи культур дают возможность вспомнить историю и искусство народов, благодаря которым сегодня Замость внесена в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО как жемчужина архитектуры. «Мы хотим показать многокультурную Замость, — говорит организатор встреч Марек Колцон. — Начиная с XVI века здесь жили итальянцы, армяне, немцы, греки, русины, шотландцы и евреи. Этих людей уже нет, но остались названия улиц, дома, храмы. Мы хотим напомнить об этом».

• «Новые нью-йоркцы и их друзья» — так назвали презентацию своего творчества в Польше представители чуть ли не всех областей искусства, на протяжении последних 50 лет переехавшие из Польши в Нью-Йорк. Их было много: художники, фотографы, музыканты, литераторы. Их привлекла легенда этого города — горнила рас и культур. Они приземлялись в метрополии, чтобы попробовать свои силы на самом конкурентном и агрессивном в мире рынке искусства. Летом этого года они представили свое искусство на большом культурном фестивале в Варшаве, одним из организаторов которого стало посольство США в Польше. Американский культурный атташе Эндрю Косс сказал: «Фестиваль станет свидетельством истинно американского феномена: можно иммигрировать в США, но продолжать любить свою страну и поддерживать связь как с американской, так и со своей родной культурой». В рамках фестиваля варшавяне смогли посетить около 70 мероприятий — выставки живописи, скульптуры, гра-

фики, фотографии, архитектурных проектов, а также концерты, спектакли и киносеансы. Они смогли увидеть картины Анджея Дудзинского, Витольда Качановского, Даниэля Горовица и фотографии его отца — знаменитого Рышарда Горовица. С концертами выступили Уршуля Дудзяк, Михал Урбаняк и замечательный клезмер Дэвид Кракауэр. Прошла выставка архитектурных проектов Даниэля Либескинда, на которой, в частности, были представлены проекты новой застройки на месте разрушенных 11 сентября 2001 года башен ВТЦ. Событием стала премьера спектакля «Замарашка», поставленного по пьесе Януша Гловацкого (автора «Четвертой сестры»), который находится в постоянных разъездах между Нью-Йорком и Варшавой. «Сегодня миром правят СМИ, — сказал Януш Гловацкий. — Они говорят правду или лгут, формируют нас, а если кто-то хочет им противостоять — уничтожают. Об этом и рассказывает „Замарашка"». Добавим, что пьеса была написана в конце 70-х и после введения в Польше военного положения воспринималась как метафора порабощения.

• «Театральный фестиваль в нетеатральных местах» — так определяют свой замысел организаторы Международного театрального фестиваля «Мальта», который в этом году прошел уже в 14-й раз. Познанскими площадями, парками, улицами и заброшенными заводскими цехами на несколько дней завладели артисты из многих стран мира. Как гласила реклама, в рамках фестиваля ежедневно шло 40 спектаклей, и ни на одном из них не было недостатка в зрителях. «Шел дождь, дул ветер, нужно было платить за билеты и искать спектакли в странных местах. Зрители мокли, мерзли, платили и искали. Наконец после уличного празднества с фейерверками пришло время вернуться в театр, хоть это и не всем понравилось», — написала рецензентка «Газеты выборчей» Эва Обрембовская-Пясецкая. «Мы приезжаем сюда за небольшие деньги, — сказал Валерий Минаев, один из руководителей петербургской группы «Лицедеи», — потому что здесь на первом месте художественные проблемы. Этот фестиваль растет, так как он прислушивается к новым веяниям, а другие, задержавшиеся на уровне уличных шоу, хиреют и умирают». «ОФФ-ей», единственная премия фестиваля, была присуждена щецинской группе «Подземелье при крипте замка Поморских» за спектакль «Кислород» по пьесе Ивана Вырыпаева. «Это не значит, что мы полностью отворачиваемся от массового зрителя, — сказал директор фестиваля Михал Мерчинский. — Для него было зрелище, организованное по случаю открытия моста Роха, а также оркестр „Баобаб" из Сенегала и вся „Мальта-офф" — небольшие спектакли, шедшие на Рыночной площади каждые полчаса».

• Крупным событием стала премьера нового спектакля Кристиана Люпы «Заратустра», состоявшаяся в рамках Афинского фестиваля в античном Одеоне Герода Аттика на склоне Акрополя. Герой представления — Фридрих Ницше, а материалом послужили его произведения и фрагменты трилогии «Ницше» Эйнара Шлеефа. «Нам годами твердили, что в сегодняшнем мире трагедия невозможна, ибо нет основы, на которую она могла бы опереться, — написал из Афин Марек Микос. — Люпа это опровергает: взяв тексты и биографию человека, провозгласившего смерть Бога, он находит всю драму существования в каждом человеке и создает из этого театр масштаба Эсхила и Софокла». Постановка была осуществлена в краковском Старом театре.

• В цехе Гданьской судоверфи — месте, где родилась «Солидарность», — теперь играют шекспировского «Гамлета» в постановке молодого режиссера Яна Кляты. Спектакль был признан театральным событием. О том, какой ему придается смысл, свидетельствует заголовок напечатанной в газете «Жечпосполита» рецензии Яцека Цесляка «Траурная лента для панны „С"». В восприятии многих зрителей эта панна «С» — погибшая «Солидарность», в данном случае охотно отождествляемая с трагически погибшей невинной Офелией. Спектакль поставлен в гданьском театре «Выбжеже».

• Год Гомбровича в полном разгаре. Театры ставят его пьесы, выставки освещают факты из его биографии, по пирсу в Мендзыздрое во время проходившего там Фестиваля звезд прохаживались четверо переодетых в писателя актеров, а на пляже возле пирса в Гдыне состоялось 24-часовое чтение его произведений. В Витулине, родной деревне писателя, открылся музей Гомбровича. Кроме того оргкомитет Года Гомбровича совместно с «Газетой выборчей» объявил конкурс на лучшее эссе, тема которого сформулирована следующим образом: «Польский дух — ценность или балласт? Должны ли мы изживать свои национальные комплексы или жить с ними, потому что без них мы не будем поляками?»

• В предисловии к новой книге Ежи Помяновского «К востоку от Запада» Леопольд Унгер пишет: «Помяновский — один из немногочисленных (...) популяризаторов и защитников политической идеи (...) которая в упрощенном изложении сводится к „восточной политике" и представлению о месте Польши в мире, изложенному Ежи Гедройцем и авторами „Культуры"». В рецензии на эту же книгу Кшиштоф Маслонь утверждает: «Гораздо существеннее (...) рациональная, весьма критическая оценка польской восточной политики, гораздо важнее то, что автор упорно возвращается к катынскому вопросу — все еще основополагающему в контактах с нашим восточным соседом; гораздо важнее объяснить полякам Россию и те ее проблемы, которые еще Пушкин называл „проклятыми"».

• Станислав Лем, писатель и философ, стал членом Немецкой академии искусств. Лем часто высказывается на актуальные темы. В апреле он писал в газете «Жечпосполита»: «Ничто нас не спасет, кроме спокойных действий, ориентированных на лучшие мировые и польские образцы. Ибо хорошо организованное общество может выдержать самых глупых и слабых властителей, если только они не впадут в безумие агрессии или экспансии».

• Прошло 25 лет со времени самоубийства Эдварда Стахуры — писателя, который в годы поздней ПНР был кумиром бунтующей молодежи. «В своих произведениях он создавал нового героя, в чьем францисканском отношении к жизни и вечном восхищении миром можно было легко разглядеть сходство с идеалами поколения битников», — пишет критик. Стахура был также автором романтических песен, которые он исполнял под гитару. После смерти он почти мгновенно сделался любимцем толпы. В места, связанные с его жизнью, стекалась молодежь со всей Польши. Начали множиться фестивали, посвященные его творчеству (Стахуриады), а переиздаваемые книги мгновенно раскупались.

• В списке бестселлеров на первом месте вновь роман Иоанны Хмелевской — на этот раз «Кошачьи мешки». На второе место вырвалась новая книга Марии Нуровской «Мой друг предатель» — написанный в форме беседы с героем роман о Рышарде Куклинском. Куклинский, герой самого громкого шпионского скандала времен ПНР, передал американцам информацию о планах введения в Польше военного положения. Он умер в США в феврале этого года, незадолго до намеченного переезда в Польшу. На его похороны на варшавское кладбище Повонзки пришли толпы народу. Одни считают его предателем, другие героем. Как бы то ни было, его личность вызывает необычайный интерес. Следующие места занимают романы Катажины Грохоли, Малгожаты Мусерович и Мануэлы Гретковской. В категории документальной литературы наибольшим спросом пользуется книга Иоанна Павла II «Встаньте, пойдем!» и две книги выдающегося философа Лешека Колаковского — «Мини-лекции о максипроблемах» и «О чем спрашивают нас философы?».

• В Гданьском историческом музее прошла крупная выставка, посвященная роли этого города в истории Польши и Европы. «Выставка, — говорит директор музея Адам Коперкевич, — показывает значение и место Гданьска в культуре и политике Речи Посполитой, а также — поскольку Польша была европейской державой — Европы (...) Многие экспонаты прибыли к нам из других музеев. Особую ценность представляет редко вывозимая за границу коллекция золотых изделий из кремлевского музея. Это дары польских королей русским царям, изготовленные гданьскими ювелирами». Выставка состоит из нескольких тематических частей: «Триумф королей», «Посмертная слава королей», «Миф Гданьска в XIX веке», «Политика — дипломатия — война» и «Слава католической Церкви».

• В белостокской галерее «Арсенал» прошла выставка «Малевич в Польше», на которой были представлены работы современных польских художников, возникшие под влиянием картины Казимира Малевича «Черный квадрат». «Идея выставки ясна, — написала в газете «Жечпосполита» Моника Малковская. — Черный квадрат стал синонимом величайшего переворота в искусстве, последствия которого ощутимы до сих пор».

• В варшавском Национальном музее были выставлены картины Витольда Войткевича, художника, умершего в 1909 г., которого Дорота Ярецкая называет «величайшим художником „Молодой Польши" — самым жестоким и ироничным». Далее Ярецкая пишет: «Иногда непонятно, как относиться к его картинам: иллюстрации это или уже живопись? Воспринимать их как злободневные или универсальные? У меня такое впечатление, что именно в этом и состоит исключительность его живописи — в смешении кодов и введении хаоса в знакомые нам понятия».

• В залах мальборкского замка прошла выставка гобеленов из собрания петербургского Эрмитажа. Гобелены, редко выставляемые за пределами России, в свое время были изготовлены на лучших европейских мануфактурах. Мальборкская выставка — одна из крупнейших в мире за последние годы. «Суровые залы мальборкского замка — прекрасный фон для этой экспозиции», — пишет рецензент.

• В Кракове, а затем и в Варшаве прошла Ночь музеев. В эту ночь каждый мог бесплатно посетить крупнейшие и известнейшие музеи Польши. Курсировавшие в Варшаве автобусы с трудом вмещали всех желающих, а музеи и картинные галереи просто ломились от публики. Ночь музеев продолжалась с 19 часов до полуночи. И хотя эта идея не нова, в Польше она привилась исключительно удачно.

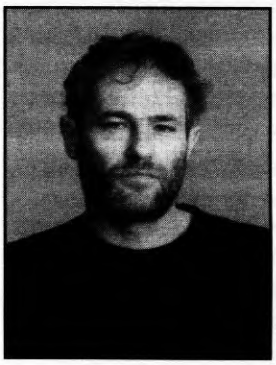
• В этом году Мазовецкий центр культуры и искусства уже в третий раз организовал летний фестиваль «Шопениана». Организаторы сделали ставку скорее на необычный репертуар и форму, нежели на всемирно известных исполнителей. Шопена исполняли «в камерном и оркестровом, джазовом и народном, и даже в оперном варианте, хотя наш национальный композитор не написал ни одной оперы (в программу концерта „Оперы Фридерика Шопена" вошли арии и дуэты из любимых произведений композитора — от Моцарта до Доницетти), — написала Дорота Шварцман. — (...) В планы входил даже показ моды, созданной под вдохновением музыки Шопена». Большинство концертов проходило на свежем воздухе, возле памятника Шопену в варшавском парке Лазенки.

• Приграничный Тешин стал местом проведения одного из самых значительных в Польше кинофестивалей. Фестиваль носит название «Эра. Новые горизонты», продолжается 11 дней, а его сила, как пишет Павел Т. Фелис, «заключается в соединении противоречий. С одной стороны, небольшой городок с домами в стиле модерн (...) с другой — непосредственная молодая публика (...) Гутеку удалось нечто очень важное: вместо еще одного смотра фильмов он устроил настоящий праздник кино, на котором радость и удовольствие от просмотра — не пустые слова». Сам же создатель и директор фестиваля Роман Гутек говорит о своем детище так: «В Тешине я могу показать фильмы, у которых нет шансов попасть в прокат, поделиться со зрителем своими открытиями, тем, что меня восхитило или удивило. Это замечательная, молодая, восприимчивая публика, которую я немного знаю и люблю. Она элитарна, но почему бы и нет? Сюда приезжают любители кино и искусства, киноведы, люди, которые хорошо знают кино и хотят о нем поспорить (...) Я сознательно выбрал маленький город и каникулы. Мне хотелось, чтобы люди смогли отключиться от ежедневных занятий и жить только кино. Тешин — не самый маленький городок, но здесь все ближе друг другу. Кроме того здесь все дешево, даже если на время фестиваля жители немного поднимают цены». В этом году победительницей фестиваля стала французская дебютантка Элеонора Фуше, чей фильм «Вышивальщицы» завоевал главную премию. Фильм француженки — это красивый, классически снятый рассказ о зарождающейся дружбе.

• Антинобелевские премии, присуждаемые за самые абсурдные идеи, изобрели в 1991 году американцы. Теперь эту мысль подхватило краковское издательство «Знак», которое совместно с радио RMF FM присудило польские антинобелевские премии. Первую премию получила автомобильная эстакада, на которую нет въезда, построенная на пути из Вадовице в Суху-Бескидску. Вторая премия досталась государственным деятелям, создавшим печально известный в Польше Национальный фонд здравоохранения. Третье место занял полицейский из Гижицка, отправивший доверенные ему для проверки подлинности банкноты в варшавский Институт криминологии... почтовым переводом.

ДИКТАТОРЫ НЕ ЛЮБЯТ ФОТОРЕПОРТЕРОВ

Беседа с Томашем Кизным



— После того как в 1981 г. в Польше было введено военное положение, вы с друзьями основали независимое фотоагентство «Дементи» [«Опровержение»]. Какую роль оно должно было выполнять?

— Когда началось военное положение и «Солидарность» была разбита, мы были чуть старше двадцати и оказались перед выбором: эмигрировать или каким-то образом протестовать. Нам повезло: сражаться нам довелось с фотоаппаратом или множительным аппаратом в руках, а не с винтовкой, как поколению наших родителей, а за «контрреволюционную» деятельность нам грозило самое большее два-три года тюрьмы, а не 25 лет лагерей или расстрел. «Дементи» было для нас прежде всего формой сопротивления режиму ПНР и образом жизни в стране произвола и лжи. Мы фотографировали забастовки, демонстрации, голодовки протеста, акции движения «Свобода и мир»*, хеппенинги «Оранжевой альтернативы» — все, в чем проявлялось общественное сопротивление. Снимки мы пересылали на Запад и печатали в польской независимой прессе, выходившей неподцензурно. Во времена драматических событий, в которых участвуют целые сообщества людей, а правители цензурируют информацию, фотография играет особую роль: ее значение приобретает ранг объективного, неопровержимого доказательства, а также обвинения. Поэтому диктаторы не любят фоторепортеров.

— Как вы передавали фотографии на Запад? Доходили ли к вам из-за «железного занавеса» сигналы о судьбе ваших снимков?

— Вначале мы пользовались каналами подпольной «Солидарности», с которой были связаны. Сперва снимки переправляли иностранные журналисты: хотя органы вели за ними слежку, они находили возможности перевезти материалы через границу. Так шведский журналист, фамилии которого я и поныне не знаю, вывез из Польши кинопленку, на которую мы сняли, как милицейский грузовик переехал одного демонстранта 31 августа 1982 года. Это были одни из известнейших кадров времен военного положения, которые обошли европейскую печать и телевидение. Сведения о публикациях доходили к нам с большим опозданием, обрывочно и случайно. Они доставляли нам радость и давали удовлетворение.

Потом мы установили контакт с варшавскими представительствами Рейтера, Ассошиэйтед Пресс и Франс Пресс и распространяли фотогра-

* Движение «Свобода и мир» — независимая общественно-политическая группировка, основанная в 1985 г.; ее программа включала борьбу за права человека (в частности, за освобождение осужденных отказчиков от службы в армии), борьбу за мир в соединении с соблюдением политических свобод [в этом, собственно, и была специфика движения, основанного в самый разгар массовых просоветских пацифистских демонстраций в Западной Европе. — *Здесь и далее в квадратных скобках прим. пер.*], борьбу за создание гражданского общества.

фии «Дементи» через них. Начиная с 1984 г., мы регулярно поставляли фотографии нескольким польским независимым изданиям, а с помощью «Польско-чехословацкой солидарности» наши снимки пересекали «зеленую границу» и появлялись в чешской неподцензурной печати. Мы же распространяли фотографии, переброшенные через границу из Чехии в Польшу. Во второй половине 80-х цензура переписки настолько ослабла, что мы высылали наши фотографии почтой в польские, русские и чешские эмигрантские издания, выходившие во Франции, Западной Германии, Великобритании, США.

— После семи лет подпольной работы 1989 год, должно быть, стал для вас большим праздником. Что вы фотографировали из событий, потрясавших Центральную Европу в этот исторический год?

— Это действительно был год невероятный. Великие минуты, великая радость. Мы были везде: и на «круглом столе» в Варшаве, и в Праге во время «бархатной революции», и во время драматических событий в Румынии. Помню, как в вечернем выпуске телевизионных новостей сообщили, что пограничные переходы между Восточным и Западным Берлином открыты. Берлинская стена перестала существовать. Мы с другом из «Дементи» сразу пошли на вокзал и сели в поезд, идущий в Восточный Берлин. Утром мы уже были среди радостной толпы людей, которые молотками, кирками, камнями — у кого что было — рушили стену. Это было замечательно! Одновременно и символично, и реально. Никогда не забуду этот солнечный день и атмосферу, которая там царила. Я убрал фотоаппарат в сумку, попросил у одного длинноволосого парня молоток и добрых полчаса с радостью, удар за ударом, изо всех сил колошматил в железобетонную стену, расширяя брешь «на ту сторону». На свободу. Вскоре после этого «Дементи» прекратило свое существование. Это случилось совершено естественно, так как коммунистическая цензура и ложь, которые нужно было опровергать, исчезли. Каждый из нас пошел своим путем, почти все — с фотоаппаратом в руках. А я начал ездить в Россию в поисках следов ГУЛАГа.

— Откуда у вас этот интерес к ГУЛАГу? Ваша семья прибыла в Польшу с востока?

— Сибирь я, собственно говоря, знал с детства. Из рассказов мамы, бабушки Хелены и деда Стефана, которые во время войны были высланы с польских восточных окраин в Иркутскую область. Каждый год, когда вся семья встречались у рождественской елки, возвращались воспоминания о Сибири. В этих рассказах жили голод, мороз, метели, смерть. Это были истории о жестокости системы и доброте людей — простых русских людей, встреченных в ссылке. Во время страшного голода русская женщина из *поселка* [выделенное курсивом в ответах Кизного здесь и далее — по-русски в тексте] поделилась с Хеленой едой, сказав: «Твои дети тоже голодают», — и не взяла дедовского пиджака, который бабушка хотела выменять на ведро картошки. Память об этой женщине хранится в нашей семье доныне, хотя с той зимы прошло уже 60 лет. Была в этих рассказах и красота сибирской природы: девственная тайга, магия великих сибирских рек. Мама привела из Сибири русские песни. У отца — не знаю, откуда, — была русская семиструнная гитара. Они пели старинные романсы, казачьи песни, украинские думки. Часть отцовской семьи вывезли в Казахстан. Мой прадед Томаш Попель-Видавский там, в ссылке, и умер. Меня назвали Томашем в его честь. Дядя и бабушка прошли лагеря, но им удалось выжить, и после войны они вернулись в Польшу. Бабушка выжила только благодаря лагерному врачу Галине, которая вытащила ее из состояния полного истощения, а потом задержала в больнице, чтобы защитить от общих работ и от зверств уголовников.

— Можно ли сказать, что трагическая судьба семьи направила вас на российские пути?

— Не совсем. В Польше, особенно во Вроцлаве, куда переселили поляков с территорий, присоединенных после войны к СССР, есть немало семей, чья судьба подобна судьбе моей семьи. Это скорее была случайность. В 1986 г. мой друг, журналист, который проводил интервью с бывшими зэками советских лагерей для подпольной печати, сказал мне, что у некоторых из них есть тамошние фотографии. В то время в Польше уже были известны книги Солженицына, Шаламова, Гинзбург, Херлинга-Грудзинского, Чапского... Но фотографии из ГУЛАГа! Это была сенсация. Снимки делали польские заключенные в Воркуте. В 1955 г., через два года после смерти Сталина, их освободили из лагерей. Несколько месяцев они дожидались разрешения вернуться в Польшу, и тогда-то им удалось сделать немало снимков *Воркутлага*. В коммунистической ПНР эти снимки, естественно, были обречены на небытие, 30 лет пролежали спрятанными в ящиках. В течение трех лет я ездил по Польше и собирал у бывших советских зэков эти фотографии. Они составили выставку «Спасенные из ГУЛАГа», которую в 1989 г., уже после переговоров «круглого стола», можно было показать широкой публике в варшавской галерее Союза польских художников-фотографов. Годом позже у меня появилась первая возможность поехать в СССР. Я поехал в Воркуту — посмотреть, как спустя почти 50 лет выглядит *Воркутлаг*, который я знал по зэковским снимкам. И так началось мое почти 15-летнее странствие и документирование реликтов ГУЛАГа.

Так сложилось, что Россию я узнавал с самой темной ее стороны: Соловки, Беломорканал, Воркута, Колыма, лагеря заполярной Сибири. Во время этих экспедиций — зачастую в *глубинке*, в глухой провинции, — я встречал людей, как говорится по-русски, *душевных*. Всегда готовых предоставить ночлег, накормить, помочь — или научить элементарным правилам движения среди абсурда советской бюрократии. Идя по следам жестокого безумия системы, трудно было устоять перед мыслью о том, как это в стране таких гостеприимных, сердечных и добрых людей возник кошмар советского коммунизма. И наоборот: каким образом так много русских сумели сохранить порядочность, благородство и человеческую доброту несмотря на 70 лет безжалостного террора и лжи.

В Петербурге и Москве я встретился с людьми, с которыми до рассвета можно было разговаривать «на кухне» о жизни, любви, поэзии, Боге и смерти. Как ни с кем другим и как нигде больше. Так я познакомился с моими русскими друзьями из «Мемориала», которые мне постоянно помогали: Сусанной Печуро, Сергеем Кривенко, Александром Гурьяновым. С незаменимой Татьяной Косиновой из петербургского «Мемориала», которая несколько лет неутомимо помогала мне искать фотографии в советских архивах и устраивать вылазки в места, связанные с ГУЛАГом. С Александром Вологодским и Эрнстом Ивановым, с которыми я дважды ездил в экспедиции на Мертвую дорогу.

— Откуда такое название — Мертвая дорога?

— Мертвой дорогой называют недоконченную сталинскую «великую *стройку*» — железную дорогу, которая должна была соединить Норильск с европейской железнодорожной сетью. Одновременно это пример жестокости и абсурда советской тоталитарной системы. На протяжении четырех лет в неслыханно трудных условиях 70 тысяч зэков строили железную дорогу, идущую на широте Полярного круга. Гигантскую стройку начали по приказу Сталина совершенно без подготовки, без про-

екта и сметы. Прокладка железнодорожных путей на вечной мерзлоте наталкивалась на огромные технические трудности. Предприятие было не только технически неудачным, но и бессмысленным: даже если бы дорогу построили, по ней нечего было бы возить через практически незаселенные пространства Северо-Западной Сибири. Абсурдную *стройку* прервали через две недели после смерти Сталина. По сей день среди пустой сибирской лесотундры осталось 700 километров железнодорожных путей и около ста лагерей в том виде, как они были брошены в 1953 году. Мертвую дорогу можно считать аллегорией советского коммунизма как пути, строившегося вопреки здравому разуму, с использованием рабского труда, оплаченного тысячами жертв и ведущего в никуда.

— Фотовыставку «Мертвая дорога» вы показали в варшавской Галерее современного искусства в 1991 году. На открытии выставки вы познакомились с людьми из центра «Карта» и стали с ними сотрудничать. В чем состояло это сотрудничество?

— Я высоко ценю тот факт, что, сотрудничая с «Картой», обладал полной свободой осуществлять свой проект и получал неоценимую помощь от «Карты», состоявшую главным образом в раздобывании средств на продолжение работы в России. Отдельные этапы проекта, как и другие фотодокументы, которые я находил в России, печатались в ежеквартальном историческом журнале «Карта». С центром «Карта» я провел также две выставки — «Планета Колыма» и «Время империи». Вторая из них, показанная в Варшаве в 1995 г., собственно говоря, подвела проекту итог. На ней экспонировались снимки из большинства тех мест ГУЛАГа, где я побывал.

— В 1994 г., во время международной встречи «В кругу империи», проходившей в Подкове-Лесной под Варшавой, прошла еще одна ваша выставка — «Приговор», которая потом экспонировалась в рамках знаменитой выставки «Где брат твой Авель?» в варшавской галерее «Захента», стокгольмском Музее современного искусства и других местах. Ваша выставка сталкивает тюремные фотографии расстрелянных во время «большой чистки» с портретами спящих пассажиров московского метро. Откуда взялась такая идея?

— В 1993 г. я работал в архиве «Мемориала» в Москве, где просматривал тюремные фотографии расстрелянных в Москве в 1937-1938 гг., полученные «Мемориалом» из центрального архива КГБ. Этих снимков было несколько тысяч. По много часов я каждый день смотрел в глаза людям, которых расстреляли. Возвращаясь вечером на метро домой, я не мог оторвать взгляда от пассажиров. Десятки лиц на эскалаторах, едущих вниз, исчезающих в подземных коридорах. Лица обычных людей: деревенская женщина, служащий, рабочий, солдат, влюбленная пара. Перед глазами у меня стояли лица тех — расстрелянных в этом городе полвека назад. Меня мучила мысль, что так легко, так просто и без причины система может убить человека. Вот хотя бы этого, что, устав за день, дремлет напротив меня в вагоне метро. Этому сопутствовала своего рода тревога: окружающая нас действительность непрочна, кошмар террора, когда топор падал вслепую, в один прекрасный день может вернуться. Тогда я сделал серию портретов пассажиров московского метро — фотографировал спящих. Еще и потому, что во сне человек особенно раскрывает свою беззащитность.

— Вы не считаете себя художником — говорите, что вы только фотограф. Почему, если вы выставляетесь в известных художественных галереях?

— Я не претендую на звание художника. Занимаюсь только документальной фотографией, и называть искусством то, что я делаю, — это лишь наводит путаницу, а мне это ни к чему. А факт, что мои проекты зачастую выставляются в галереях, свидетельствует о том, что в современном мире искусства еще остается место говорить о чем-то важном просто.

— Что вы испытывали, фотографируя Колыму, Воркуту, Беломорканал — места, которые по сталинской установке должны были навеки остаться скрытыми от мира?

— Многомиллионное *«племя зэков»*, которое свыше трех десятилетий населяло немалые пространства империи, не оставило после себя слишком много материальных следов. Исключение составляет Мертвая дорога: благодаря своей удаленности от населенных пунктов, затерянности в полярных пустынях Сибири она законсервировалась как нечто вроде музея ГУЛАГа. Только там, входя в барак, где стоят двухъярусные деревянные нары, а на полу можно найти зэковские валенки и латаные рукавицы, мне удалось прикоснуться к той действительности, которую я знал из книг Шаламова, Солженицына, Херлинга-Грудзинского. В пейзажах Воркуты, Колымы, Беломорканала почти не найдешь признаков, соединяющих это — не такое уж далекое — трагическое время с сегодняшним днем. Используя язык археологии, можно сказать, что их прикрыл новый культурный слой: шахты, города, поселки, автомобильные и железные дороги. Место *«племени зэков»* заняли другие люди, их жилища построены там, где те страдали и умирали. Фотография — лишь беспомощный свидетель этих процессов.

— Вместе с Адамом Буяком и Янушем Фоглером вы издали фотоальбом «Отдаленная Россия», показывающий страну сразу после падения коммунизма. Адам Шосткевич в рецензии написал, что «пожалуй, только поляки могут так ощущать загадку России». Что вы об этом думаете?

— Это мнение претенциозно. Почему бы это нам иметь особый патент на понимание России? Это чепуха. С мыслью о том, что Россию понимаешь или «ощущаешь», надо быть поосторожней. Сами русские любят повторять за Тютчевым: «Умом Россию не обнять (...) в Россию можно только верить».

— А как вас, поляка, принимают в России?

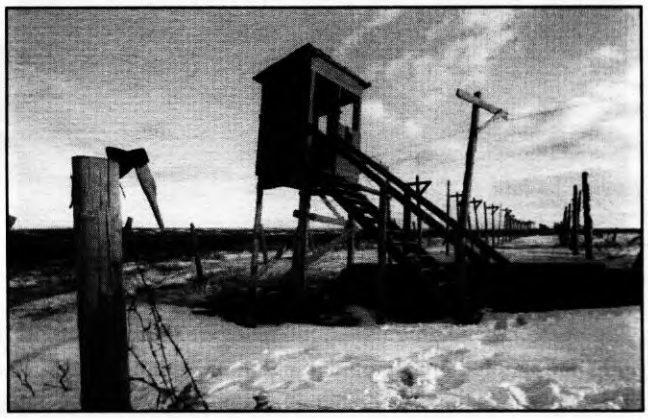
— Как я уже сказал, принимают очень хорошо. Но дело скорее не в том, что я поляк, а в российском гостеприимстве. Наверное так же гостеприимно они приняли бы англичанина, итальянца или француза. Зато российская бюрократия бывает просто жуткой. Но наверняка она такова же для англичанина, итальянца и француза. Да существует ли какое-то особое, славянское братство душ между русскими и поляками? Я склоне считать, что да, но говорить об этом трудно: это материя деликатная, трудноуловимая словесно. К тому же я ведь поляк с восточных окраин, из-за Буга. Там мои корни. Может, поэтому я среди русских часто чувствую себя как среди своих, а бывает, что и лучше.

— В прошлом году в Париже вышел ваш альбом «ГУЛАГ». Эта книга в 550 страниц подводит итоги вашей 15-летней работой над этой темой. Как был принят альбом на Западе?

— Сверх всяких ожиданий хорошо. В «Монде» его назвали «книгой памяти», а в «Либерасьон» — «визуальным "Архипелагом ГУЛАГ"». К книге проявили большой интерес французское радио и телевидение. Большинство крупных европейских журналов, такие, например, как итальянская «Реппублика», испанский «Паис», «Франкфуртер альгемайне», опубликовали двухтрехстраничные рецензии. Может быть, потому, что это первая публикация, представляющая — насколько это было возможно, комплексно — фотообраз системы советских лагерей. Кроме того похоже, что есть какое-то возвращение этой темы на Западе. В прошлом году во Франции вышел новый перевод собрания сочинений Шаламова, в Женеве при участии московского «Мемориала» прошла большая выставка, посвященная ГУЛАГу, в США вышла «История ГУЛАГа» Энн Эпельбойм, получившей за эту книгу Пулитцеровскую премию. Это, естественно, не означает, что знания о ГУЛАГе станут в западных обществах распространенными. Этого, пожалуй, уже не изменить.

— Норман Дэвис в предисловии к книге написал, что большинству образованных людей на Западе такие названия, как Соловки, Беломорканал, Воркута, Колыма, ничего не говорят и что они изумились бы, если б им сказали, что ГУЛАГ поглотил больше жертв, чем Ипр, Сомма, Верден, Освенцим, Майданек, Дахау и Бухенвальд вместе взятые...

— Да, поразительно, почему Запад никогда не хотел или был не в состоянии осознать преступления коммунизма. В Москве или Петербурге я много раз своими глазами видел, как развеселившиеся иностранные туристы покупали на уличных лотках бюсты и матрешки со Сталиным или майки с изображением Ленина. Ленин как сувенир из России казался им остроумным, а футболка со Сталиным или надписью «КГБ» наверняка вызвала хохот на первом же приеме гостей в Париже или Лондоне. И как-то им не приходит в голову, что в этом, может быть, есть что-то неуместное. В Германии они не купили бы сувениров с изображением Гитлера или маек со свастикой. А ведь преступления советского коммунизма поглотили не меньше, а куда больше жертв, чем Катастрофа. Причин такого положения вещей много. Возьмем, например, кино, которое сильнее воздействует на коллективную память, чем книги. Сняты десятки фильмов о преступлениях нацизма — и продолжают сниматься по сей день, вспомним хотя бы «Список Шиндлера» Стивена Спилберга или «Пианиста» Романа Полянского. В 90-е годы было снято много документальных фильмов о советской тоталитарной системе, но ни одного художественного, за исключением помещенной в реалии «большой чистки» картины Никиты Михалкова «Утомленные солнцем» — мастерски снятой, но отвратительно фальшивый и интеллектуально дешевой. Михалков снял первый художественный фильм о «великой чистке» как сюжет любовного треугольника, движущийся в ритме танго и атмосфере рассказов Чехова, со старым большевиком комбригом Котовым в качестве главного героя. Отталкивающая фальшь, которая дисквалифицирует автора как серьезного художника, как мыслителя.



А ведь достаточно взять биографию Анны Ахматовой: Царское Село, акмеисты, роман с Модильяни в Париже, октябрьский переворот в Петрограде, казнь Гумилева, арест сына, наконец поэма «Реквием», которая больше 20 лет существовала только в голове поэтессы, только в ее памяти: лишь в 60-е годы она отважилась перенести «Реквием» на бумагу. Вот вам сценарий фильма! Или судьба Варлама Шаламова, или трагедия Марины Цветаевой. Взглядом воображения вижу, что на эти сюжеты можно поставить прекрасные и серьезные фильмы, говорящие нечто важное о человеческом состоянии. Но такие фильмы не создаются — ни в Голливуде, ни в Европе, ни в России*.

— В вашей книге три вступительных статьи — известного русского правозащитника Сергея Ковалева, английского историка Нормана Дэвиса и постоянно живущего во Франции испанского писателя Хорхе Семпруна. Каждый из них по-своему сравнивает преступления национал-социализма и коммунизма. Как вы считаете, почему сталинские преступления западная общественность не заклеймила так же, как гитлеровские?

— Прежде всего Германия проиграла войну — можно было снять на кинопленку лагеря уничтожения, изучить архивы, осудить преступни-

* Российский читатель поправит Томаша Кизного, назвав снятые в России фильмы об эпохе тоталитаризма (хотя бы «Холодную зиму 53-го года» или картины Сокурова) — правда, их действительно не так много, как того требует история. Несколько наивно выглядит и надежда, что сюжет обеспечит «прекрасный и серьезный» фильм: нетрудно себе представить, какой китч умелые мастера сварят из приведенного в интервью сюжета-биографии Ахматовой. — *Пер.*

ков. А СССР оказался среди победителей. Советская тоталитарная система так никогда и не была осуждена за свои преступления. Зло не было названо по имени во всем величии закона, как это произошло на Нюрнбергском процессе. Общество «Мемориал» в экспертном заключении, составленном по заказу президента Бориса Ельцина, неопровержимо показало, что КПСС была преступной организацией, но суд не вынес ясного приговора. Об этом пишет в своем предисловии Сергей Ковалев.

Кроме того на протяжении десятилетий западные левые, в том числе видные писатели и мыслители, такие, как Сартр и Арагон, настолько увлекались идеей коммунизма, что готовы были затушевывать коммунистический террор или оправдывать его — по логике, согласно которой не сготовишь яичницу, не разбив яиц. На такой образ мыслей и способ аргументации отлично ответил Владимир Буковский, сказав, что видел много разбитых яиц, но яичницы попробовать так и не удалось. Неизвестно почему, но в кругах интеллектуальной элиты США и Западной Европы укрепилась уверенность, что резкая критика коммунизма — это нечто неприличное, отсталое и безвкусное.

Был и важный политический аспект. На протяжении всей «холодной войны» западные политики в публичных выступлений тщательно обходили молчанием темные страницы истории СССР. Это было понятно и оправдано, если принять во внимание советский ядерный арсенал и напряженность, которая и без того установилась между двумя лагерями. Пожалуй, только Рональд Рейган в 80-е годы мог себе позволить назвать СССР «империей зла». В это самое время западные пацифистские движения провозглашали полную нравственную капитуляцию перед советской ядерной дубиной, лучше всего выразившуюся в знаменитом лозунге «Better red than dead» [«Лучше красным, чем мертвым»].

Разница лежит также — а может быть, в первую очередь — в самой идеологии. Немецкий национал-социализм был примитивной шовинистической идеологией, изобретенной для одной нации. Коммунизм же носил вселенский характер, обещал создать «нового человека», новую действительность и т.п., так что был куда более привлекательным интеллектуально.

— Сергей Ковалев во вступительной статье к вашей книге пишет, что в России не были сведены счеты с ее новейшей историей, что советский тоталитаризм и по сей день жив в образе мыслей советского общества. Согласны ли вы с этим — с вашей личной точки зрения, после стольких путешествий по России?

— Сергей Ковалев — это человек, который не боялся говорить правду в глаза в те времена, когда за нее надо было платить годами заключения. Он не боится говорить правду и сегодня, сталкиваясь с непопулярностью и ненавистью у немалой части российского общества. Сергей Адамович — это совесть России, как был ее совестью Андрей Сахаров. Естественно, что я с ним согласен, но у меня нет такого, как у него, морального права выносить приговоры образу мыслей и состоянию духа российских граждан. Могу лишь привести свои наблюдения, подтверждающие то, что говорит Сергей Ковалев.

В 1989 г. в центре Магадана воздвигли памятник Эдуарду Берзину — основателю колымских лагерей, самой большой и самой страшной лагерной системы в СССР. В городе есть и улица Берзина. Из окон домов на этой улице виден воздвигнутый на высотах за городом памятник жертвам колымских лагерей, созданный Эрнстом Неизвест-

ным. В одном городе — памятник палачу и памятник его жертвам. Это пример моральной шизофрении. Зато напрасно искать в Магадане улицу или школу имени проведшего в колымских лагерях 17 лет Варлама Шаламова, автора «Колымских рассказов» — одного из самых важных свидетельств о ГУЛАГе, ныне уже классика русской литературы. Другой пример: в годовщину смерти Сталина Владимир Путин вернул мелодию сталинского государственного гимна и поднял тост: «Может быть, я ошибаюсь, но ошибаюсь вместе со всем народом». Или, наконец, то, что мумия «Ильича», человека — или, может, скорее «беса» из Достоевского, — который навлек на Россию океан несчастий, страданий и зла, до наших дней покоится в мавзолее из красного мрамора на Красной площади.

— Андре Глюксман написал в газете «Жечпосполита»: «Я мечтаю о все еще представимой России — о такой, которая начинала существовать на заре XX века. Литература, музыка, балет, театр, живопись, математика, языкознание, философия — просвещение из Санкт-Петербурга, Одессы, Москвы распространялось на весь континент».

— Я тоже мечтаю о такой России. И согласен с видным французским философом, что такая Россия «все еще представима». Верю, что Россия поднимется из разрушений и бездны, куда ее вогнали 70 лет советского тоталитаризма. Верю, потому что знаю, что Россия располагает огромным потенциалом — не только экономическим, но и духовным, человеческим. На это, конечно, нужно время. Ведь с крушения «передового строя» прошло немногим больше десяти лет. Поэтому еще раз, несколько изменяя слова, повторю за Тютчевым: в Россию не только можно, но и нужно верить.

Беседовала
Сильвия Фролов

Zbigniew Florczak o książce Pomianowskiego
Piotr Wojciechowski o Kongresie kultury chrześcijańskiej
Rozmowy z Różą Thun, Karolem Tarnowskim
Aleksander Britaniszskij o Witoldzie Wizpszy
~~Prozą: Eustachy Rylski~~

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
~~**В. и Р.Сливовские** о дневниках генерала Старинкевича~~
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Ян Гондович о новой прозе
Генрик Хлыстовский: Действительно ли мы не издаем русских писателей?
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
Проза Ю.Хена
Е.Помяновский беседует с Аркадием Райкиным
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с Р.Тун, ~~Р.Сикорским,~~ М.Комаром

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского,
~~Фицовского~~, Яструна, Херберта и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА РЕКОМЕНДУЕТ ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym 0% VAT